

Российская Академия Наук

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

Русская СЛОВА РЕЧЬ

2026

ИЮЛЬ –
АВГУСТ

НАУКА
— 1727 —

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Заместители главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Заведующая редакцией: **М. А. Пузина**

Заведующие отделами: **С. В. Дьяченко, О. В. Антонова**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала
«Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://slavras.ru>, <http://russkayarech.ru/>

© Российская академия наук

Российская Академия Наук

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

2026

JULY -
AUGUST

НАУКА
— 1727 —

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Olga V. Antonova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia
Evgeniya E. Dmitrieva M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia
Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA
Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK
Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Dina M. Magomedova Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Vladimir I. Novikov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Heinrich Pfandl University of Graz, Austria
Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA
Maria A. Puzina Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK
Anna V. Znadvorova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Maria A. Puzina
Editorial staff: Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35
E-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru
Website: <http://slavras.ru>, <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина. *Вековухи, засиделки, дегтяри и другие номинации не вступивших в брак (на материале кубанских говоров)*
- 18..... Н. В. Головки. *Актуальные тенденции употребления действительных причастий настоящего и прошедшего времени (попытка корпусного исследования)*
- 34..... С. В. Дьяченко, Ю.-А. Якимова. *В чем «слабости» сильного яканья, или О предупредном вокализме псковских говоров Островского района*
- 47..... А. Е. Журавлёва. *Как правильно посчитать часы, ряды, шаги и не только? Акцентуация некоторых имен существительных в сочетании с количественными числительными*

Из истории русского языка

- 57..... Е. В. Буденная. *Неканонические имена белого духовенства в истории русского языка*
- 79..... С. В. Власов, Д. Г. Демидов. *История слов *субтильный, деликатный, политичный, дипломатичный, тактичный* как выражение концептов «тонкость» и «вежливость»*
- 93..... О. В. Шкуран. *Библейские фразеологизмы в словаре И. Н. Редникова «Сборник замѣчательныхъ изречений, цитатъ, поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ съ историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ» (на фоне словарей М. И. Михельсона, В. И. Даля)*

Язык художественной литературы

- 104..... Г. Н. Абреимова. *Акустическая образность в художественном мире М. М. Пришвина: орнитологические звуковые модели и их текстообразующие функции*
- 116..... О. И. Зворыгина. *Речевой портрет главного героя цикла рассказов М. А. Булгакова «Записки юного врача»*

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Olga G. Borisova, Lyudmila Yu. Kostina. Vekovukhi, Zasedelki, Degtyari*
and Other Nominations of the Unmarried
(Based on Kuban Sub-dialects)
- 18..... *Nikolai V. Golovko. Ongoing Trends in Usage of Active*
Present and Past Participles in the Russian Language
(An Attempt at a Corpus-Based Study)
- 34..... *Svetlana V. Dyachenko, Iuliana-Andreea Iachimov. What are “the Weaknesses”*
of Non-dissimilative Jakan’je, or on the Pre-stressed Vocalism
of the Pskov Dialects of the Ostrov District
- 47..... *Aleksandra E. Zhuravleva. How to Count Hours, Rows, Steps,*
and More Correctly? Accentuation of Some Nouns in Combination
with Cardinal Numbers

From the History of the Russian Language

- 57..... *Evgeniya V. Budennaya. Non-Canonical Names of the White Clergy*
in the History of the Russian Language
- 79..... *Sergei V. Vlasov, Dmitrii G. Demidov. The History of the Words Subtil’nyj,*
Delikatnyj, Politichnyj, Diplomatchnyj, Taktichnyj
as Expressions of the Concepts of “Subtlety” and “Politeness”
- 93..... *Oksana V. Shkuran. Biblical Phraseological Units in the Dictionary*
of I. N. Rednikov “Collection of Remarkable Sayings, Quotations,
Proverbs, etc. from Various Times and Peoples with a Historical
and Comparative Explanation” (Based on the Dictionaries
by M. I. Mikhelson and V. I. Dal)

The Language of Fiction

- 104..... *Galina N. Abreimova. Acoustic Imagery in the Artistic World of M. Prishvin:*
Ornithological Sound Models and Their Text-Structuring Functions
- 116..... *Olga I. Zvorygina. Linguistic Portrait of the Protagonist*
in M. A. Bulgakov’s Cycle “A Young Doctor’s Notebook”

Вековухи, засиделки, дегтяри и другие номинации не вступивших в брак (на материале кубанских говоров)

Ольга Геннадиевна Борисова¹, Людмила Юрьевна Костина², Кубанский
государственный университет (Россия, Краснодар)^{1,2}, ogborisova@mail.ru¹, patriot30@mail.ru²

DOI: 10.7868/S3034592826040012

АННОТАЦИЯ: В статье на материале кубанских говоров, которые относятся к говорам вторичного образования, рассмотрены диалектные наименования мужчин и женщин, так и не связавших себя узами брака, а также выявлены и охарактеризованы семантические модели этих номинаций. Лексические единицы, собранные авторами в ходе диалектологических экспедиций разных лет, описаны на фоне материнских языковых основ кубанского диалекта — южнорусских говоров и украинского языка — с привлечением этнокультурных данных. Охарактеризована динамика отношения к безбрачию в среде кубанских казаков в связи с изменением их образа жизни. Особое внимание уделено характеристике локальных значений, развившихся у анализируемых наименований в кубанских говорах, раскрыты семантические механизмы появления этих значений. Отмечена продуктивность зооморфной метафоры в системе наименований не вступивших в брак. Акцентируется внимание на образности ряда лексических и фразеологических единиц, их эмоционально-экспрессивном потенциале. Посредством анализа семантической структуры слов и их внутренней формы сделан вывод о преимущественно неодобрительном отношении к неженатым мужчинам и сочувственному — к незамужним женщинам. Продемонстрирована актуальность обращения к материалам, зафиксированным

в говорах позднего образования, поскольку это дает уникальную возможность расширить представление о мировидении носителей русских народных говоров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кубанские говоры, традиционная казачья культура, безбрачие, семантические модели номинаций, внутренняя форма слова, локальные значения слов

для цитирования: Борисова О. Г., Костина Л. Ю. *Вековухи, засиделки, дегтяри* и другие номинации не вступивших в брак (на материале кубанских говоров) // Русская речь. 2026. № 4. С. 7–17. DOI: 10.7868/S3034592826040012.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24–28–20008. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>

Issues of Modern Russian Language

Vekovukhi, Zasidelki, Degtyari and Other Nominations of the Unmarried (Based on Kuban Sub-dialects)

Olga G. Borisova¹, Lyudmila Yu. Kostina², Kuban state university (Russia, Krasnodar)^{1,2},
ogborisova@mail.ru¹, patriot30@mail.ru²

ABSTRACT: Using material from Kuban sub-dialects, which belong to the group of secondary formation dialects, this article explores dialectal designations for men and women who have not entered into marriage and identifies the semantic models underlying these nominations. The lexical units are described against the background of the parent linguistic bases of the Kuban dialects — Southern Russian sub-dialects and the Ukrainian language — with reference to ethnocultural data. The article characterizes the dynamics of attitudes toward celibacy among the Kuban Cossacks in connection

with changes in their way of life. It pays special attention to the development of local meanings in the analyzed nominations within the Kuban sub-dialects, revealing the semantic mechanisms behind these meanings, and emphasizes the productivity of the zoomorphic metaphor in the system of terms for the unmarried. Particular attention is paid to the figurative quality of a number of lexical and phraseological units and to their emotional-expressive potential. By analyzing the semantic structure of the words and their internal form, the study concludes that attitudes toward unmarried men are predominantly disapproving, while unmarried women are viewed with greater sympathy. The study demonstrates the relevance of drawing on materials recorded in late-formation sub-dialects, as they provide a unique opportunity to broaden our understanding of the worldview of sub-dialect speakers of Russian language.

KEYWORDS: Kuban region sub-dialects, traditional Cossack culture, celibacy, semantic models of nominations, internal form of a word, local semantics of a word

FOR CITATION: Borisova O. G., Kostina L. Yu. *Vekovukhi, Zasedelki, Degtyari* and Other Nominations of the Unmarried (Based on Kuban Sub-dialects). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 4. Pp. 7–17. DOI: 10.7868/S3034592826040012.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was carried out with the financial support of the Kuban Scientific Foundation as part of the project No. 24–28–2008. The research was carried out using a grant from the Russian Science Foundation No. 24–28–20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>

В традиционной культуре понятие безбрачия касается прежде всего людей, по разным причинам никогда не вступавших в брак. Их номинации широко представлены в русских диалектах [Вендина 2020; Зверева 2013; Качинская 2020 и др.]. Яркий пласт составляют подобные диалектные названия и в кубанских говорах, представляющих собой говоры позднего, вторичного образования, носителями которых являются кубанские казаки, а также не казачье население, проживающее на территории Краснодарского края.

В прошлом, в докубанский период, казаки, находившиеся на военной службе длительное время, давали обет безбрачия [Бондарь, Жигалова 2009: 65]. В этой связи закономерно развитие у функционирующего в кубанских говорах глагола *казакова́ть* / *казакува́ть* на базе первого значения

‘нести службу в казачьих полках’ переносного ‘вести холостой, независимый образ жизни’. Казаки женились уже в зрелом возрасте после того, как покидали войско. Данный факт нашел отражение в широко известном на Кубани выражении *коза́к на кони́, а ди́вка ще в пе[ы]ле[ы]ни́ / каза́к на коне́, а де́вка ще в пелене́*, где *пелена́* — ‘1) подол рубахи’ [Гринченко 1958в: 106], ‘нижний край одежды (платья, юбки и т. п.)’, ‘1) покрывало’ [Белодед (ред.) 1975: 113], ‘пелёнка’ [Сороколетов (ред.) 1990: 326].

Когда кубанские казаки начали вести оседлый образ жизни, браки стали заключаться в более раннем возрасте. Семья, будучи нравственной и хозяйственной основой жизни, является и хранительницей традиционной казачьей культуры, и залогом благоденствия. Только женатые казаки получали земельный надел — *пай*. В этой связи создание семьи в народном сознании воспринимается как важное событие в жизни как мужчины, так и женщины. Недаром на Кубани бытует поговорка *И горобэ́ць оди́н ны живэ́з / И горобэ́ц оди́н не живёт*.

Станичная община приветствовала образование новых семей. В кубанских станицах существовала даже традиция на Масленицу привязывать незамужним девушкам и неженатым парням *коло́дку*, чтобы те не висели на шее родителей и создавали свои семьи (подробно описание данного обычая у славян представлено в [Агапкина 2002]). На Кубани не вышедшим замуж девушкам *коло́дку вяза́ли* и на Покров Пресвятой Богородицы, с которого у восточных славян начинался осенний свадебный сезон [Гура 2011: 576]. По народным представлениям, девушка брачного возраста к этому периоду должна быть уже сосватана (см. поговорку *Насту́пит(ь) Покро́ва, де́вка / ди́вка заре́вёт(ь) / заре[э]ве́[э]*, как / як *коро́ва*). См. записанные воспоминания жительницы ст-цы Дядьковской: — *А колодки не вяза́ли на Покров? — Мэни́ ли́чно вяза́лы. Я пойи́хала в горот, в Краснода́р, до тёткы, а мэни́ жэ було́ два́цать тры го́да, а я шей нэ за́мужэм була́. Воны́ мэни́ купы́лы плато́чэк и цвито́чэк купы́лы и прычипы́лы. А я кажэ́: «А шо цэ мэни́ прычипы́лы?» Вона́ (тётка) кажэ́: «Оцэ́ тоби́ коло́тку прычипы́лы, шоб ты быстре́й за́миш вы́шла». Нэ зна́ю, пра́вда чи не, на друго́й гот вы́шла за́миш.*

Названный обычай в кубанских говорах имеет следующие номинации: *вяза́ть (пры(и)вяза́ть) / цепля́ть (прычепы́ть) коло́дку¹*, где *коло́дка* — ‘символический предмет, который цепляли незамужним девушкам и неженатым парням’. Это действие, направленное не столько на осуждение не вступивших в брак, сколько на стимулирование этого брака, служило напоминанием потенциальным женихам и невестам о том, что создание семьи — это общественный долг и его следует выполнять.

¹ Замена [ц] на [ч] в кубанских говорах — не регулярное явление, наблюдается в отдельных словах.

Невступление в брак считалось антинормой, что нашло отражение в лексических единицах, номинирующих тех, кто не связал себя супружескими узами. Так, в кубанских говорах зарегистрировано существительное *засидёлка* ‘девушка, долго не выходящая замуж’: *Засидёлку никто нэ свáтае, а ёсли и свáтав, то нэ захоти́ла* (ст-ца Ленинградская). Диалектизм, отмеченный и в других русских народных говорах, имеет в них однокоренные аналоги: *заси́док, засиду́ха, се́день, сидёлка* [Филин (ред.) 1976: 30–31; Сороколетов (ред.) 2003: 114, 280]. Все названные лексические единицы мотивированы однокоренными глаголами *засидеться, сидеть*. В приведенных диалектных наименованиях подчеркивается мотив статичности, неподвижности положения не вышедшей замуж, характерный для многих славянских языков, ср. [Толстой (ред.) 2012: 156].

На Кубани записано также устойчивое выражение со стержневым компонентом существительным и отглагольным прилагательным — *засиде́в-ша(я) де́вка*. Приведем его в зафиксированном контексте: — Если девушка не вышла замуж, как ее называли? — *Засиде́вшая де́вка. Зало́вка за́муш ни вы́шла. Аста́лась засиде́вшая де́вка. Их-та жынихо́в на вайну́ забра́ли, ани́ там го́лавы слажы́ли. А ана́ аста́лась на том падво́рь с ради́тиями* (с. Кулешовка).

Слово *засидеться* в местной огласовке входит в устойчивое сравнение *засыди́ться як квóчка на гнезди́* ‘не выйти замуж в положенные сроки’: *Вну́чка, два́цать шэ́сть лит, а ще за́миж ны вы́шла. Засыди́лася як квóчка на гнезди́* (ст-ца Старотитаровская). В этом зооморфном сравнении делается акцент на нарушении темпоральных границ важных жизненных циклов.

Аналогичный акцент обнаруживается и в словообразовательной структуре двух диалектных существительных: *пе[э]ре[э]ста́рок* и *вековуха*. Первая лексема, номинирующая незамужнюю девушку старше 20 лет, мотивирована глаголом *перестаре́ть* ‘состарясь, превзойти какую-либо меру, или стать негодным от старости, выйти из лет’ [Даль 1990: 86]. Отметим, что в русских народных говорах функционируют параллельные наименования *переста́рок* ‘холостяк’ [Качинская 2020: 19] и *переста́рка* ‘не невеста, засидевшаяся, заматорелая девка’ [Даль 1990: 86]. В кубанских говорах такая параллель не зафиксирована. Отнесенность кубанского диалектного слова к мужскому роду можно рассматривать как показатель нейтрализации объекта номинации по половому признаку, что подчеркивает нереализованность женского предназначения. Кроме того, в лексеме *пе[э]ре[э]ста́рок* вопреки семантике корня ярко проявляется нейтрализация противопоставления по возрасту, что в целом характерно для понятия безбрачия: так могут называть как недавно перешагнувшую 20-летний порог, так и женщин 30–40 лет.

Второе существительное *векову́ха* ‘женщина, давно вышедшая из брачного возраста и оставшаяся одинокой’ также является отглагольным: образовано от глагола *вековать* ‘разг. проводить жизнь, существовать’ [Евгеньева (ред.) 1985: 146]. Отметим, что в кубанских говорах суффикс -УХ(а) не имеет отрицательной коннотации (ср. *меньшу́ха* ‘младшая дочь’, *спеву́ха* ‘певунья’ и др.). Приведем подтверждающий контекст: *Вона́ була́ вы́дна, ти́лько ни на ко́го вона́ ни глядэ́ла. Лю́ди ка́жутъ йи́и: «Га́лю, викову́хой оста́ни́ся». А вона́ ти́льки руко́й махне́* (ст-ца Бородинская).

Псевдоисторическая «датировка» возраста [Толстой (ред.) 2012: 155] так и не вышедшей замуж девушки актуализируется в синонимичном устойчивом выражении, функционирующем на Кубани в двух структурных вариантах: *никола́евска(я) ба́рышня* / *де́вка* ‘старая дева’. Прилагательное в составе фразеологизма образовано от прецедентного антропонима — имени последнего русского царя Николая II, которое устойчиво ассоциируется у диалектоносителей с далеким прошлым. В этой связи максимально прозрачна образная основа фразеологизма: девичество такой девушки иронично датируется временем правления Николая II.

Образ вечного девчества актуализируется также в устойчивых выражениях *оста́ться в девка́х* и *век девова́ть*, где диалектный глагол *девова́ть* употребляется в прямом значении ‘пребывать в девчестве’.

Обратимся к зафиксированным на Кубани названиям не вступившего в брак мужчины. Обращает на себя внимание локальное развитие семантической структуры диалектного слова *байстрю́к*. Эта лексема, имеющая на Кубани фонетический вариант *байстрю́к*, в значении ‘внебрачный ребенок мужского пола’ отмечена и в русских говорах [Филин (ред.) 1966: 57], и в украинском языке [Гринченко 1958а: 21]. Этимологи считают, что слово заимствовано через польский язык из немецкого [Мельничук (ред.) 1982: 118]. Существуют данные, что оно первоначально принадлежало воровскому жаргону [Даль 1989: 53]. На базе полидиалектного значения у существительного *байстрю́(у)к* в кубанских говорах возникло локальное ‘отчаянный сорванец, хулиган’ как результат метафорического переноса, основанного на сходстве производимого впечатления (у носителей народных говоров мальчишки, растущие без отца, устойчиво ассоциируются с хулиганством). Можно предположить, что это локальное значение связано с другим локальным значением ‘неженитившийся мужчина, достигший брачного возраста’ по типу цепочечной полисемии. Появление данного значения, вероятно, обусловлено тем, что, по представлениям диалектоносителей, тот, кто отличается дерзким поведением, как правило, не стремится остепениться и связать себя брачными узами. Развитию значения ‘неженитившийся мужчина, достигший брачного возраста’ у лексемы *байстрю́к* также могли способствовать ее созвучие с существительным *бирю́к*

‘одинокый, нелюдимый и угрюмый человек’ [Евгеньева (ред.) 1985: 91] и их семантическое притяжение, вызванное наличием общего ассоциативного признака ‘одинокый’. Приведем диалог информанта с собирателем: — *Ужэ’ пора’ жыны’цца. Уто’ так оста’нэцца бирюко’м. Байстрю’к.* — Как это байстрюк? — *Нэжэна’тый, «байстрю’к» ка’жутъ* (хут. Куликовский).

Не женившихся до 30–40 лет мужчин на Кубани называли *дегтяря’ми*. См. высказывание информанта из ст-цы Платнировской: *Называ’ли «дихтяри’» — дя’тки трыцати’, сарака’ лет, а он ни жыни’лся. Я ж раска’зывал: мой брат ни жыни’лся да трыцати’ лет. Их называ’ли «дихтяри’». Ужэ’ стари’к, ужэ’ на’да дите’й име’ть, симью’ — ни жыни’лся.* В кубанских говорах существительное *дегтя’рь* многозначно. Его первое значение ‘человек, который топит деготь или продает его’ зафиксировано и в украинском языке, и в русских народных говорах [Гринченко 1958а: 388; Филин (ред.) 1972: 327–328]. Очевидно, что локальная семантика развилась на основе метафорического переноса. Как известно, тот, кто имеет дело с дегтем, не отличается опрятностью. Одинокие мужчины средних лет в большинстве своем также имеют запущенный, неухоженный вид. Отметим, что слово *дегтя’рь* в локальном значении обладает пейоративной коннотацией. Это своеобразное наследие символики *дегтя*, который в славянской народной культуре выступает как «знак негативной оценки, <...> знак общественного поругания, посрамления» [Толстой (ред.) 1999: 39–41]. Обычно дегтем мажут ворота девушкам, потерявшим девственность до свадьбы, ср. [Толстой (ред.) 1999: 41]. В случае анализируемого значения существительного *дегтя’рь* порицается факт отсутствия у мужчины собственной семьи, что является показателем его несостоятельности и ущербности.

Для номинации пожилого неженатого мужчины, как правило, уже не способного произвести потомство, в ст-це Старотитаровской используют лексический диалектизм *по’клад*. Приведем показательный контекст, в котором информант раскрывает мотивированность данного локального значения существительного:

— Как-то называли у вас в станице мужчин, которые так и не вступили в брак?

— *Называ’лы по’клад.*

— А почему?

— *По’клад — цэ яйцэ’ було’ ныдыторо’днэ. Ну и муци’на вжэ ныго’дный, шоб жыны’цца* (ст-ца Старотитаровская).

Поясним: в кубанских станицах, чтобы куры охотнее неслись, в гнездо подкладывают белый камешек, бумажку или мел, а также старое яйцо, уже непригодное для высидывания цыплят. Использование диалектного слова для номинации человека демонстрирует продуктивность зооморфной

метафоры в народно-речевой культуре. Интересно отметить следующую параллель. В украинском языке яйцо, которое подкладывают курице, называется *за́сідок* [Гринченко 1958б: 95], в то время как в русских говорах существительное *заси́док* функционирует в значении ‘старая дева’ [Филин (ред.) 1976: 31].

На Кубани зафиксировано также существительное *баба́й* ‘старый холостяк’. В аналогичном значении слово отмечено и в русских народных говорах, где оно имеет еще четыре значения, в том числе функционирующее и на Кубани — ‘фантастическое существо в образе страшного старика, которым пугают детей’ [Филин (ред.) 1966: 15]. Указанные значения связаны ассоциативно-содержательно. Аналогичную связь обнаруживают общенародное и диалектное значения существительного *колдун*: у русских, по данным этнографов, *колдуном* называют мужчину, не вступившего в брак [Гура 2011: 34]. Лексема *баба́й* в кубанских говорах зарегистрирована еще в одном локальном значении — ‘молчаливый, замкнутый человек’: в представлении диалектоносителей одинокий старый неженатый мужчина, как правило, необщителен.

Все значения проанализированных номинаций, будучи переносными, содержат в себе отрицательную оценку холостяков. Между тем в фольклорных текстах возможна и положительная характеристика неженатых мужчин и их образа жизни. См., напр., бытующее на Кубани выражение *сам пью, сам гуляю, сам стелю́ся, сам ляга́ю* (*сам* ‘в одиночестве’), которое употребляется в отношении одинокого человека, прежде всего холостяка, свободного от всяческих обязательств. Приведем также в местной огласовке известную на Кубани шуточную присказку, в которой противопоставляются холостяк и женатый мужчина: *Хиба́ ны вы́дно, хто нэжына́тый — лы́чко билэ́нькэ, чу́пчик патла́тый, хиба́ нэ вы́дно, хто ожыны́вся — ско́рчився, змо́рщився и зажуры́вся*. В ней холостой образ жизни воспринимается как беспечный, беззаботный, веселый.

В традиционной культуре кубанских казаков существовал негласный закон, по которому братья и сестры могли вступать в брак, соблюдая строгую очередность. Если это правило нарушалось, старшие воспринимались как ущербные. Считалось, что младшие их *посади́ли / пидсады́ли / пидкы́нули / пидтопта́ли по(и)д коры́то*. См. высказывание информанта: *А я нэ хоте́ла за ёго выхо́дить за́миж, потому́ шо у мэ́нэ систра́ два́цать пя́того го́ду и брат два́цатьо́го го́ду — ныжына́тый, потому́ шо вин на костыля́х ходы́в. Потому́ шо тоди́ был поря́док такы́й, шо е́сли я вы́йду за́миж, а ти оста́нуця, то як вро́ди я их пид коры́то пидсады́ла. Ну така́ погово́рка, така́ посло́выця, шо я вро́ди прэдала́ их, пидсады́ла пид коры́то* (пос. Заречный). Фразеологизм *посадить под корыто* в аналогичном значении зарегистрирован в Новосибирской области [Сороколетов (ред.) 1996: 134].

О старших братьях и сестрах в такой ситуации говорили, что они *под коры́том сидя́т(ь)*: *Миня́ пасва́тали, а ста́ршая систра́ гавари́т: «Ни хачу́ пат кары́там сиде́ть, атка́зывай свата́м!»* (ст-ца Архангельская). Выражение *сидеть под коры́том*, буквально — ‘пассивно пребывать в замкнутом пространстве’, символизирует, что путь к заключению брака закрыт. Можно предположить определенную связь между приведенными устойчивыми выражениями и следующей прототипической ситуацией: у восточных славян «засижу́ дівку возили по селу в коры́те или санях с криком: “Поспела, поспела!”» (цит. по [Гура 2011: 39]).

Кроме того, коры́то, которое широко используется в славянской свадебной обрядности, часто выступает символом позора, нечестности, поругания, см. [Гура 2011]. Отсюда *посади́ть под коры́то* — подвергнуть позору, *сиде́ть под коры́том* — быть опозоренным.

Анализ зарегистрированных на Кубани диалектных лексических единиц, называющих не вступивших в брак, позволяет выявить несколько семантических моделей номинации. Так, номинации женщин можно представить в двух семантических моделях: «не вышедшая замуж в соответствии с существующими традиционными представлениями о возрасте вступления в брак, замужество для которой еще потенциально возможно» (*засиде́лка, засиде́вша(я) де́вка, пе[э]ре[э]ста́рок*) и «не вышедшая замуж, так и оставшаяся одинокой» (*вековуха, николаевская барышня / девка*). Указанные семантические модели акцентируют прежде всего отличия по времени пребывания в девичестве и по потенциальной возможности замужества, при этом возрастные параметры достаточно размыты.

Номинации неженатых мужчин соотносятся с четырьмя семантическими моделями, в которых прослеживается возрастная дифференциация: «не желающий жениться молодой мужчина» (*байстру́к*), «неженатый мужчина средних лет» (*дегтя́рь*), «пожилой неженатый мужчина» (*по́клад*), «старый неженатый мужчина, долго проводящий жизнь в одиночестве» (*баба́й*).

Все проанализированные номинации демонстрируют оценку носителями кубанских говоров не вступивших в брак, которая наиболее ярко высвечивается на фоне нейтральных существительного *неже́нач* ‘неженатый мужчина’ и субстантивированного прилагательного *неза́мужня* ‘незамужняя’. В оценочной характеристике находит отражение присущее традиционной культуре отношение к безбрачию: презрение, осуждение или сожаление, ср. [Толстой (ред.) 1995: 147].

Рассмотренный в статье языковой материал показал, что в кубанских говорах номинации холостяков в большинстве своем обладают очевидной негативной оценочной характеристикой, в то время как номинации

не вышедших замуж тяготеют к стилистически нейтральным, что демонстрирует преимущественно неодобрительное отношение к неженатым мужчинам и сочувственное к незамужним женщинам. Такое отличие, возможно, обусловлено последствиями безбрачия: в народном восприятии оно смыкается с бездетностью, которая особенно остро переживается именно женщинами.

Литература

- Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
- Белодед И. К. (ред.). Словник української мови: в 11 т. Т. 6. Київ: Наукова думка, 1975. 832 с.
- Бондарь Н. И., Жигалова С. А. Фольклор и этнография кубанского казачества. Краснодар: Традиция, 2009. 128 с.
- Вендина Т. И. Антропология диалектного слова. М.–СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с.
- Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка: в 4 т. Т. 1. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1958а. 494 с.; Т. 2. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1958б. 573 с.; Т. 3. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1958в. 424 с.
- Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2011. 936 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1989. 614 с.; Т. 3. М.: Русский язык, 1990. 556 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. 696 с.
- Зверева Ю. В. Наименования человека по отношению к браку в пермских говорах // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1 (21). С. 28–36.
- Качинская И. Б. Номинация старых дев и холостяков в архангельских говорах // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12. № 2. С. 18–25.
- Мельничук О. С. (ред.). Етимологічний словник української мови: в 7 т. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1982. 634 с.
- Сороколетов Ф. П. (ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 25. Л.: Наука. 1990. 353 с.; Вып. 30. СПб.: Наука, 1996. 384 с.; Вып. 37. СПб.: Наука, 2003. 416 с.
- Толстой Н. И. (ред.). Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. 576 с.; Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. 688 с.; Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. 736 с.
- Филин Ф. П. (ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.–Л.: Наука, 1966. 317 с.; Вып. 7. Л.: Наука, 1972. 356 с.; Вып. 11. Л.: Наука, 1976. 364 с.

References

- Agapkina T. A. *Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne-letnii tsikl* [Mythopoetic foundations of the Slavic folk calendar. Spring-summer cycle]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 816 p.
- Beloded I. K. (ed.). *Slovník ukrajin'skoi movi* [Dictionary of the Ukrainian language]. In 11 vols. Vol. 6. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1975. 832 p.
- Bondar' N. I., Zhigalova S. A. *Fol'klor i etnografiya kubanskogo kazachestva* [Folklore and Ethnography of the Kuban Cossacks]. Krasnodar, Traditsiya Publ., 2009. 128 p.
- Dal' V. I. *Tolkovyí slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 vols. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1989. 614 p.; Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1990. 556 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 696 p.
- Filin F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian national dialects]. Iss. 2. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1966. 317 p.; Iss. 7. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 356 p.; Iss. 11. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 364 p.
- Grinchenko B. D. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [Dictionary of the Ukrainian language]. In 4 vols. Vol. 1. Kyiv, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1958a. 494 p.; Vol. 2. Kyiv, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1958b. 573 p.; Vol. 3. Kyiv, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1958v. 424 p.
- Gura A. V. *Brak i svad'ba v slavyanskoi narodnoi kul'ture: semantika i simvolika* [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 936 p.
- Kachinskaya I. B. [Nominations of spinsters and bachelors in the Arkhangelsk dialects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2020, vol. 12, no. 2, pp. 18–25. (In Russ.)
- Mel'nichuk O. S. (ed.). *Etimologichnii slovník ukrajin'skoi movi* [Etymological dictionary of the Ukrainian language]. In 4 vols. Vol. 1. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1982. 634 p.
- Sorokoletov F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian national dialects]. Iss. 25. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 353 p.; Iss. 30. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. 384 p.; Iss. 37. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 416 p.
- Tolstoi N. I. (ed.). *Slavyanskíe drevnosti: Etnolingvísticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Vol. 1. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1995. 576 p.; Vol. 2. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1999. 688 p.; Vol. 5. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 2012. 736 p.
- Vendina T. I. *Antropologiya dialektного slova* [The Anthropology of the dialect word]. Moscow–St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020. 684 p.
- Zvereva Yu. V. [Names of people in relation to marriage in the Perm dialects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2013, no. 1 (21), pp. 28–36. (In Russ.)

Актуальные тенденции употребления действительных причастий настоящего и прошедшего времени (попытка корпусного исследования)

Николай Вячеславович Головки, Северо-Кавказский федеральный университет
(Россия, Ставрополь), nvgolovko@inbox.ru

DOI: 10.7868/S3034592826040027

аннотация: Предметом исследовательского интереса автора явился характер использования полных действительных причастий настоящего и прошедшего времени в контекстах с глаголами настоящего и прошедшего времени в современном русском языке. На материале Национального корпуса русского языка предпринята попытка выявить актуальные закономерности и тенденции употребления таких причастий, а также их формального внешнего соответствия глаголу по признаку грамматического времени. Статистическое исследование дало результаты, демонстрирующие ряд изменений в частотности (IPM) причастий настоящего и прошедшего времени, а также контекстов, в которых эксплицитное время глагола и причастия совпадает либо не совпадает, в корпусе в целом и в различных сферах функционирования текстов в частности, в особенности — в интервале 2000–2022 гг. Сделаны выводы о том, что в современном русском языке частотность причастий прошедшего времени снижается, а причастий настоящего времени — возрастает, при этом начиная с 2016 г. заметно увеличивается частотность контекстов с глаголом настоящего времени и причастием настоящего времени, а частотность контекстов с глаголом прошедшего времени и причастием прошедшего времени, которые

прежде лидировали, в последние годы опускается ниже частотности контекстов с глаголом прошедшего времени и причастием настоящего времени. Кроме того, сделан вывод о том, что в 2000–2022 гг. характер употребления причастий настоящего и прошедшего времени в бытовой сфере и публицистике в большей мере схож с таковым в рекламных, производственно-технических, официально-деловых и учебно-научных текстах, тогда как в статистике за все время характер их употребления в бытовой сфере и публицистике был в большей мере схож с таковым в художественной сфере. Это явление может объясняться действием экстралингвистических факторов. Отмечено, что полученные статистические данные имеют потенциал использования в функционально-стилистической классификации текстов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: причастие, глагол, настоящее время, прошедшее время, Национальный корпус русского языка, статистическое исследование, частотность, функциональная стилистика

для цитирования: Головки Н. В. Актуальные тенденции употребления действительных причастий настоящего и прошедшего времени (попытка корпусного исследования) // Русская речь. 2026. № 4. С. 18–33. DOI: 10.7868/S3034592826040027.

Issues of Modern Russian Language

Ongoing Trends in Usage of Active Present and Past Participles in the Russian Language (An Attempt at a Corpus-Based Study)

Nikolai V. Golovko, North Caucasus Federal University (Russia, Stavropol), nvgolovko@inbox.ru

ABSTRACT: This research focuses on the general pattern of usage of full active present and past participles in contexts with present and past tense verbs in the modern Russian language. The National Corpus of the Russian Language

provided the material to identify current trends in the use of such participles, as well as in formal external congruence of tenses between the participle and the verb. The statistical study demonstrated a number of changes in frequency (IPM) of present and past participles and of contexts where the verb and the participle agree or disagree in terms of explicitly marked tense, in the entire corpus and in certain subdivisions, especially during 2000–2022. It is concluded that in the modern Russian language, the frequency of past participles decreases, while that of present participles increases; in addition, since 2016 the frequency of contexts with a present tense verb and a present participle has noticeably increased, while the frequency of contexts with a past tense verb and a past participle has fallen rather low. It is also concluded that the pattern of usage of present and past participles in everyday speech and in journalism in 2000–2022 has been more similar to that found in advertising, technical, official, and academic texts, whereas in all-time statistics this pattern was more similar to that found in fiction. This phenomenon could be explained by the influence of extralinguistic factors. It is also noted that the obtained statistical data have the potential to be used in the functional-stylistic classification of texts.

KEYWORDS: participle, verb, present tense, past tense, National Corpus of the Russian Language, statistical study, frequency, functional stylistics

FOR CITATION: Golovko N. V. Ongoing Trends in Usage of Active Present and Past Participles in the Russian Language (An Attempt at a Corpus-Based Study). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 4. Pp. 18–33. DOI: 10.7868/S3034592826040027.

1. Введение

Выполняя работу по литературному редактированию текстов для онлайн-СМИ, мы столкнулись со склонностью разных авторов предпочитать действительные причастия настоящего времени действительным причастиям прошедшего времени, в т. ч. в таких контекстах, которые, казалось бы, располагают к употреблению причастия прошедшего времени (например, ***Выступающий** говорил о популярных решениях* или *Информация, **хранящаяся** в уничтоженной базе данных, была критически важной для бизнеса* — несмотря на очевидность того, что информация не может храниться в базе данных, которой более не существует). Это явление вызвало наш исследовательский интерес и обусловило желание выяснить, идет ли в данном случае речь об индивидуальных склонностях и предпочтениях отдельных авторов или о тенденции, охватывающей всех или

многих носителей языка. Верно ли, что действительные причастия настоящего времени стали употребляться чаще?

Анализ исследований, опубликованных в течение последних лет, свидетельствует о том, что русские причастия являются предметом стабильного внимания ученых и методистов: см., например, [Загороднюк 2021; Рыжкова, Жукова 2022; Руденко 2023; Вьяльсова 2024]. А. П. Вьяльсова приводит пример предложения *Я встретил своего хорошего друга, работающего в университете* и поясняет, что «выбор прошедшего времени или настоящего времени как финитной, так и причастной формы подчинен законам построения художественного или публицистического текста» [Вьяльсова 2024: 90]. Со ссылкой на М. Китадзе А. П. Вьяльсова добавляет, что вариативность форм настоящего и прошедшего времени возможна и в канонической речевой ситуации при условии одновременности действий, выражаемых причастием и глаголом. В исследовании М. Китадзе, о котором идет речь, рассмотрены колебания в употреблении временных форм русских действительных причастий несовершенного вида на материале 17 произведений наиболее крупных писателей XIX в. [Китадзе 2011: 53]. В работе [Мосеев 2025: 493] исследователь делает выводы о том, что «выбор определенной формы причастия (настоящего и прошедшего времени) в высказывании не всегда связан именно с темпоральной семантикой конкретного действительного причастия вне высказывания». Следует, однако, заметить, что это исследование, так же как и рассмотренные выше, не дает ответа на вопрос об изменениях и тенденциях в использовании форм причастий.

Наша работа посвящена выявлению актуальных тенденций употребления действительных причастий настоящего и прошедшего времени на корпусном материале.

Корпусные исследования причастий, несомненно, проводились ранее: см., например, работу [Радченко 2023], в которой изучалась частотность употребления причастий русскими писателями-прозаиками. Однако это исследование на интересующие нас вопросы ответов также не дает.

Таким образом, в настоящее время недостает диахронических исследований по данному направлению, в т. ч. опирающихся на объемные базы данных. Предшествующие работы рассматривают проблему скорее в статике, чем в динамике, и опираются на сравнительно небольшие выборки. Кроме того, многие из них посвящены всему историческому пути русского языка (как, например, статья [Годизова, Каркузаева 2021]) или классической литературе, а не современному состоянию языка и речи.

Цель нашего исследования — проанализировать употребление действительных причастий настоящего и прошедшего времени в современном русском языке с опорой на статистические корпусные данные, установить наличие или отсутствие значимых изменений с течением времени, выявить и интерпретировать актуальные тенденции в рассматриваемой

области. Отметим при этом, что нас интересует не взаимозаменяемость таких причастий, а именно их сравнительная частотность. В связи с этим следует особо указать, что мы принимаем осознанное решение не затрагивать проблематику согласования времен / таксиса, абсолютного и относительного времени и пр., которая образует отдельный большой пласт лингвистических исследований (см., напр., [Вяльсова 2008]). Условимся, что в рамках данного исследования грамматическое время — это формальный маркер, определяемый по внешним (эксплицитным) признакам. Такой подход в целом не нов: в качестве иллюстрации можно рассмотреть, к примеру, труды О. В. Блиновой [Блинова 2022], где частотность конструкций с родительным падежом выступает в роли метрики для оценки уровня сложности текста, при этом родительный падеж является именно формальным маркером, а не предметом исследования *per se*.

2. Материал и методы

Материалом исследования служит основной корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Выбор представляется вполне очевидным и обусловлен как широким охватом корпуса, так и удобным аналитическим инструментарием, доступным пользователю. На момент проведения исследования в основном корпусе содержатся 133 554 текста и 389 471 513 слов, корпус синтаксически размечен, омонимия снята, наиболее поздние тексты датированы 2022 г., что удовлетворительно для достижения поставленной цели. Для нужд исследования применяются встроенные аналитические инструменты НКРЯ, позволяющие сравнивать запросы и строить графики частотности словоформ. Авторы корпуса предусмотрели механизм сглаживания, изображающий т. н. линию тренда и позволяющий тем самым избегать влияния экстремумов на отображение тенденций; на графиках в данном исследовании используется значение сглаживания по умолчанию (3), если не указано иное.

Исследование опирается на общенаучный метод наблюдения — мы, в сущности, производим наблюдение над корпусным материалом. Для обработки результатов и их последующего обсуждения используются методы анализа, сравнения, синтеза.

3. Результаты и их обсуждение

3.1. Тенденции в частотности употребления действительных причастий настоящего и прошедшего времени

В качестве начального шага оценим общую картину по частотности полных форм действительных причастий настоящего и прошедшего

времени, используя механизм лексико-грамматического поиска. Сравним частоту на миллион словоформ (instances per million, IPM) по соответствующим запросам к корпусу: запрос 1 — «partcp & plen & praes & act», запрос 2 — «partcp & plen & praet & act». Во избежание визуальной избыточности построим график за период с 1922 г. по 2022 г.

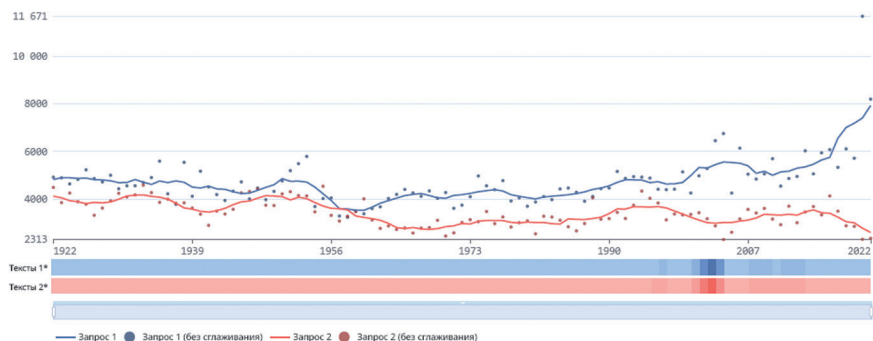

Рисунок 1. Частотность действительных причастий настоящего и прошедшего времени по данным НКРЯ

Figure 1. Frequency of active present and past participles according to National Corpus of the Russian Language

Линии графиков на протяжении значительной части выбранного отрезка в целом близки и движутся почти параллельно, за исключением сближения в 1950–1960 гг. Тем не менее приблизительно в 1999–2000 гг. начинается расхождение. Относительная частотность действительных причастий настоящего времени в целом возрастает, относительная частотность действительных причастий прошедшего времени снижается либо сохраняется на одном уровне. Отметим, что в 2021–2022 гг. имелись экстремумы, влиявшие на линию тренда, однако в период с 2000 г. по 2020 г. тенденция также прослеживается. Расхождение линий не вполне симметрично, хотя запросы являются взаимоисключающими: причастий будущего времени не существует. Надо сказать, что некоторые авторы заявляют об их фактическом существовании в наиболее динамично развивающихся областях языка (см. об этом, напр., в [Холод 2022]), однако вряд ли именно эти словоформы ответственны за наблюдаемую картину.

Чтобы удостовериться в том, что наблюдаемые тенденции не иллюзорны, усредним значения максимально. Установим значение сглаживания, равное 50.

Тенденция сохраняется, расхождение линий видится симметричным.

Далее пристальнее рассмотрим интервал 2000–2022 гг., в котором расхождение линий тренда является более заметным, чем в предшествующие годы.

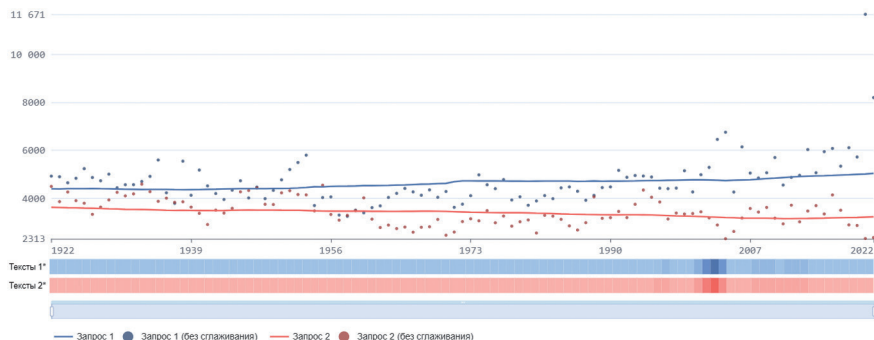

Рисунок 2. Частотность действительных причастий настоящего и прошедшего времени по данным НКРЯ, максимальное сглаживание

Figure 2. Frequency of active present and past participles according to National Corpus of the Russian Language, maximum smoothing

3.2. Тенденции в частотности употребления действительных причастий в различных контекстах

В настоящем исследовании наш интерес вызвали те случаи, где наблюдается формальное несовпадение причастия и глагола по признаку времени. Предпримем попытку в общих чертах смоделировать предложения, устроенные аналогично приведенным выше примерам (*Выступающий говорил о популярных решениях, Я встретил своего хорошего друга, работающего в университете* и пр.). Предусмотрим наличие в предложении глагола настоящего или прошедшего времени изъявительного наклонения, а также полного действительного причастия настоящего или прошедшего времени, находящегося от него на расстоянии от 1 до 5 слов. Как известно, в автоматизированном анализе и языковых моделях чаще используются триграммы (т. е. контексты в размере трех слов), но, поскольку мы в данном случае не решаем проблем, связанных с производительностью, размер контекста можно расширить. Такие запросы охватят значительную часть интересующих нас контекстов и будут достаточными для решения поставленных задач.

Полученная статистика покажет, обосновано ли наше редакторское впечатление, что носители языка склонны предпочитать действительные причастия настоящего времени действительным причастиям прошедшего времени даже в том случае, когда глагол имеет форму прошедшего времени.

Начнем с запросов, где причастие следует после глагола.

Запросы 1 и 2: слово 1 — «V & indic & praes», слово 2 — «partcp & plen & praes & act» и «partcp & plen & praet & act» соответственно.

Запросы 3 и 4: слово 1 — «V & indic & praet», слово 2 — «partcp & plen & praet & act» и «partcp & plen & praes & act» соответственно.

Во всех случаях слово 2 — на расстоянии от 1 до 5 от слова 1.

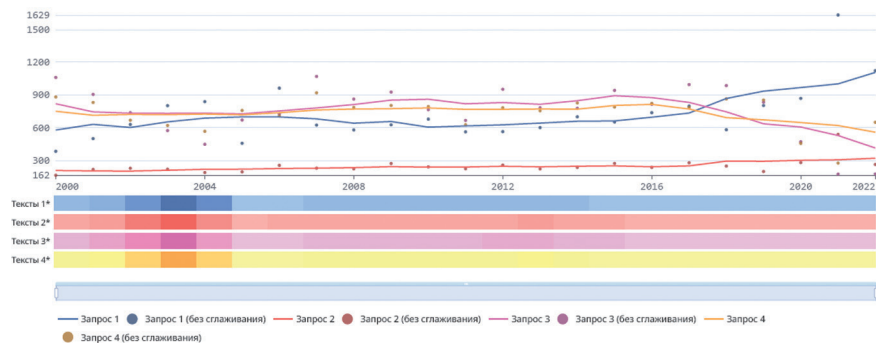

Рисунок 3. Частотность контекстов с глаголами и причастиями настоящего и прошедшего времени по данным НКРЯ

Figure 3. Frequency of contexts with past and present tense verbs and participles according to National Corpus of the Russian Language

Для контроля сформированных запросов обратимся к конкордансу по каждому из них и приведем примеры выданных по ним предложений.

Запрос 1: У меня **есть** хороший знакомый, **работающий** директором компании. (Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011))

Запрос 2: И тут в наш зал **впархивает** зритель, **отходивший**, видно, по какой-то неотложной нужде. (angels_chinese. Запись LiveJournal (2004))

Запрос 3: Парень, который всю жизнь **любил** свою мать, не **питающую** к нему столь же искренних чувств и предавшей его в таком раннем возрасте. (Форум: Рецензия на фильм «Поймай меня, если сможешь» (2006–2011))

Запрос 4: Еще в начале века сезонные рабочие **включали** в договор пункт, **обязывающий** нанимателя подавать лососину не чаще двух раз в неделю. (Рецепты национальных кухонь: Скандинавская кухня (2000–2005))

Результаты контрольной проверки свидетельствуют о том, что по запросам действительно выдаются интересные для нас контексты. Запросы 1 и 3 демонстрируют одинаковое время глагола и причастия, запросы 2 и 4 — разное время глагола и причастия.

Напомним, что в рамках данного исследования мы считаем время формальным маркером, определяемым по внешним признакам. Учитывая, что мы опираемся на корпус, это в определенной мере неизбежно, т. к. грамматическая разметка в корпусе выполняется именно на формальных основаниях. Это не вредит статистическому исследованию, однако накладывает ограничения на выводы, которые можно сделать из полученной статистики.

При инверсии слов (глагол после причастия) тенденции выглядят в целом аналогично (рис. 4).

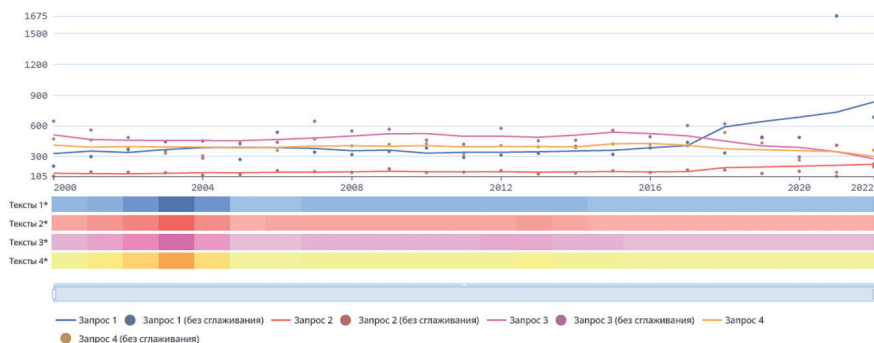

Рисунок 4. Частотность контекстов с причастиями и глаголами настоящего и прошедшего времени по данным НКРЯ

Figure 4. Frequency of contexts with past and present tense participles and verbs according to National Corpus of the Russian Language

Значения частотности здесь ниже, поэтому будем использовать вариант первого типа (причастие после глагола) в качестве основного.

Итак, в интервале 2000–2015 гг., несмотря на отдельные флуктуации, контексты вида «глагол прошедшего времени и причастие прошедшего времени» (далее для краткости «ГП+ПП») преобладают, за ними следуют контексты вида «глагол прошедшего времени и причастие настоящего времени» (ГП+ПН), ниже — контексты вида «глагол настоящего времени и причастие настоящего времени» (ГН+ПН), а минимальная частотность у контекстов вида «глагол настоящего времени и причастие прошедшего времени» (ГН+ПП). После 2016 г. первые три линии тренда пересекаются: контексты ГН+ПН начинают лидировать, а частотность ГП+ПП опускается ниже частотности ГП+ПН. Линии тренда для запросов 1 и 3 симметрично расходятся, для запросов 2 и 4 — симметрично сближаются. Иными словами, на протяжении длительного интервала «согласованные» контексты с глаголом прошедшего времени и причастием прошедшего времени в целом преобладали, однако после 2016 г. «рассогласованные» контексты с глаголом прошедшего времени и причастием настоящего времени становятся более частотными.

Таким образом, мы получили ответ на первоначально поставленный вопрос. Однако представляется уместным увеличить полноту охвата и рассмотреть несколько сопутствующих аспектов проблемы.

3.3. Тенденции в частотности употребления действительных причастий в различных сферах функционирования текстов

Выше упоминалось, что существует точка зрения, согласно которой выбор времени глагола и причастия связывается с законами построения художественных и публицистических текстов, отличающихся в этом

отношении от устной речи [Вяльсова 2024: 89–90]. Статистика по запросам в НКРЯ позволяет оценить, в каких сферах функционирования текстов (публицистика, учебно-научная, художественная, бытовая, церковно-богословская, официально-деловая, производственно-техническая, электронная коммуникация и реклама) распространены различные комбинации грамматических времен глагола и причастия.

Отметим примечательные явления:

- 1) Контексты вида ГН+ПН в наибольшей степени представлены в публицистике (40,36 %), учебно-научной сфере (26,07 %) и художественной сфере (20,65 %). Максимум ИРМ — 1540,74 — отмечен в производственно-технической сфере, за которой следуют учебно-научная (1265,5) и реклама (1057,98). В период 2000–2022 гг. топ-3 замыкает официально-деловая речь, а реклама занимает 4-е место.
- 2) Контексты вида ГН+ПП также в наибольшей степени представлены в публицистике, учебно-научной и художественной сферах: 41,87 %, 32,5 %, 13,82 %. По значению ИРМ лидируют церковно-богословская, официально-деловая и учебно-научная сферы (308,69; 259,88; 254,04).
- 3) Контексты вида ГП+ПП в наибольшей степени представлены в художественной сфере (57,1 %) и публицистике (31,33 %). Доля учебно-научной сферы составляет 6,33 %. Точно такой же вид имеет перечень первых трех позиций по значению ИРМ (1365,31; 850,46; 545,05). В период 2000–2022 гг. третье место по значению ИРМ занимает церковно-богословская сфера.
- 4) Контексты вида ГП+ПН демонстрируют схожее распределение: высокие доли художественной сферы и публицистики (54,29 % и 30,96 % соответственно), низкая доля учебно-научной сферы, занимающей третью позицию (7,99 %). Лидерами по значению ИРМ здесь являются художественная сфера (1025,76), публицистика (664,12) и церковно-богословская сфера (557,46). В период 2000–2022 гг. на третьей позиции по частоте употребления таких контекстов находится бытовая сфера.

Из этих статистических данных следует, что вариативность форм настоящего и прошедшего времени действительно можно связывать с выбором способа изложения согласно законам художественной и публицистической речи, как отмечала А. П. Вяльсова. Однако, к примеру, контексты вида ГН+ПН широко представлены также в учебно-научной речи, а контексты ГП+ПН в интервале 2000–2022 гг. в бытовой сфере почти столь же частотны, что и в публицистике, т. е. граница между устной речью с одной стороны и художественной и публицистической речью с другой может быть здесь менее четкой, чем представлялось ранее. Следует также отметить, что такие контексты заметно более частотны в производственно-технической сфере и сфере рекламы, в то время как остальные три типа

контекстов в этих сферах находятся в конце рейтинга IPM. Кроме того, обращает на себя внимание, что «рассогласование» времен между глаголом и причастием частотно в церковно-богословской сфере; это касается как контекстов вида ГН+ПП, так и контекстов вида ГП+ПН.

3.4. Интерпретация тенденций в частотности употребления действительных причастий настоящего и прошедшего времени

Располагая данными о частотности различных конструкций в тех или иных сферах функционирования текстов, мы можем использовать их при попытке интерпретации тенденций, которые были выявлены ранее по итогам сравнения запросов (см. подраздел 3.2 выше).

Если сравнивать частотность (IPM) за все время с частотностью в интервале 2000–2022 гг., который мы ранее решили рассматривать обособленно, то заметны следующие особенности:

- 1) В бытовой сфере в 2000–2022 гг. контексты вида ГП+ПН оказываются более частотными, чем ГП+ПП, хотя в статистике за все время наблюдается обратная ситуация.
- 2) В официально-деловой сфере в 2000–2022 гг. возрастает частотность контекстов вида ГН+ПП и падает частотность ГП+ПП, тогда как в статистике за все время они почти равны.
- 3) В церковно-богословской сфере в 2000–2022 гг. контексты вида ГП+ПН оказываются менее частотными, чем ГП+ПП, а частотность ГН+ПН в сравнении с остальными тремя типами возрастает.
- 4) В публицистике в 2000–2022 гг. частотность контекстов вида ГН+ПН превосходит частотность ГП+ПП, хотя в статистике за все время наблюдается обратная ситуация.
- 5) В учебно-научной сфере в 2000–2022 гг. частотность контекстов вида ГП+ПН выше, чем частотность ГП+ПП, хотя в статистике за все время они почти равны.
- 6) Художественная сфера в 2000–2022 гг. является единственной, где по частотности лидируют контексты вида ГП+ПП. В статистике за все время такие контексты также лидируют в публицистике и бытовой сфере.

Наблюдаемый рост общей частотности контекстов вида ГН+ПН в масштабах всего корпуса может, на наш взгляд, быть соотнесен с особенностями рекламных, производственно-технических, официально-деловых и учебно-научных текстов, где этот тип контекста является лидирующим по значению IPM. Вероятно, современный носитель языка сравнительно часто контактирует с текстами из этих сфер, вследствие чего свойственные им грамматические паттерны перетекают в публицистику и бытовую

Примечание. Значения запросов соответствуют указанным под рис. 3. На оси абсцисс указаны значения ИРМ.

Рисунок 5. Диаграммы распределения метаатрибутов для некоторых сфер функционирования текстов по данным НКРЯ

Figure 5. Meta-attribute distribution charts for certain subdivisions in the National Corpus of the Russian Language

речь. Две последние сферы, которые в статистике за все время по распределениям частотностей подобны художественной сфере, испытывают, возможно, сокращающееся влияние с ее стороны, вследствие чего значение ИРМ для ГП+ПП, традиционно высокое для художественной сферы, в них снижается. Соответствующее снижение было нами зафиксировано в подразделе 3.2. Несомненно, что наблюдаемые тенденции могут объясняться действием различных факторов и это лишь одна из возможных интерпретаций, однако нам представляется, что она вполне соответствует более широким общественно-культурным тенденциям, которые характерны для нашего времени, и поэтому предложенное объяснение может быть сочтено убедительным.

В качестве сопутствующего замечания отметим, что соотношения между значениями частотности контекстов рассматриваемых четырех типов (ГН+ПН, ГН+ПП, ГП+ПН, ГП+ПП), возможно, обладают потенциалом применения в целях функционально-стилистической классификации текстов. К примеру, сравнительно высокое количество контекстов вида ГН+ПН могло бы указывать на принадлежность текста к «формализованному» типу (учебно-научный, официально-деловой и пр.), а контекстов вида ГП+ПП — на принадлежность к «свободному» типу (художественный, публицистический, разговорный). Подобные исследования ведутся,

однако, насколько нам известно, на ограниченном по объему материале и в несколько ином русле (см., в частности, работу [Голев, Радченко 2024], где предлагается мера под названием «индекс причастности текста»).

4. Выводы

Статистическое исследование употребления полных действительных причастий настоящего и прошедшего времени на корпусном материале с помощью аналитических инструментов НКРЯ позволило прийти к следующим выводам.

1. Имеются основания утверждать, что в современном русском языке наблюдается тенденция к снижению частотности действительных причастий прошедшего времени и к повышению частотности действительных причастий настоящего времени. Это явление более всего заметно в текстах корпуса начиная с 2000 г.

2. В интервале 2000–2022 гг. наблюдаются изменения частотности различных контекстов, содержащих глагол настоящего или прошедшего времени и причастие настоящего или прошедшего времени. В интервале 2000–2015 гг. наиболее частотны контексты вида «глагол прошедшего времени и причастие прошедшего времени» (ГП+ПП), второе место по частотности занимают контексты вида «глагол прошедшего времени и причастие настоящего времени» (ГП+ПН), третье место — «глагол настоящего времени и причастие настоящего времени» (ГН+ПН). После 2016 г. частотность контекстов вида ГН+ПН заметно возрастает, а частотность ГП+ПП снижается. При этом к концу периода частотность ГП+ПП опускается ниже частотности ГП+ПН.

3. Корпусные данные в целом подтверждают высказанную ранее другими исследователями точку зрения, согласно которой выбор времени глагола и причастия может быть связан с законами построения художественных и публицистических текстов, отличающихся в этом отношении от устной речи, однако в то же время дают основания утверждать, что эта связь не является исключительной и универсальной. В частности, контексты вида ГН+ПН широко представлены в учебно-научной сфере, производственно-технической, официально-деловой речи и рекламе, а контексты вида ГП+ПН в интервале 2000–2022 гг. в бытовой сфере почти столь же частотны, что и в публицистике. Кроме того, контексты вида ГП+ПН и ГН+ПП частотны в церковно-богословской сфере функционирования текстов.

4. В интервале 2000–2022 гг. в ряде сфер функционирования текстов наблюдаются специфические соотношения между частотностью контекстов, в которых эксплицитно выраженное время глагола и причастия совпадает либо не совпадает, отличающиеся от аналогичной картины за все время. В частности, в бытовой сфере и публицистике в этом интервале

частотность контекстов вида ГП+ПН выше, чем частотность ГП+ПП, хотя в статистике за все время наблюдается обратная ситуация. Кроме того, в интервале 2000–2022 гг., в отличие от данных за все время, художественная сфера функционирования текстов является единственной, где преобладают контексты вида ГП+ПП. Возможной причиной этого является, на наш взгляд, уменьшающееся влияние художественной речи и растущее влияние рекламных, производственно-технических, официально-деловых и учебно-научных текстов на бытовую речь и публицистику. При этом есть признаки того, что соотношения частотности контекстов, в которых эксплицитно выраженное время глагола и причастия совпадает либо не совпадает, могли бы использоваться для отличия «свободных» стилей речи, таких как художественный и публицистический, от «формализованных», таких как учебно-научный и официально-деловой.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны в первую очередь с качественным (в противовес количественно-статистическому) анализом контекстов, содержащих глагол настоящего или прошедшего времени и причастие настоящего или прошедшего времени, на корпусном материале. Такое исследование позволило бы подтвердить или опровергнуть ряд выводов, сделанных в более ранних исследованиях на более узком языковом материале, а также получить новые данные о возможных причинах и свойствах тех тенденций и изменений, которые были описаны в данной статье. Это важно в том числе потому, что грамматическая разметка корпуса не позволяет отделить собственно причастия от «непричастий», де-факто играющих роли существительных или прилагательных, и, как следствие, на одних лишь статистических данных нельзя с уверенностью говорить о причинах наблюдаемых тенденций: к примеру, вопрос о том, отражают ли они активизацию употребления собственно причастий либо же переход причастий в прилагательные, остается открытым. Кроме того, полученные результаты могут иметь значение для смежных исследований, в т. ч. тех, где данные о частотности причастий предлагается использовать для функционально-стилистической классификации текстов или для иных целей.

Литература

- Блинова О. В. Оценка сложности русских правовых текстов: архитектура модели // МИРС. 2022. № 2. С. 4–13.
- Вяльсова А. П. Типы таксисных отношений в современном русском языке (на материале причастных конструкций): дисс. ... канд. филол. наук / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 2008. 187 с.

- Вяльсова А. П. Действительные причастия настоящего и прошедшего времени: проблема выбора формы при создании текста // Русский мир Азии: Сборник статей III международной научно-практической конференции, Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам, 25–27 ноября 2024 года. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2024. С. 88–95.
- Годизова З. И., Каркузаева Д. С. Динамика развития причастия как особой гибридной формы глагола // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 3. С. 137–142.
- Голев Н. Д., Радченко А. И. Речевое функционирование русских причастий в аспекте частотности // Филологический класс. 2024. Т. 29. № 1. С. 84–96.
- Загороднюк А. А. Действительные причастия в русской устно-разговорной речи // Мир русского слова. 2021. № 1. С. 23–29.
- Китадзе М. К вопросу о колебании в употреблении временных форм русских действительных причастий несовершенного вида // Rhema. Рема. 2011. № 1. С. 53–64.
- Мосеев Д. А. К вопросу о грамматическом статусе действительных причастий «настоящего» и «прошедшего» времени в русском языке // Казанская наука. 2025. № 2. С. 491–493.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.08.2025).
- Радченко А. И. Возможности Национального корпуса русского языка для определения закономерностей функционирования русских причастий // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2. № 2. С. 71–75.
- Руденко Е. М. Нормативный аспект функционирования причастий в речи обучающихся старших классов // Актуальные проблемы развития современной экономики: Сборник статей XII межвузовской научно-теоретической конференции, Ростов-на-Дону, 23 ноября 2023 года. Ростов-на-Дону: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023. С. 171–175.
- Рыжакова А. Д., Жукова О. Р. Использование причастий и причастных оборотов в литературе XIX–XXI вв. // Молодежный вестник ИрГТУ. 2022. Т. 12. № 3. С. 574–577.
- Холод С. И. Действительные причастия будущего времени в Рунете // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 377–380.

References

- Blinova O. V. [Assessing the complexity of Russian legal texts: model architecture]. *MIRS*, 2022, no. 2, pp. 4–13. (In Russ.)
- Godizova Z. I., Karkuzaeva D. S. [Dynamics of the development of the participle as a special hybrid form of the verb]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 137–142. (In Russ.)
- Golev N. D., Radchenko A. I. [Speech functioning of Russian participles in the aspect of frequency]. *Filologicheskii klass*, 2024, vol. 29, no. 1, pp. 84–96. (In Russ.)

- Kitadze M. [On the issue of fluctuations in the use of tense forms of Russian imperfective active participles]. *Rhema*, 2011, no. 1, pp. 53–64. (In Russ.)
- Kholod S. I. [Active participles of the future tense in Russian Internet]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii*, 2022, no. 7, pp. 377–380. (In Russ.)
- Moseev D. A. [On the issue of the grammatical status of the active participles of the “present” and “past” tenses in the Russian language]. *Kazanskaya nauka*, 2025, no. 2, pp. 491–493. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 01.08.2025).
- Radchenko A. I. [Potential of the National Corpus of the Russian Language for determining the patterns of functioning of Russian participles]. *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nye seti*, 2023, vol. 2, no. 2, pp. 71–75. (In Russ.)
- Rudenko E. M. [Normative aspect of the functioning of participles in the speech of senior school students]. *Aktual'nye problemy razvitiya sovremennoi ekonomiki* [Actual problems of modern economic development]. Proc. of the 12th interuniversity scientific and theoretical conference, Rostov-on-Don, November 23, 2023. Rostov-on-Don, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2023, pp. 171–175. (In Russ.)
- Ryzhakova A. D., Zhukova O. R. [Use of participles and participial phrases in the literature of the 19th – 21st centuries]. *Molodezhnyi vestnik IrGTU*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 574–577. (In Russ.)
- Vyal'sova A. P. *Tipy taksisnykh otnoshenii v sovremennom russkom yazyke (na materiale pri-chastnykh konstruktsii)*. Dis.... kand. filol. nauk [Types of taxic relations in modern Russian (based on participial constructions). Cand. phil. sci. diss.]. Moscow, 2008. 187 p.
- Vyal'sova A. P. [Active participles of the present and past tenses: the problem of choosing a form when creating a text]. *Russkii mir Azii* [The Russian World of Asia]. Proc. of the 3rd international scientific and practical conference, Hanoi, Socialist Republic of Vietnam, November 25–27, 2024. Yakutsk, Publ. House of the Northeastern Federal University, 2024, pp. 88–95. (In Russ.)
- Zagorodnyuk A. A. [Active participles in Russian colloquial speech]. *Mir russkogo slova*, 2021, no. 1, pp. 23–29. (In Russ.)

В чем «слабости» сильного яканья, или О предупредном вокализме псковских говоров Островского района

Светлана Владимировна Дьяченко¹, Юлиана-Андрея Якимова², Институт
русского языка им. В. В. Виноградова РАН¹, Российский государственный гуманитарный университет²
(Москва, Россия), svet-lan-a@list.ru¹, iachimovva@mail.ru²

DOI: 10.7868/53034592826040031

аннотация: В статье приводятся результаты инструментального исследования гласных первого предупредного слога в говоре д. Дарьино Островского района Псковской области. Материалом исследования послужили аудиозаписи говора, сделанные в 2014 г. Согласно Диалектологическому атласу русского языка, территория Островского района входит в Псковскую группу говоров и характеризуется сильным яканьем, то есть совпадением гласных *е, о* и *а* в первом предупредном слоге в звуке [а] всегда. Однако в работах, посвященных яканью в этих говорах, исследователи отмечали отклонения от сильного яканья. Наше исследование подтвердило наличие таких отклонений и показало, что яканье в дарьинском говоре проявляет тенденцию к умеренности, то есть перед следующим твердым согласным на месте этимологических гласных *а* и *е* произносится предупредный [а], а перед следующим мягким согласным — предупредный [е]. При этом умеренным такой тип яканья назвать нельзя, потому что, во-первых, есть контрпримеры с [а] перед мягкими согласными, а во-вторых, здесь противопоставлены звуки [а] и [е], а не [а] и [и], как при классическом умеренном типе.

С. В. Дьяченко, Ю.-А. Якимова. В чем «слабости» сильного яканья, или О предударном вокализме псковских говоров...
S. V. Dyachenko, Iu.-A. Iachimov. What are "the Weaknesses" of Non-dissimilative Jakan'je, or on the Pre-stressed Vocalism...

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская диалектология, псковские говоры, безударный вокализм, сильное яканье, умеренное яканье

для цитирования: Дьяченко С. В., Якимова Ю.-А. В чем «слабости» сильного яканья, или О предударном вокализме псковских говоров Островского района // Русская речь. 2026. № 4. С. 34–46. DOI: 10.7868/S3034592826040031.

благодарности: Авторы выражают благодарность анонимному рецензенту, ценные замечания которого способствовали улучшению первоначального варианта статьи.

Issues of Modern Russian Language

What are “the Weaknesses” of Non-dissimilative Jakan’je, or on the Pre-stressed Vocalism of the Pskov Dialects of the Ostrov District

Svetlana V. Dyachenko¹, Iuliana-Andreea Iachimov², Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences¹, Russian State University for the Humanities² (Moscow, Russia), svet-lan-a@list.ru¹, iachimovva@mail.ru²

ABSTRACT: The article presents the results of an instrumental study of the vowels of the first pre-stressed syllable in the dialect of the village of Dar'ino, Ostrov district, Pskov region. The research material was audio recordings of the dialect made in 2014. According to the Dialectological Atlas of the Russian language, the territory of the Ostrov district is part of the Pskov group of dialects and is characterized by a strong jakan'je, that is, the coincidence of the vowels *e*, *o* and *a* in the first pre-stressed syllable in the sound [a] always. However, in the works devoted to the jakan'je in these dialects, the researchers noted deviations from the strong jakan'je. Our study confirmed

Согласно Диалектологическому атласу русского языка (ДАРЯ), сильное яканье в основном характерно для западных среднерусских говоров, таких как говоры Псковской группы, охватывающие бо́льшую часть Псковской области и часть Тверской. Кроме того, небольшими островками сильное яканье представлено на территориях Тульской, Брянской, Смоленской и Рязанской областей [Аванесов, Бромлей (ред.) 1986: карта 3]. При этом сильное яканье является спецификой именно Псковской группы говоров, и границу территории этой группы говоров ученые связывают с территорией распространения яканья такого типа. С юга Псковская группа говоров граничит с территорией распространения диссимильативного жиздринского (белорусского) яканья, при котором предударный гласный зависит от гласного под ударением: перед ударным [а] произносится [и], перед прочими ударными произносится [а] ([в'иснá], но [л'ажы́, л'ажу́, в'асно́й, в р'акé]); к востоку же от Псковской группы начинается территория говоров с умеренным яканьем, при котором предударный гласный зависит от твердости/мягкости следующего за ним согласного: перед твердым произносится предударный [а], а перед мягким — предударный [и] ([п'ата́к, ст'ано́й], но [п'ит'о́рка, с'т'ин'é]) [Строганова 1970: 425–426].

Считается, что сильное яканье, свойственное современным псковским говорам, возникло на основе диссимильативного, и в качестве одного из подтверждающих это обстоятельство аргументов приводится наличие элементов жиздринского яканья при системе сильного яканья. Т. Ю. Строганова утверждает, что механизм возникновения сильного яканья состоял в сосуществовании диссимильативного яканья жиздринского типа и ассимиляции предударного гласного ударному гласному [а]. В результате сочетания этих двух принципов возникла ассимилятивно-диссимильативная система, которая предполагала произношение только предударного [а] перед любым ударным гласным, то есть сильное яканье [Строганова 1970: 426–427].

Сильное яканье в говоре псковских деревень, расположенных неподалеку от Пушкинских Гор, было подробно рассмотрено Л. И. Царевой в работе [Царева 1962]. Анализ системы гласных говора, судя по всему, проводился аудитивным методом (на слух). Автор приводит большой материал, подтверждающий произношение гласного [а] в первом предударном слоге на месте этимологических *е* и *ь* и на месте этимологического *а*, перед последующим твердым согласным и перед мягким, в позиции перед разными ударными гласными, что дает основания постулировать для говора сильное яканье как систему предударного вокализма. Однако отмечается, что в говоре имеются отступления от этой системы, в которых

проявляются определенные закономерности: 1) отступления представляются собой случаи произношения гласных [е] или [и] в первом предударном слоге (чаще, но ненамного в примерах [е]), 2) эти предударные гласные возможны только на месте этимологических *е* и *ь*, но не на месте этимологического *а*, 3) большая часть примеров таких отступлений характеризуется позицией предударного гласного перед последующим мягким согласным, при этом чаще перед ударными гласными среднего и нижнего подъема [е, о, а], чем перед ударными гласными верхнего подъема [и, ы, у] [Царева 1962: 58–64].

В некоторых работах последних лет, посвященных псковским говорам тех территорий, где ожидается сильное яканье, например в говорах под Опочкой Псковской области, также обнаруживаются примеры, показывающие отклонения от этого типа. Так, в статье [Дьяченко, Жидкова, Тер-Аванесова 2020: 58–78], посвященной не вокализму, а некоторым проблемам грамматической системы говора, находим следующие примеры с гласным [е] в первом предударном слоге (выделение полужирным наше. — С. Д., Ю.-А. Я.):

- (1) ...я *тябѣ* давно́ *ня* ви́дила?
- (2) ...в *мянѣ* ужó рѣзвѣрава́ли, и крясто́в нет...
- (3) ...и па ве́су и пѣ фся́му́ и др.,

но

- (4) ...бы́ли некра́шыные;
- (5) ...везде́ бы́ла не вы́кшена;
- (6) ...фсегда́ вы́пилишы на де́вятник² и др.

Наличие случаев с гласным [е] говорит о том, что сильное яканье здесь выдерживается не всегда. В работе [Дьяченко, Жидкова, Малышева, Ронько, Тер-Аванесова 2018: 260] о варьировании гласных после мягких согласных в первом предударном слоге в этих говорах сказано следующее: «После мягких согласных в 1-м предударном слоге в соответствии с /а/, /о/, /е/ как перед твердыми, так и перед мягкими согласными представлены звуки [а], [е], [э] в свободном варьировании; подъем гласных в позиции яканья, возможно, зависит от темпа речи и фразовых условий произнесения, а также от индивидуальных особенностей речи». Однако

² Однако среди примеров с предударным [е] в этой статье, как и в [Царева 1962], не встречается ни одного такого, где этот [е] был бы на месте этимологического гласного *а*. Возможно, это связано с тем, что эта позиция в целом гораздо более редкая, чем с этимологическим *е* в первом предударном слоге (ср., например, соответствующие цифры в таблицах 2 и 4 ниже), и поэтому соответствующих словоформ просто не оказалось в материале, который не отбирался специально для анализа предударного вокализма.

авторы этой работы не проводили инструментального изучения предударных гласных, которое могло бы подтвердить или опровергнуть их предположение о зависимости качества предударного гласного от темпа речи, фразовых условий и индивидуальных особенностей информантов, а вывод о «свободном варьировании» разных гласных в этой позиции сделан по результатам анализа на слух. Учитывая это обстоятельство, а также указание Т. Ю. Строгановой о том, что в системе сильного яканья возможны элементы жиздринского яканья, и наблюдения Л. И. Царевой над говорами Пушкиногорского района Псковской области, в которых прослеживается тенденция к зависимости предударного гласного от следующего за ним согласного, мы решили с помощью методов инструментальной фонетики проверить, от чего зависит выбор того или иного звука в качестве гласного первого предударного слога в одном из островских псковских говоров.

Наше исследование посвящено анализу гласных первого предударного слога в соседнем с опочецкими и пушкиногорскими островском псковском говоре, где, согласно ДАРЯ [Аванесов, Бромлей (ред.) 1986: карта 3], ожидается сильное яканье.

2. Материал исследования, информанты и процедура анализа

Мы рассматриваем говор деревни Дарьино³ Островского района Псковской области, которая расположена в 30 км к юго-востоку от г. Остров, примерно в 25 км от пушкиногорских деревень, говор которых описывала Л. И. Царева, и примерно в 40 км от опочецких деревень, говор которых рассматривался в работах [Дьяченко, Жидкова, Малышева, Ронько, Тер-Аванесова 2018; Дьяченко, Жидкова, Тер-Аванесова 2020].

Материалом исследования послужили аудиозаписи речи двух информанток:

- 1) ВИИ1936 — родилась в 1936 году в деревне Теплухино Островского района Псковской области (ныне часть деревни Дарьино), на момент записи проживала в деревне Дарьино, образование 7 классов,
- 2) ТИИ1932 — родилась на хуторе Подлипенка Островского района (в 2 км от Дарьино) в 1932 году, на момент записи проживала в деревне Дарьино, малограмотная, окончила 1 класс.

³ Во время подготовки материалов для ДАРЯ были обследованы четыре поселения Островского района Псковской области: Грызавино, Гусаково, Покровское, Пустошки. Поселение Дарьино, записи из которого анализируем мы, обследовано не было. Во всех островских пунктах, а также в ближайшем к Дарьину обследованном пункте, селе Салтаново Пушкиногорского района (в 12 км от Дарьино), было зафиксировано сильное яканье.

Обе записи были сделаны сотрудниками Отдела диалектологии и лингвогеографии Института русского языка РАН С. В. Дьяченко и И. И. Исаевым в экспедиции 2014 г. Записи представляют собой естественную речь, преимущественно монологического характера. Информантки рассказывают истории из своей жизни и быта своих родных деревень. Суммарная длительность аудиозаписей — около 5 часов; из них примерно 3 часа длится аудиозапись ВИИ1936 и примерно 2 часа — ТИИ1932.

Анализ данных проводился в программе PRAAT (бесплатное программное обеспечение с открытым исходным кодом, широко используемое для анализа речи в фонетике, диалектологии и т. д.). В этой программе было выделено, размечено и затранскрибировано всего 286 подходящих словоформ, имеющих позицию предударного гласного (*e*, *o*, *a*) после мягкого согласного (137 для ВИИ1936 и 149 для ТИИ1932). Для каждой словоформы было определено, в какой позиции относительно окружающих консонантных сегментов находился предударный гласный (после мягкого согласного перед твердым или между мягкими согласными), какой это этимологический гласный (*e* или *a*) и перед каким ударным гласным он находится. Наконец, определялось качество собственно предударного гласного (значения его первых двух формант⁴), а также его длительность⁵. Полученные результаты были внесены в таблицы Excel, где производились дальнейшие расчеты, в частности были рассчитаны средние и медианные значения F_1 и F_2 ⁶ предударных гласных, а также средние значения их длительностей в разных фонетических позициях.

⁴ Форманты — это резонансные частоты речевого тракта, которые задаются главным образом конфигурацией речевого тракта, что позволяет соотносить их с определенными целевыми артикуляциями; соответственно, по частотам формант можно судить о положении артикулирующих органов. Для характеристики гласных звуков обычно принимают во внимание значения первых двух формант (их принято обозначать прописной латинской буквой F с нижним индексом: F_1 — первая форманта, F_2 — вторая). Это обусловлено тем, что значение первой форманты гласного прямо пропорционально величине ротового отверстия и обратно пропорционально объему полости глотки, а эти параметры в свою очередь определяются подъемом языка при артикуляции гласного, таким образом, чем выше значения первой форманты, тем ниже подъем гласного. Значение второй форманты обратно пропорционально длине ротового резонатора, которая соотносится с рядом гласного; иными словами, чем выше значения второй форманты, тем более передний ряд у гласного [Князев, Пожарицкая 2005: 93–100].

⁵ Известно, что для говоров с диссимилиативным яканьем актуально противопоставление предударных гласных по длительности: *a*-образные предударные гласные всегда значительно более долгие, чем *e*- и *и*-образные. Впервые на долготные различия в предударных гласных при диссимилиативном вокализме указал норвежский ученый О. Брок, описавший в начале XX в. диссимилиативные говоры к западу от Мосальска [Брок 1916: 57–59].

⁶ Под средним понимается среднеарифметическое значение формант, вычисленное на всем имеющемся для каждого гласного материале, под медианным — значение, находящееся точно посередине упорядоченного по возрастанию набора данных, делящее его на две равные части.

3. Обсуждение результатов

Анализ гласных из записи ВИИ1936 показал, что предударный [е] систематически встречается в первом предударном слоге наряду с предударным [а] и даже чаще последнего. Из 137 словоформ 66 были произнесены с предударным гласным [а] и 71 с предударным [е]. Эти гласные различаются на слух и имеют разные значения первых двух формант, см. таблицу 1.

Таблица 1. Средние и медианные значения формант звуков [а] и [е] в первом предударном слоге – ВИИ1936

Table 1. Average and median values of the formants of sounds [a] and [e] in the first pre-stressed syllable – VII1936

Предуд. гласный	Значение	F ₁ (Гц)	F ₂ (Гц)
[а]	Среднее	583,68	1826,23
[а]	Медианное	581	1841,5
[е]	Среднее	457,42	2333,35
[е]	Медианное	449	2351

Распределение материала по позициям относительно ударного гласного показывает, что зависимости предударного гласного от ударного нет. Так, и предударный [а], и предударный [е] могут произноситься перед всеми ударными гласными: *л'ажы́, в'азу́т', в'адро́, д'аўчо́нк'и⁷, с'а́стра — бе́р'ис', с'ме́йца, н'ев'э́стэй, р'еб'о́нък, прэ́в'ер'альс'* и т. д.

Анализ значений длительностей предударных гласных (они колеблются в пределах примерно 80–150 мс⁸ и для предударного [а], и для предударного [е]) тоже не показал зависимости от ударных гласных.

Но удалось установить, что выбор предударного [а] или [е] обычно связан с качеством следующего за ним согласного: перед твердым согласным чаще произносится [а], перед мягким — [е]. При этом данная закономерность характерна как для слов, содержащих в первом предударном слоге этимологический гласный *e*, так и для тех, которые содержат в этой позиции этимологический гласный *a*. В этом плане наши результаты отличаются от результатов Л. И. Царевой, описанных в работе [Царева 1962],

⁷ Звук [ч] в этом говоре всегда твердый, в отличие от литературного русского [ч'].

⁸ Несмотря на довольно существенный разброс значений длительности предударных гласных, противопоставления их по долготе/краткости, которое, например, описано для тверского селижаровского говора д. Гниловка в работе [Николаев 2009], нами установлено не было. По предварительным наблюдениям, разница в длительности предударных гласных в исследуемом нами говоре скорее связана с фразовой позицией, в которой оказывается анализируемая словоформа, ср., например, анализ связи ступеней выделенности предударного [а] с интонационными условиями в спонтанной речи в [Чекмонас 2001: 67–73], проведенный на материале псковского говора д. Тешевицы. Для говора Дарьина этот вопрос требует дополнительного исследования.

а также от материала, который приведен в [Дьяченко, Жидкова, Тер-Аванесова 2018]. Вот некоторые примеры из речи информантки ВИИ1936: *п'атна́ццѣт', нѣпр'адѹ — гл'ед'ѹт', д'ив'ет'ѹ; из'д'авальс', к с'астры́ — пр'ин'ес'о́, б'ер'ѹс'.* Количественное распределение примеров имеет следующий вид, см. таблицу 2.

Таблица 2. Количество примеров с предударным [а] и с предударным [е] перед твердым и перед мягким согласным на месте этимологических гласных а и е – ВИИ1936
Table 2. The number of examples with a pre-stressed [a] and with a pre-stressed [e] before a hard and before a palatalized consonant in place of the etymological vowels а and е – VII1936

Этимологический гласный	Количество примеров с [а] перед твердым согласным	Количество примеров с [а] перед мягким согласным	Количество примеров с [е] перед твердым согласным	Количество примеров с [е] перед мягким согласным
а	10	0	0	6
е	54	2	9	56

Как видно из таблицы 2, выбор предударного гласного очень последовательно коррелирует с твердостью/мягкостью следующего за предударным гласным согласного.
Описанные результаты, таким образом, свидетельствуют о некоторой тенденции к умеренности при яканье в речи информантки ВИИ1936.

Анализ гласных из записи ТИИ1932 в целом подтвердил наблюдения, сделанные о яканье ВИИ1936. Так же, как и в материале из первой записи, было выявлено, что гласный [е] систематически встречается в первом предударном слоге после мягких согласных наряду с закономерным для системы сильного яканья [а] (из 149 релевантных примеров 81 с предударным [а] и 68 с предударным [е]). Параметры этих гласных для информантки ТИИ1932 приведены в таблице 3.

Таблица 3. Средние и медианные значения формант звуков [а] и [е] в первом предударном слоге – ТИИ1932
Table 3. Average and median values of the formants of sounds [a] and [e] in the first pre-stressed syllable – TII1932

Предуд. гласный	Значение	F ₁ (Гц)	F ₂ (Гц)
[а]	Среднее	594,52	1897,42
[а]	Медианное	580	1896
[е]	Среднее	495,66	2329,87
[е]	Медианное	495	2331

Данные о формантах предударных гласных обеих информанток показывают, что значения первой форманты (F_1) для [a] в среднем ниже, чем для [a] литературного русского языка (около 700 Гц), а значения второй форманты (F_2) в среднем выше, чем для литературного языка (около 1700 Гц)⁹. Иными словами, подъем этих диалектных гласных выше, чем соответствующих литературных, а ряд более передний. Вероятно, повышенный подъем [a] после мягких согласных — это особенность данного говора. Может быть и так, что повышение подъема связано с позицией гласного [a] после мягкого согласного именно в предударном слоге, что невозможно в литературном языке, предполагающем йкающую систему предударного вокализма после мягких согласных (соответственно, параметры предударного гласного [a] после мягких согласных для литературного языка получить нельзя).

В материале, полученном из записи ТИИ1932, также не было выявлено зависимости предударного гласного от ударного: с гласным под ударением не связано качество предударного гласного и не связана его длительность. Перед разными ударными гласными наблюдаются оба предударных варианта [a] и [e], их длительность варьирует в пределах 70–150 мс независимо от ударного гласного (есть случаи более коротких предударных [e] около 50 мс, обычно они наблюдаются в местоимениях типа *м'ен'э* и *т'еб'э*, произнесенных в быстром темпе): *в л'асу́*, *п'ир'ажы́тъ*, *ячм'эн'*, *з'арно́*, *в'азáл'и* — *р'еб'и́нк'и*, *нэв'ед'о́*, *ин'т'ер'э́снэ́*, *т'ел'áт'н'и́цэ́й* и т. д.

Как и у ВИИ1936, у ТИИ1932 была выявлена зависимость выбора предударного гласного [a] или [e] от твердости/мягкости последующего согласного: перед твердым обычно выступает [a], перед мягким — [e], причем на месте обоих этимологических гласных (a и e). Количественное распределение примеров представлено ниже в таблице 4.

Таблица 4. Количество примеров с предударным [a] и с предударным [e] перед твердым и перед мягким согласным на месте этимологических гласных a и e — ТИИ1932
Table 4. The number of examples with a pre-stressed [a] and with a pre-stressed [e] before a hard and before a palatalized consonant in place of the etymological vowels a and e — ТИИ1932

Этимол. гласный	Количество примеров с [a] перед тв. согласным	Количество примеров с [a] перед мягким согласным	Количество примеров с [e] перед твердым согласным	Количество примеров с [e] перед мягким согласным
a	17	2	2	4
e	56	6	8	54

⁹ Формантные значения русских литературных гласных см., например, в [Князев, Пожарицкая 2011: 102, 106, 407–411; Бондарко, Вербицкая, Гордина 2004: 67].

Данные таблицы 4 показывают, что предударный [а] регулярно наблюдается в позиции перед твердым согласным, а [е] — перед мягким. Количество контрпримеров невелико. На этих основаниях мы полагаем, что этот тип яканья может быть назван сильным только с некоторыми оговорками.

Таким образом, в речи обеих информанток яканье демонстрирует явно выраженную тенденцию к умеренности, которая проявляется и в случае этимологического *е* в первом предударном слоге, и в случае этимологического *а*.

4. Выводы

Проведенный анализ подтвердил, что сильное яканье, фиксируемое в псковских говорах при сборе материалов для ДАРЯ, не обнаруживается в речи современных носителей псковских говоров в своем эталонном виде, предполагающем совпадение гласных *е, о, а* в первом предударном слоге после мягких согласных в звуке [а] независимо от каких бы то ни было условий.

В результате исследования была выявлена система, при которой в позиции после мягкого согласного и перед твердым согласным наблюдается тенденция к произношению звука [а], а в позиции после мягкого согласного и перед мягким согласным — тенденция к произношению звука [е]. Иными словами, мы наблюдаем тенденцию к умеренности при яканье, но при этом полноценным умеренным яканьем эту систему пока назвать нельзя, так как, во-первых, классическое умеренное яканье предполагает противопоставление в первом предударном слоге звуков [а] и [и], а в нашем случае противопоставлены звуки [а] и [е], а во-вторых, мы говорим о тенденции, поскольку она охватывает большую часть, но не абсолютно все проанализированные случаи.

Литература

- Аванесов Р. И., Бромлей С. В. (ред.). Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. М.: Наука, 1986.
- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 160 с.
- Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Петроград, тип. Имп. Акад. наук, 1916. 128 с.
- Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Малышева А. В., Ронько Р. В., Тер-Аванесова А. В. Экспедиция в Опочецкий район Псковской области // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (36). С. 257–312.

- Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Тер-Аванесова А. В. Причастия прошедшего времени и перфектные конструкции в говорах под Опочкой // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2020. № 1 (23). С. 55–88.
- Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2011. 430 с.
- Николаев С. Л. Количественная оппозиция гласных в 1-м предупредном слоге в а-основах в тверском говоре д. Гниловка // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 14. Фонетический аспект изучения славянских диалектов. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 144–157.
- Пожарицкая С. К. Русская диалектология: Учебник. М.: Академический проект; Парадигма, 2005. 333 с.
- Строганова Т. Ю. Западные среднерусские говоры // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Отв. ред. В. Г. Орлова. М.: Наука, 1970. С. 392–452.
- Царева Л. И. Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области // Псковские говоры. Т. 1. Труды Первой Псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков: Псковский государственный педагогический институт, 1962. С. 58–76.
- Чекмонас В. К изучению вокализма говоров Псковщины (Ритмическая структура слова и акустические особенности реализации гласных в говоре д. Тешевицы Псковского района) // Вопросы русского языкознания. Вып. IX: Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 43–85.

References

- Avanesov R. I., Bromlei S. V. (eds.) *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka: Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR* [Dialectological atlas of the Russian language: The Center of the European part of the USSR]. Vol. I. Phonetics. Moscow, Nauka Publ., 1986.
- Bondarko L. V., Verbitskaya L. A., Gordina M. V. *Osnovy obshchei fonetiki* [Basics of general phonetics]. St. Petersburg, Faculty of Philology of the St. Petersburg State Univ. Publ., 2004. 160 p.
- Brok O. *Govory k zapadu ot Mosal'ska* [Dialects west of Mosalsk]. Petrograd, the Printing House of the Imp. Academy of Sciences, 1916. 128 p.
- Chekmonas V. [To study the vocalism of Pskov dialects (Rhythmic word structure and acoustic features of vowel realization in the dialect of the village of Teshevitsy, Pskov region)]. *Voprosy russkogo yazykoznaniiya. Vypusk IX: Dialektnaya fonetika russkogo yazyka v diakhronnom i sinkhronnom aspektakh* [Questions of Russian linguistics. Iss. IX: Dialect phonetics of the Russian language in diachronic and synchronous aspects]. Moscow, Publ. House of Moscow State Univ., 2001, pp. 43–85. (In Russ.)

- D'yachenko S. V., Zhidkova E. G., Malysheva A. V., Ron'ko R. V., Ter-Avanesova A. V. [Expedition to the Opochetsky district of the Pskov region]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2018, no. 2 (36), pp. 257–312. (In Russ.)
- D'yachenko S. V., Zhidkova E. G., Ter-Avanesova A. V. [Past participles and perfect constructions in dialects under the Opochka]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 2020, no. 1 (23), pp. 55–88. (In Russ.)
- Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K. *Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk: Fonetika, orfoehpiya, grafika i orfografiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Modern Russian literary language: Phonetics, orthoepy, graphics and spelling: A textbook for universities]. Moscow, Akademicheskii Proekt; Gaudeamus Publ., 2011. 430 p.
- Nikolaev S. L. [Quantitative opposition of vowels in the 1st prepressed syllable in the a-bases in the Tver dialect. Gnilovka]. *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii. Vyp. 14. Foneticheskii aspekt izucheniya slavyanskikh dialektov* [Research on Slavic dialectology. Issue. 14. Phonetic aspect of the study of Slavic dialects]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 144–157. (In Russ.)
- Pozharitskaya S. K. *Russkaya dialektologiya: Uchebnik* [Russian Dialectology: A Textbook]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Paradigma Publ., 2005. 333 p.
- Stroganova T. Yu. [Western Central Russian dialects]. *Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov* [Formation of the Northern Russian dialect and Central Russian dialects]. Ch. ed. V. G. Orlova. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 392–452. (In Russ.)
- Tsareva L. I. [Akanye and yakanye in the dialects of the southwestern part of the Pskov region]. *Pskovskie govory. T. 1. Trudy Pervoi Pskovskoi dialektologicheskoi konferentsii 1960 goda* [Pskov dialects. Vol. 1. Proceed. of the First Pskov Dialectological Conference in 1960]. Pskov, Pskov State Pedagogical Inst. Publ., 1962, pp. 58–76. (In Russ.)

Как правильно посчитать часы, ряды, шаги и не только? Акцентуация некоторых имен существительных в сочетании с количественными числительными

Александра Евгеньевна Журавлёва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), alsomova@yandex.ru

DOI: 10.7868/S3034592826040047

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена изучению орфоэпических вариантов имен существительных *час, ряд, шаг, шар, гол, след*. В родительном падеже единственного числа эти слова могут произноситься по-разному в зависимости, например, от лексического окружения. Так, современные орфоэпические словари в словах *час, ряд, шаг* предписывают делать ударение на основе в свободных сочетаниях и ударение на окончании при наличии рядом количественного числительного (ср. *Эта головоломка займет до часа Вашего времени* и *Встречаемся через два часа*). В то же время по отношению к подобным односложным существительным мужского рода *шар, гол и след* таких рекомендаций в словарях не содержится. В данной работе определяются факторы, от которых зависит выбор того или иного произносительного варианта, а также соотносится современное узуальное употребление с существующим лексикографическим описанием. Исследование показало, что наиболее значимыми факторами, влияющими на постановку ударения, являются частотность слова/словосочетания, лексическое окружение (свободное/связанное значение), принадлежность слова к определенной

сфере употребления. Полученные наблюдения основаны на результатах социолингвистического эксперимента и корпусных данных, представленные выводы в дальнейшем могут быть использованы при составлении орфоэпических и акцентологических словарей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ударение, акцентуация, имя существительное м. р. ед. ч., имя числительное, счетные формы, узус, кодификация

для цитирования: Журавлёва А. Е. *Как правильно посчитать часы, ряды, шаги и не только?* Акцентуация некоторых имен существительных в сочетании с количественными числительными // Русская речь. 2026. № 4. С. 47–56. DOI: 10.7868/S3034592826040047.

Issues of Modern Russian Language

How to Count Hours, Rows, Steps, and More Correctly? **Accentuation of Some Nouns in Combination with Cardinal Numbers**

Aleksandra E. Zhuravleva, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), alsomova@yandex.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the study of the orthoepic variants of the nouns *час*, *ряд*, *шаг*, *шар*, *гол*, *след*. In the genitive case of the singular, these words can be pronounced differently, depending, for example, on the lexical environment. For example, modern orthoepic dictionaries recommend placing the stress on the root in free combinations of the words *час*, *ряд*, and *шаг*, and placing the stress on the ending when a quantitative numeral is present (e. g., *Эта головоломка займет до часа Вашего времени* and *Встречаемся через два часа*). At the same time, such monosyllabic masculine nouns as *шар*, *гол*, and *след* are not included in dictionaries. This paper identifies the factors that influence the choice of a particular pronunciation and compares

the current usage with the existing lexicographic descriptions. The study has shown that the most significant factors affecting the stress placement are: the frequency of the word/word combination, lexical environment (free/bound meaning), and the belonging of the word to a certain sphere of use. The obtained observations are based on the results of a sociolinguistic experiment and corpus data; the presented conclusions can be used further in compiling orthoepic and accentological dictionaries.

KEYWORDS: stress, accentuation, masculine singular noun, numeral, count forms, usage, codification

FOR CITATION: Zhuravleva A. E. *How to Count Hours, Rows, Steps, and More Correctly?* Accentuation of Some Nouns in Combination with Cardinal Numbers. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 4. Pp. 47–56. DOI: 10.7868/S3034592826040047.

В современном русском литературном языке количественные числительные *два*, *три* и *четыре* согласуются с существительными в родительном падеже и единственном числе (*два часа*, *три ряда* и т. п.), причем счетные формы отличаются от свободных сочетаний акцентологически, в них ударение падает на окончание. Современные орфоэпические словари [Еськова (ред.) 2015; Каленчук, Касаткин, Касаткина 2017] рекомендуют именно такое произношение: слово *час* в родительном падеже следует произносить с ударением на первом слоге, в то время как в сочетании с количественными числительными *два*, *три* и *четыре* нужно ставить ударение на последний слог. Аналогичные рекомендации даны по отношению к родительному падежу слова *ряд*. Слово *шаг* следует произносить, следуя той же логике, но в этом случае в словарях появляется более «мягкая» помета *не рекомендовано* (произносить *два*, *три*, *четыре ша́га*). Интересно, что подобное разграничение не действует на другие односложные существительные мужского рода (*гол*, *шар*, *след*), потенциально имеющие орфоэпические варианты при сочетании с количественными числительными. Согласно вышеуказанным словарям, слово *гол* следует произносить в родительном падеже с ударением на основе (*го́ла*), никаких других помет и рекомендаций не дано. Существительное *шар* тоже следует произносить в родительном падеже с ударением на основе (*ша́ра*), за исключением контекстов, посвященных бильярдной игре (в этом случае — ударение на окончании). Слово *след* — аналогично, с ударением на основе (*сле́да*), за исключением сочетаний с отрицанием (*без следа́*, *не осталось и следа́*).

Чтобы сопоставить существующие словарные нормы и реальное произношение носителей современного русского литературного языка, был проведен лингвистический эксперимент¹. Носителям современного русского литературного языка (жителям Москвы и ближнего Подмосковья во втором-третьем поколении с высшим и неполным высшим образованием) предлагались к прочтению специально составленные тексты, содержащие исследуемые слова в разных контекстах, с целью проследить, отличается ли ударение в родительном падеже в свободных сочетаниях и в сочетаниях с количественными числительными. Кроме того, испытуемым были предложены контексты с разным лексическим значением исследуемого слова (ср. *Около воздушного шара сидела маленькая девочка* и *Он не смог загнать в лузу ни одного бильярдного шара*) и в составе устойчивых сочетаний (ср. *Молодой охотник отпрянул от следа медведя* и *Утром от плохого настроения не осталось и следа*). Кроме того, принимался во внимание фактор актуального членения высказывания: эксперимент содержал разные контексты, в которых слово с вариативным ударением являлось или темой, или ремой. Все испытуемые были разделены на три возрастные группы: младшую (16–29 лет), среднюю (30–59 лет), старшую (от 60 лет), что позволило проследить влияние возраста опрошенных на выбор произносительного варианта. Общее количество респондентов в рамках данного исследования составило 60 человек.

Проведенный эксперимент показал, что в настоящее время только в слове *час* сохраняется последовательное разграничение ударения в свободном сочетании (на основе) и в сочетании с количественными числительными *два*, *три* и *четыре* (на окончании): так произносит абсолютное большинство респондентов всех возрастных групп. Следует отметить, что в сочетании с числительными *три* и *четыре* появляются случаи переноса ударения в слове *час* на основу. Такое употребление было отмечено у 10% опрошенных в младшей возрастной группе и у 5% опрошенных в средней и старшей возрастных группах.

Различное ударение в счетных формах и в свободных сочетаниях со словом *час* в родительном падеже, во-первых, может быть связано с особой семантикой времени, которое человек постоянно пытается «считать». Подобные счетные формы очень употребительны в речи и выделяются на разных языковых уровнях и в других языках. Так, например, в английском и немецком языках указание на подсчет времени выделяется лексически: ср. *It was especially difficult to work during the last hour* и *We'll be home at two o'clock* или *Die Arbeit war in der letzten Stunde besonders hart* и *Wir kommen um zwei Uhr nach Hause*². Возможно, в русском языке такая семантика маркируется акцентологически.

¹ Сводная таблица результатов эксперимента представлена в Приложении 1.

² Перевод: *Работа в течение последнего часа была особенно трудной и Мы пришли домой в два часа.*

Во-вторых, особенности ударения слова *час* в родительном падеже можно объяснить с точки зрения диахронии: в русском языке оно исторически относилось к другой акцентной парадигме по сравнению, например, со словами *ряд, шаг, шар, гол, след*. Как известно, лексема *час* относилась к парадигме В, которой свойственно неподвижное ударение на окончании, а остальные указанные слова относились к парадигме С, которой свойственно маргинально-подвижное ударение [Зализняк 2011: 521]. Это подтверждают и примеры из поэтического подкорпуса НКРЯ. В стихотворениях поэтов XVIII в. слово *час* в форме родительного падежа функционирует с ударением на окончании: «*Страшася, может быть, последнего **часá** / Подъемлет плачущи глаза на небеса*» (М. М. Херасков. Венецианская монахиня. «Вот стены, где моя любезная живет!..», 1758) или «*Да прославляет чудеса, / От древнего уже **часá**, / Весь ангельский чин неотступно*» (В. К. Тредиаковский. Ода XVIII. Парафразис вторых песни Моисеевы. «Вонми, о! небо, и реку...», 1752). Возможно, в очень частотных в речи сочетаниях с числительными *два, три и четыре* наблюдается сохранение старого ударения.

Слово *ряд* в родительном падеже в свободных сочетаниях абсолютное большинство опрошенных всех возрастных групп произносят с ударением на основе, в сочетании с числительным *два* — в младшей и средней группе также преобладает вариант с наосновным ударением, а в старшей — варианты распределяются приблизительно 50/50. В сочетании с числительными *три* и *четыре* ситуация меняется: нафлексийных ударений становится еще меньше, в том числе у старших респондентов. Чуть чаще (до 20 % случаев) опрошенные всех возрастных групп предпочитали ударение на окончании в контекстах, где сочетание с числительным является ремой.

В слове *шаг* большинство респондентов предпочитают ударение на основе не только в свободном сочетании, но и в сочетаниях с числительными *два, три* и *четыре*. Чуть более частотно ударение на окончании в сочетании с числительным *два*, в старшей группе так произнесли 20 % респондентов, в средней и младшей — 10%. Как и в случае со словом *ряд*, есть некоторая взаимосвязь нафлексийного ударения и тема-рематического членения предложения. В контекстах, где сочетание с числительным являлось ремой высказывания, наблюдалось до 15 % случаев ударения на окончании. Кроме того, нафлексивное ударение коррелирует с возрастом респондентов и чаще встречается в старшей группе.

Таким образом, можно констатировать, что, в отличие от слова *час*, в лексемах *ряд* и *шаг* в настоящее время не сохраняется последовательного разграничения ударения в родительном падеже единственного числа (*ря́да, ша́га*) и в счетных формах (*два, три, четыре ря́дá, ша́гá*), что противоречит существующей норме, зафиксированной орфоэпическими словарями.

Данные проведенного эксперимента показали, что в свободном сочетании узуальное употребление существительного *гол* соответствует

орфоэпической норме: большинство опрошенных предпочитали вариант с ударением на основе. Респонденты старшей группы по сравнению с остальными двумя немного чаще (до 30 % случаев) выбирали вариант с ударением на окончании. В сочетании со словом *два* нафлексийное ударение становится более частотным: до 50 % в старшей группе и до 30 % в средней предпочитают такое произношение. В сочетании с числительными *три* и *четыре* наблюдалась ситуация практически такая же, как и в свободном сочетании, — преобладал вариант с ударением на основе. Дополнительно к основной группе респондентов средней возрастной группы было опрошено пять человек³, являющихся футбольными болельщиками, которые, вопреки ожиданиям, почти во всех контекстах (за исключением двоих опрошенных, которые произнесли сочетание *два гола* с ударением на окончании) предпочли варианты с ударением на основе. Может быть, это объясняется некоторой «искусственностью» эксперимента (чтение письменного текста предполагает больший самоконтроль, нежели устная спонтанная речь) или влиянием речи телевизионных спортивных комментаторов, которые все-таки стараются соблюдать словарные нормы.

Возможно, тенденция к нафлексийному ударению именно в сочетании *два гола* отчасти связана с его наибольшей частотностью. Так, например, если обратиться к газетному подкорпусу НКРЯ, можно увидеть, что сочетание *два гола* насчитывает 2548 вхождений, в то время как сочетания *три гола* — 1210, *четыре гола* — 622. Кроме того, можно обнаружить связь с ритмической структурой. Возможно, на ударение может влиять не только стремление к чередованию ударных и безударных слогов [Кухто, Пиперски 2018: 147], но и повтор конечного гласного [а] в соседних коротких словах, как в сочетании *два гола*. Если говорить о субкультуре болельщиков, то тут на распространение нафлексийного ударения может оказывать футбольный фольклор (фанатские песни, кричалки), например: «Еще гол, еще два, еще тридцать три гола́» или «И тогда забьем мы три гола, и тогда — споем шала-лу-ла́».

В абсолютном большинстве контекстов со словом *шар* респонденты всех возрастных групп предпочитали варианты с ударением на основе. Помимо прочих, к прочтению предлагался контекст, в котором шла речь о бильярдных шарах, но и в этом случае большинство опрошенных предпочли вариант с ударением на основе. Однако в Национальном корпусе русского языка примеры, связанные с бильярдом и имеющие ударение на окончании, обнаруживаются. Это не только известные строки А. С. Пушкина из «Евгения Онегина» — «Он на бильярде в два шарá / играет с самого утра», но и, например, стихотворение «Умру — придут и разберут...» (1975)

³ Эти данные не входят в Приложение 1.

А. П. Межирова: «*На нем играли мастера / Митасов и Ашот / Эмиль закручивал шарá / Который не идет*». Поскольку среди опрошенных в рамках эксперимента не было людей, профессионально интересующихся бильярдом, возникла идея обратиться к интернет-ресурсам [Московская академия бильярда], охватывающим профессиональное сообщество бильярдистов. Так, анализ акцентуации слова *шар* (р. п.) в обучающих видеороликах Московской академии бильярда показал, что оно действительно активно употребляется с ударением на окончании: «*Представьте, что два шарá стоят не на одной линии*», «*Мы бьем в верхнюю половину шарá*», «*Тут сейчас понятно, что я играю в центр шарá*», «*Похожая история, как с центом шарá*» и т. п.

М. Л. Каленчук отмечает, что «авторы многих словарей смешивают варианты ударения, свойственные речи профессионально ограниченной части социума, со словами, тематически привязанными к определенной жизненной, в том числе профессиональной сфере» [Каленчук 2022: 68]. В этой связи было бы уместно пересмотреть словарные рекомендации, в которых специфическое ударение (*шарá*) связывается с лексическим значением, а не с профессиональной сферой употребления, хотя такой акцентологический вариант распространен лишь в профессиональном кругу бильярдистов. В то же время нафлексийное ударение в родительном падеже слова *гол* является не профессиональным, а скорее просторечным и требует запретительной пометы.

В свободном сочетании в родительном падеже слова *след* младшие респонденты предпочитают вариант с ударением на основе, в средней группе опрошенных появляются варианты с ударением на окончании (15–20 % случаев), в старшей — процент произношений с ударением на окончании увеличивается (до 45–50 %). Похожая картина наблюдается в сочетании *два следа*, с числительными *три* и *четыре* — процент ударений на окончании становится меньше. В устойчивом выражении *не осталось и следа* большинство респондентов предпочитают варианты с ударением на окончании, за исключением совсем небольшого количества в младшей группе (10 %). В данном случае можно предположить, что нафлексийное ударение в распространенном в речи устойчивом сочетании оказывает влияние на акцентуацию в свободных сочетаниях.

Таким образом, опираясь на экспериментальные данные, можно сделать некоторые выводы о значимости того или иного фактора в распространении различных акцентологических вариантов в узусе. Во-первых, стоит отметить, что более частотным сочетаниям чаще свойствен перенос ударения на окончание. Так, практически во всех примерах со словом *два* процент ударных окончаний был, как правило, выше, чем в сочетаниях со словами *три* и *четыре*. Согласно НКРЯ частотность сочетаний со словом *два* в разы выше, чем с другими числительными. Например, *два ряда* —

1026 вхождений, *три ряда* — 296, *четыре ряда* — 137; *два шага* — 1093, *три шага* — 490, *четыре шага* — 130 и т. п. Во-вторых, ударение в устойчивых сочетаниях может оказывать влияние на ударение в сочетаниях свободных. Здесь показательно слово *след* и его сочетания с отрицанием. В-третьих, специфическая семантика (как в счетных формах слова *час*) или активное употребление лексемы в сугубо профессиональной среде (как слово *шар* в бильярде) также могут оказывать влияние на акцентуацию. Кроме того, можно заметить незначительное влияние тема-рематического членения предложения на постановку ударения в исследуемых сочетаниях и корреляцию с возрастом респондентов. Хотя числовые показатели такой взаимосвязи незначительны, но проявляется она достаточно последовательно от контекста к контексту (см. Приложение 1). Ударение на окончании было более частотным, если сочетание являлось ремой. Респонденты старшей группы немного чаще предпочитали варианты с ударной флексией.

Результаты проведенного исследования обнаружили несоответствие некоторых орфоэпических норм, зафиксированных существующими словарями, реальному произношению носителей современного русского литературного языка, что практически значимо при составлении современных орфоэпических словарей и словарей ударений.

Литература

- Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. М.: АСТ, 2015. 1008 с.
- Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2011. 352 с.
- Каленчук М. Л. Профессиональные произносительные варианты: мифы и реальность // Русская речь. 2022. № 6. С. 63–70.
- Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2017. 1024 с.
- Кухто А. В., Пиперски А. Ч. Экспериментальное исследование акцентной вариативности в русских глагольных формах прошедшего времени // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2018. № 3. С. 140–152.
- Московская академия бильярда [Электронный ресурс]. URL: <https://billiardonline.ru> (дата обращения: 25.04.2025).
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.04.2025).

References

- Es'kova N. A. (ed.). *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Russian language orthoepic dictionary: pronunciation, stress, grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Moscow, AST Publ., 2015. 1008 p.
- Kalenchuk M. L. [Professional pronunciation variants: myths and reality]. *Russkaya rech'*, 2022, no. 6, pp. 63–70. (In Russ.)
- Kalenchuk M. L. Kasatkin L. L. Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [The great Russian language dictionary of orthoepy. Literary pronunciation and stress in the early 21st century: norm and its variants]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2017. 1024 p.
- Kukhto A. V. Piperski A. Ch. [An experimental study of accentual variability in Russian verb forms of the past tense]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2018, no. 3, pp. 140–152. (In Russ.)
- Moskovskaya akademiya bil'yarda* [Moscow Billiard Academy]. Available at: <https://billiardonline.ru> (accessed 25.04.2025).
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 30.04.2025).
- Zaliznyak A. A. *Trudy po aktsentologii* [Works on accentology]. Vol. 2. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2011. 352 p.

Приложение 1.

Слово/словосочетание	Ст. гр., %	Ср. гр., %	Мл. гр., %
Ча́са/часá (тема)	95/5	100/0	100/0
Ча́са/часá (рема)	95/5	95/5	95/5
Два ча́са / два часá (тема)	0/100	0/100	0/100
Два ча́са / два часá (рема)	0/100	0/100	5/95
Три ча́са / три часá (тема)	5/95	5/95	10/90
Три ча́са / три часá (рема)	5/95	5/95	10/90
Четы́ре ча́са / четы́ре часá (тема)	5/95	5/95	10/90
Четы́ре ча́са / четы́ре часá (рема)	5/95	5/95	10/90
Ря́да/рядá (тема)	95/5	90/10	90/10
Ря́да/рядá (рема)	90/10	85/15	90/10
Два ря́да / два рядá (тема)	50/50	75/25	75/25
Два ря́да / два рядá (рема)	45/55	85/15	80/20
Три ря́да / три рядá (тема)	75/25	90/10	95/5
Три ря́да / три рядá (рема)	70/30	80/20	85/15

Слово/словосочетание	Ст. гр., %	Ср. гр., %	Мл. гр., %
Четыре ряда / четыре рядá (тема)	75/25	95/5	90/10
Четыре ряда / четыре рядá (рема)	80/20	80/20	85/15
Ша́га/шага́ (тема)	95/5	95/5	100/0
Ша́га/шага́ (рема)	85/15	90/10	95/5
Два ша́га / два шага́ (тема)	80/20	90/10	85/15
Два ша́га / два шага́ (рема)	75/25	90/10	90/10
Три ша́га / три шага́ (тема)	90/10	100/0	100/0
Три ша́га / три шага́ (рема)	85/15	90/10	95/5
Четыре ша́га / четыре шага́ (тема)	95/5	100/0	95/5
Четыре ша́га / четыре шага́ (рема)	85/15	90/10	95/5
Го́ла/гола́ (тема)	75/25	85/15	80/20
Го́ла/гола́ (рема)	70/30	85/15	85/15
Два го́ла / два гола́ (тема)	55/45	75/25	85/15
Два го́ла / два гола́ (рема)	45/55	70/30	85/15
Три го́ла / три гола́ (тема)	85/15	90/10	80/20
Три го́ла / три гола́ (рема)	80/20	85/15	80/20
Четыре го́ла / четыре гола́ (тема)	80/20	85/15	90/10
Четыре го́ла / четыре гола́ (рема)	80/20	90/10	85/15
Ша́ра/шара́ (тема)	95/5	100/0	100/0
Ша́ра/шара́ (рема)	90/10	100/0	100/0
Ша́ра/шара́ (бильярд)	95/5	100/0	100/0
Два ша́ра / два шара́ (тема)	100/0	100/0	100/0
Два ша́ра / два шара́ (рема)	90/10	95/5	95/5
Три ша́ра / три шара́ (тема)	100/0	100/0	100/0
Три ша́ра / три шара́ (рема)	100/0	95/5	100/0
Четыре ша́ра / четыре шара́ (тема)	100/0	100/0	100/0
Четыре ша́ра / четыре шара́ (рема)	100/0	100/0	95/5
Сле́да/следа́ (тема)	55/45	85/15	90/10
Сле́да/следа́ (рема)	50/50	80/20	85/15
Сле́да/следа́ (не осталось и)	0/100	0/100	10/90
Два сле́да / два следа́ (тема)	50/50	80/20	95/5
Два сле́да / два следа́ (рема)	60/40	80/20	95/5
Три сле́да / три следа́ (тема)	70/30	85/15	100/0
Три сле́да / три следа́ (рема)	70/30	80/20	95/5
Четыре сле́да / четыре следа́ (тема)	75/25	85/15	100/0
Четыре сле́да / четыре следа́ (рема)	70/30	85/15	95/5

Неканонические имена белого духовенства в истории русского языка

Евгения Владимировна Буденная, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Институт языкознания РАН (Россия, Москва), jane.sdrv@gmail.com

DOI: 10.7868/S3034592826040051

аннотация: В работе исследуются некалендарные и гипокористические христианские имена белого духовенства в истории русского языка. Анализ выявил два ключевых периода активного образования христианских имен с использованием славянских гипокористических суффиксов: XI–XIV вв. (с пиком в XII в.) и XVI–XVII вв. Первый период связан с общей адаптацией христианских имен, где уменьшительные гипокористические формы служили промежуточным звеном при вытеснении имен славянского происхождения. В это время антропонимикон белого духовенства демонстрирует сходство со светскими традициями, но также и важные отличия: у священников данный процесс представлен значительно более редкими и нерегулярными вхождениями; кроме того, употребление гипокористических форм (Петрило, Иванко) коррелирует с низким социально-правовым статусом священника и содержит пейоративный оттенок. Второй период связан с развитием деловой письменности и эпистолярного этикета. В XVI–XVII вв. развивается регулярное употребление уменьшительных форм с суффиксом *-ище* (Иванище, Петрище), характерное для челобитных (как знак самоуничижения автора) и в формульных записях священников-заверителей различных сделок. Последний контекст также отражает вспомогательный статус этих лиц, по сравнению с основными участниками сделки. В этом контексте в аналогичной прагматической функции начинают употребляться и прозвища. Исследование уточняет историю русской антропонимики и на конкретном материале

прослеживает общую тенденцию развития социально маркированных значений у уменьшительно-ласкательных суффиксов, четко определяя социальные и стилистические контексты их употребления для белого духовенства в отличие от монашества и светских лиц.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: личное имя, гипокористика, древнерусский язык, диахрония, корпусный анализ

для цитирования: Буденная Е. В. Неканонические имена белого духовенства в истории русского языка // Русская речь. 2026. № 4. С. 57–78. DOI: 10.7868/S3034592826040051.

From the History of the Russian Language

Non-Canonical Names of the White Clergy in the History of the Russian Language

Evgeniya V. Budennaya, HSE University, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), jane.sdrv@gmail.com

ABSTRACT: This study analyzes non-calendar and hypocoristic Christian names within the Russian white clergy. It identifies two active periods of name formation using Slavic hypocoristic suffixes: the 11th – 14th centuries (peaking in the 12th) and the 16th – 17th centuries.

The first period is tied to the general adoption of Christian names, where diminutive forms acted as an intermediate stage. While the clergy's naming practices showed some similarity to secular ones, key differences existed: usage among priests was less frequent and more irregular. Furthermore, these hypocoristics (e. g., Petrilo, Ivanko) correlated with a priest's low socio-legal status and carried a pejorative connotation.

The second period is linked to the development of official document styles. In the 16th – 17th centuries, the regular use of diminutives with the suffix -ishche (e. g., Ivanishche, Petrishche) became established in petitions (as a sign of self-deprecation) and in formal records where priests witnessed

transactions, highlighting their auxiliary role. Nicknames also began to serve a similar pragmatic function.

The study refines the history of Russian anthroponymy, tracing the development of pejorative meanings in diminutive suffixes and clearly defining the specific social and stylistic contexts of their use for the white clergy.

KEYWORDS: personal name, hypocorism, pejorative meaning, Old Russian, diachrony, corpus analysis

FOR CITATION: Budennaya E. V. Non-Canonical Names of the White Clergy in the History of the Russian Language. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 4. Pp. 57–78. DOI: 10.7868/S3034592826040051.

1. Введение

В истории русского языка система имяназвания белого духовенства представляет особый интерес. Известно, что в раннедревнерусский период священники изредка упоминались под некалендарными именами славянского происхождения (писец Толковых пророков 1047 г. *Упырь Лихой*, поп *Дрочка*, известный из берестяной грамоты XII вв.), а также под христианскими именами с дополнительными суффиксальными наращенными (*Иванко Леген* [НПЛ, л. 120об. за 1193 г.], *Петрила* [НПЛ, л. 157 за 1234 г.]). Эти особенности отличают имена белого духовенства от монашеского антропонимикона, где, как правило, фигурируют календарные христианские имена без суффиксальных наращений, а славянские не встречаются вообще.

К XVI в., с развитием эпистолярного этикета, в челобитных и некоторых других документах священнослужители начинают фигурировать под христианскими именами с дополнительным суффиксом *-ище*, семантика которого является предметом дискуссии (см. [Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017: 157–158] об уничижительной природе данного суффикса, [Тагунова 1963: 166–167] о привилегированном положении носителей подобных имен, [Азарх 1984: 74–75] о невыраженной семантике данного типа имен как таковой). Б. А. и Ф. Б. Успенские отмечают развитие форм на *-ище* как у монахов, так и у белого духовенства [Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017: 157–158]. Тем не менее в отличие от монахов только у белого духовенства в XVI–XVII вв. наравне с формами на *-ище* встречаются и одиночно употребляемые прозвища:

- (1) *Петровской поп Неждан на розъезде был и руку приложил. (Разъезжая романовского и пошехонского губного старосты кн. Семена Александрова сына Гнездиловского земле Богоявл. Остров. Монастыря (1563.09.19—1564.08.31))*

Можно видеть, что в антропонимиконе белого духовенства обнаруживаются как сходства, так и различия с монашеским имянаречением. Ранее некоторые особенности имен священнослужителей отмечались в общих работах по древнерусской антропонимике ([Тупиков 2005/1903: 41–42; Кюршунова 2013: 121–122; Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017: 157–158]) и по отдельным конкретным персонажам [Бобрик 2014]. Тем не менее в обзорных исследованиях имена белого духовенства, как правило, либо рассматривались совместно с иноческими [Азарх 1984: 74–75; Кюршунова 2013: 121–122], либо оставались за рамками системного анализа и фигурировали только в качестве единичных упоминаний. В этой связи в данной работе будет проведено отдельное обзорное исследование имен русского белого духовенства с фокусом на нестандартных формах, отличающихся от канонических христианских, в памятниках XI–XVII вв. (Панхронический корпус НКРЯ и свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв., опубликованный в издании [Столярова 2000]). Данные формы будут сопоставлены как с именами светских лиц, так и монахов; при этом к анализу будут привлечены не только контексты с самим именем, но и с формой производного притяжательного прилагательного.

Статья построена следующим образом. В Разделе 2 излагаются данные XI–XIV вв. В разделе 3 приводятся более поздние старорусские данные XV–XVII вв. В Разделе 4 суммируются итоги исследования.

2. Данные XI–XV вв.

2.1. Общие сведения

В период с XI–XV вв. можно выделить 3 основные группы имен белого духовенства, встречающиеся в древнерусских памятниках:

- 1) некалендарные исконно-славянские (*Дрочка, Руда*);
- 2) христианские со славянскими суффиксами (*Иванко, Петрила, Микулица*);
- 3) календарные христианские (*Андрей, Михаил, Василий* и др.), зачастую в народной форме (*Ондрей, Курило, Микула, Офонос, Семьон* и др.).

В анализируемом корпусе абсолютное большинство имен священнослужителей относится к группе 3 (календарные христианские имена), тогда как для нехристианских и христианских имен со славянскими деривативными суффиксами встретилось лишь 9 и 5 вхождений соответственно. Уже в самых ранних текстах календарные христианские имена священнослужителей преобладают над нехристианскими, а последние к XIV в. фактически полностью выходят из употребления. Христианские же имена со славянскими суффиксами также присутствуют еще в XI–XII вв. и утрачиваются к XIII в. (Таблица 1).

Таблица 1. Распределение неканонических форм имени (включая одиночно употребленные прозвища) среди белого духовенства в древнерусских памятниках до XV в.

Table 1. The distribution of non-canonical forms of names (including individually used nicknames) among the white clergy in Old Russian monuments before the 15th century

	XI–XII	XIII	XIV
Нехристианские имена (включая одиночно употребленные прозвища)	<i>Жидята</i> ¹	<i>Лотыш</i>	<i>Руда</i>
	<i>Упырь</i>	<i>Кохан</i>	
	<i>Домка</i>		
	<i>Лихач</i>		
	<i>Дрочка</i>		
	<i>Гречин</i>		
Всего	6	2	1
Христианские имена со славянскими суффиксами	<i>Лазко</i>	<i>Петрило</i>	
	<i>Иванко</i>		
	<i>Иванко Леген</i>		
	<i>Микулица</i>		
Всего	4	1	0

Хронологически процесс наблюдаемой эволюции имянаречения в среде белого духовенства согласуется с общим процессом вытеснения языческих имен христианскими через промежуточное нейтрализующее средство христианских имен со славянскими гипокористическими суффиксами [Зализняк 2004: 213; Литвина, Успенский 2006: 131–137; Буденная 2021: 34]. Тем не менее по соотношению славянских и христианских имен неславянского происхождения белое духовенство существенно отличается от светских лиц: уже в XII в. доля священников, упоминаемых под христианскими именами, составляет более 80% и далее непрерывно увеличивается, тогда как для светских лиц календарные христианские имена начинают доминировать только к рубежу XIII–XIV вв. [Зализняк 2004: 215; Буденная 2021: 43]. Кроме того, в отличие от лиц с высоким социальным статусом, для которых в период до XIV в. характерны в первую очередь гипокористические формы христианских имен на *-ко* (князь *Василько Теробовльский*, *Михалко Юрьевич*, посадник *Иванко Павлович* и др.), для имен священников наблюдается большее разнообразие моделей гипокористик (суффиксы *-ил-*, *-иц-*).

Ниже основные типы неканонических имен будут проанализированы более подробно.

¹ О предположительной принадлежности *Луки Жидяты* к священникам см. Раздел 2.2.

2.2. Исконно-славянские имена и прозвища

Помимо непосредственного имени (славянского и/или христианского), люди, упомянутые в древнерусских текстах, могли иметь прозвища, указывающие на черты внешности, характера, происхождение и другие идентифицирующие признаки. Подобное встречалось и среди священников (2–4):

- (2) *Томъ же лѣтъ переставися рабъ божи **Германъ**², иерѣи святого Якова, зовемыи **Воята**, служивъшю ему у святого Иякова полъня-тадъсятъ лѣтъ въ кротости и сѣмрении и богобоязньствъ³ (НПЛ, л. 48об. за 1188).*
- (3) *а се послѣси **[м]а[л]ыи Андрей поп** М(и)къла [н](а)[в]мѣтъ поп Микита Степ[анъ] к[узнь]це ‘А вот свидетели: поп Андрей Малый, наемный рабочий Микула, поп Микита, кузнец Степан’ (Стены церкви Св. Пантелеймона, Шевченково, 1227–1233))*
- (4) *ѿ мирслава к **олисьеви ко грициноу**⁴ (Берестяная грамота 502 (1180–1200))*

Далеко не всегда прозвище однозначно указывалось в качестве такого непосредственно в древнерусском тексте (модели вида *Х рекомый/зовомый/нарекаемый/...* У, в которых Х фигурирует в качестве личного, как правило, крестильного христианского имени, а У — собственно прозвища, см. Пример 2). Зачастую прозвище могло идти непосредственно после имени (см. Пример 4) или же употребляться изолированно (5–6):

- (5) *въвѣдете **Грыцина**, попа святую Костянтину и Елены (НПЛ, л. 102об. за 1226 г.)*
- (6) *писахъ же книги| сия азъ гюрги сѣнъ **попо|въ глѣмага лотыша съ го|родища** (Симоновское Евангелие 1270 г., цит. по [Столярова 2000: 152])*

Во многих подобных случаях строго разграничить нехристианское имя и прозвище не представляется возможным [Тупиков 2005/1903: 41; Чичагов 1959: 11–18; Зализняк 2004: 205]. Так, применительно к священнослужителям дискуссионным является антропоним *Упырь Лихой* (4), который М. А. Бобрик трактует как сочетание прозвища *Упырь* с ситуационно употребленным самоуничижительным эпитетом *наподобие хоудыи, гръшьныи* [Бобрик 2014], тогда как в других работах этот же антропоним представлен как пример нехристианского имени с собственно прозвищем *Лихой* [Тупиков 1903/2005: 42; Шеберг 1996]. Схожим образом

² Здесь и далее выделение авторское.

³ Здесь и далее древнерусские примеры приводятся в строку, в упрощенной орфографии.

⁴ О том, что Олисей Гречин был священником, известно из НПЛ (5), об отождествлении персонажа берестяных грамот с летописным Гречином см. [Гиппиус 2005].

неоднозначной представляется природа антропонима *Руда* в качестве имени псковского священника XIV в. (8) и формы *Лихач* в отношении киевского священника XII в. (9). Тем не менее, учитывая суффиксальный деривативный характер формы *Лихач*⁵ с семантикой, указывающей на конкретное свойство персонажа, предпочтительнее представляется прозвищная природа соответствующего антропонима.

- (7) *почахъ же ѣ писати в лѣто 6555, мѣца маѧ, 14, а кончахъ тогоже лѣта мѣца декабрѧ, въ 19. азъ попъ оупиръ лихыи* [Столярова 2000: 11]
- (8) *А коли ту ступишася битися с Нѣмцы, а в то время Руда поп борисогльбскои, Лошаков внукъ, повергъ конь и щитъ и вся оружия ратныя брани, побѣже попъ с побоища и прибѣже въ Изборско и повѣда имъ лиху вѣсть: вѣсхъ псковичъ и изборянъ побили Нѣмцы.* (Псковская 1-я летопись. Тихановский список (1400–1469))
- (9) *оуже бо Половци . въѣздаху в городъ . просъкающе столпие . и зажгоша дворъ . Лихачевъ поповъ* (Ипат., л. 184об. за 1161 г.)

Наличие прозвищ было свойственно и черному духовенству (10–12), причем прозвища могли как представлять собой бывшие апеллятивы, так и образовываться и от мирских, и от собственно иноческих имен (подробнее см. [Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017: 151]). Так, новгородский епископ *Лука Жидята* содержит в своем именовании гипокористику от имени *Жидислав* (11, 13), а прозвище монаха Троице-Сергиева монастыря *Иакова Якута* представляет собой гипокористику от собственно монашеского имени (12):

- (10) *Того же лѣта постави церковь камену на Коломцах анхимандритъ Кирилъ въ имя святыя богородица Успение <...> стяжениемъ раба божия Олония мнѣха, нарицаемаго Сикила* (НПЛ мл., л. 193об. за 1310 г.)
- (11) *иде Ярославъ Новугороду и посади сѧ своего Володимера Новъгородъ епѣна постави Жидѧту* (ПВЛ по Лавр., л. 51 за 1036 г.)
- (12) *Събравъшимъ же ся мнихомъ не зѣло множайшимъ, но яко чисменемъ до двою на десяте: отъ нихъ же бѣ единъ старецъ Василий, рекомый Сухи, иже бѣ въ прѣвыхъ отъ страны пришедый отъ врѣхъ Дубны; инъ же отъ нихъ, именемъ Иаковъ, рекомый Якута — сий бѣ въ чину образомъ яко посолникъ* (Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского (1417–1418))

Тем не менее даже при наличии прозвища все представители черного духовенства указываются в тексте под своим христианским именем. Единственным обнаруженным нами исключением является *Жидята*,

⁵ Об отглагольных и отыменных образованиях на *-ач* в древнерусском языке со значениями деятельности, качества и др. см. [Азарх 1984: 82–83].

упомянутый под гипокористикой от мирского имени в контексте о поставлении в епископы (11). Однако в хронологически последующих событиях Н4Л он фигурирует уже исключительно под христианским именем *Лука*, а в списке епископов Новгорода в НПЛ упомянут под двойным именованием (13):

- (13) *Лука Жидята бысть епископомъ лѣтъ 23; положенъ за святою Софьею в Новъгородъ; а преставися, ѣдѣя с Киева, на Копысь, октовриа мѣсяця въ 15* (НПЛ, с. 463, л. 19об.)

В силу этого в литературе высказывается предположение о том, что мирской характер прозвища, очевидно происходящего от некрестильного имени, говорит о том, что Лука Жидята ранее был придворным княжеским священником [Печников 2017: 465]. Данный тезис хорошо соотносится с последовательным именованием епископа исключительно христианским именем только после получения сана.

Представители же белого духовенства, в отличие от монахов, могли упоминаться и под некалендарными именами непрозвищного характера, т. е. полученным при рождении и до крещения. В древнерусских данных до XIV вв. обнаружилось по меньшей мере одно вхождение, где славянское имя священника не относится к прозвищам, а является собственно именем. Данное вхождение относится к попу *Дрочке*, упомянутому в берестяной грамоте 87 (12), имя которого представляет собой однокоренное образование к встречающимся в Новгороде раннедревнерусского периода именам *Дрочила* и *Дрочен* [Зализняк 2004: 269]⁶. Также с достаточно большой вероятностью нехристианским является и имя попа *Домки* — первого писца Милятина евангелия [Михеев 2019: 20], имеющего трех тезок — двух персонажей берестяных грамот XII в., а также автора двух миней того же периода, единожды указавшего свое параллельное крестильное имя *Яков* (16):

- (14) *Въ голодное лето написахъ Еуанг(е)лие и Ап(о)с(то)лъ обое одиномъ лет(ом) Дѣмъка, попъ, оу с(вя)т(о)го Лазоря поя, а повелениемъ Милятиномъ Лоукиницѣмъ, и крилъ обое книги на сп(а)сение собе і на сѣдравие, аминъ* [Милят. 160d]
- (15) *ѡ дрочке ѡ папа пѣкланание ко демеланоу и къ мине и къ вануюкоу и къ вѣхемо вамо* (Берестяная грамота 87 (1180–1200))
- (16) *Гѣи простите ма грѣшнаго | оубогаго оунълага недо|стѡ|инаго раба своего Акова а | мирьскы Дѣмъка · прости|те же ма аминъ* [Сент. Тип-84, л. 56об.]

⁶ О возможности употребления одного и того же древнерусского корня с разными суффиксальными моделями в качестве имени см. [Зализняк 1986: 149–150].

Таким образом, можно видеть, что общий процесс вытеснения языческих имен христианскими хронологически происходил для белых священников тогда же, когда и для светских лиц (XI–XIV вв.), однако среди священников подавляющее доминирование христианских имен констатируется уже в самых ранних памятниках XI–XII вв., тогда как для светских лиц это случилось приблизительно на два столетия позже. Вместе с тем, подобно монахам, белые священники могли иметь прозвища, однако они также могли упоминаться в текстах под одиночными некалендарными именами или только под прозвищами, без дополнительного указания христианского имени, что для монахов было невозможным.

2.3. Христианские имена с гипокористическими суффиксами

Помимо некалендарных имен славянского происхождения и прозвищ, древнерусские священники иногда упоминались в древнерусских памятниках под гипокористическими формами, образованными от христианских имен. Все подобные вхождения относятся к раннедревнерусским данным и к XIII в. фактически сходят на нет, уступая место полным христианским именам (см. Таблицу 1 и Примеры 17–21):

- (17) *прѣставися **рабѣъ божии** Лазорѣ попѣ, а мирьскы Лазѣко* [Надпись о смерти священника Лазоря (Стены церкви Благовещения на Городище, Великий Новгород, 1100–1150)]
- (18) *оли же поча ходити **Микулицѣ** со святою Богородицею в ризахъ по городу, тожѣ почаша не грабити* (КЛ по Ипат., л. 209 за 1174 г.)
- (19) *иде въ городъ воевода поимѣ съ собою **попа Иванка Легена** и инѣхъ вячьшихъ, иськоша я на канунъ святыя Варвары; и вылаша пакы, и пояша ихъ 30 муж вячьшихъ, и тѣхъ иськоша и потомъ 50* (НПЛ, л. 53 за 1193 г.)
- (20) *уо жирослава б : уо муожа возаль кадь : уо лазорѣ кадь :: уо **иванка кдѣ уо попа*** (Берестяная грамота 1029/980 (1180–1200))
- (21) *ту убиша нѣколико Литвы, а рушанѣ 4 мужи: **попа Петрилу**, другое Обрадица и ина два мужа* (НПЛ, л. 118 за 1233 г.)

Для лиц из монашеской среды подобные вхождения фактически не встречаются. Единственным исключением являются формы с пейоративным суффиксом *-ец*, которые употреблялись в отношении лиц любого социального статуса при негативной авторской оценке [Селищев 2003: 416; Буденная 2026 (в печати)] и могли применяться в том числе в отношении монахов, самым ярким из которых является ростовский епископ *Фе(о)до-рец* [Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017: 154–155]:

- (22) *Федорца же за укоризну тако нарѣцаема, сего блаженный Кирил от божественных писаний ересь обличи и прокля его* [КирТур, л. 826].

Тем не менее, помимо пейоративных форм на *-ец*, стоящих особняком, одиночные суффиксальные образования от христианских форм черному духовенству не были свойственны. С этой точки зрения имена представителей белого духовенства сближаются с именами светских лиц, с поправкой на то, что в среде последних полные христианские имена массово распространились значительно позже. Можно видеть, что у белого духовенства среди христианских имен встречаются различные славянские гипокористические суффиксы (*-ѣк-*, *-иц-*, *-ил-*, см. Таблицу 1 и Примеры 17–21). Учитывая, что подобные формы в массе своей свойственны раннедревнерусским текстам и постепенно сходят на нет, можно полагать, что для белого духовенства гипокористические образования от христианских имен также отражают переходный процесс адаптации к иноязычным именам, как это параллельно и в течение более длительного времени происходило в княжеской среде [Буденная 2021].

Однако если для древнерусских князей до XIII в., упомянутых под христианскими именами с гипокористическими суффиксами (*Василько Юрьевич*, *Михалко Вячеславич*, *Михалко Юрьевич* и др.), не удастся проследить каких-либо закономерностей, связанных с социальным статусом персонажа, то для представителей белого духовенства, упомянутых в памятниках под одиночными подобными формами, прослеживается связь с подчиненным или жертвенным положением. Так, Иванка Легена (19) убивают в ходе похода на Югру, Петрилу — в битве с литовцами (21), Иванко в (20) является должником, а Микулица (18) после гибели князя Андрея Боголюбского становится своего рода церковным «изгоем» [Петров 2018: 52]. В этой связи примечательно, что при жизни Андрея Боголюбского *Микулица* в описании чудесного спасения своей жены в «Сказании о чудесах Владимирской иконы Богородицы» последовательно упоминается как *Микула*:

- (23) ...Се же **Микулина** попадьѣ пѣха на колѣхъ съ снохою своею. Бывши-ма же има на истоцѣ, и соидоста с колѣ. Бѣ бо попадьѣ **Микулина** нетуня. Яко хотѣша минути конь, и нападе бѣсъ на конь. И зби повозника съ себе, и ногу ему изломи. И порази попадьѣ **Микулину** передними ногами. <...> Мнѣша бо ю мертву сущю и възвѣстиша **попу Микули**, яко: «Попадьѣ твоя мертва есть» [ЧудВлад]

Схожим образом, без контекста зависимого, подчиненного или жертвенного положения, священники упоминаются в памятниках под полными именами:

- (24) *ростиславъ* <...> нача молвити *иванкови фроловичю. покладнику своему. и борисови захарьичю. взовита ми **сѣмьюна попа*** (КЛ по Ипат., л. 189об. за 1168 г.)

- (25) *и посла мѣстиславѣ кѣ игуменѣ поликарпови и кѣ данилови попови своему* (КЛ по Ипат., л. 192об. за 1170 г.)
- (26) *А на томъ послуи: Давыдѣ попѣ, Дорожка, Домославѣ Вѣкошкынѣ, Боянѣ, Кузма Лоиковичѣ, Жидило Жихновичѣ, Иванѣ Смолнянинѣ* (Рядная Тешаты и Якима (1266—1291))

На первый взгляд, из выявленной тенденции несколько выбивается гипокористическая форма *Лазко* в (17), где говорится о естественной, а не насильственной смерти героя. В подобных контекстах в древнерусских памятниках, как правило, используются полные имена в канонической или народной форме, с прозвищем или без него, ср. Примеры (2) и (27–28):

- (27) *мѣца октабра 14 престависѣ рабѣ бжи Гуса ѿ свѣто Власиѣ* [Надпись о смерти Исаия из церкви святого Власия (Первоначальные стены Софийского собора, Великий Новгород, 1050–1110)]
- (28) *перестависѣ рабѣ бжи Курило попѣ мѣца апри(л)[а въ] 14 днь · марта* [Надпись о смерти священника Курила (Стены церкви Благовещения на Городище, Великий Новгород, 1100–1150)]

Однако в (17) наряду с гипокористикой присутствует и форма *Лазорь*, непосредственно следующая за религиозной формулой *раб божий*. Можно полагать, что присутствие этих двух форм указывает на функциональное распределение соответствующих имен: полная форма последовательно использовалась в литературном регистре в нейтральных контекстах, тогда как гипокористика, по-видимому, была свойственна бытовому общению, о чем свидетельствует соответствующее указание в надписи. Схожим образом можно трактовать и контекст (12) о монахе *Иакове, рекомом Якуте*.

Таким образом, можно видеть, что гипокористические формы христианских имен священников, употребленные в литературном регистре, помимо непосредственного процесса адаптации конкретных иноязычных имен в раннедревнерусский период, могут дополнительно быть обусловлены прагматическим контекстом, связанным с зависимым или жертвенным положением конкретного лица. Развитие подобного социально-маркирующего значения гипокористических форм типологически распространено [Jurafsky 1996: 535–536; Фуфаева 2020: 150], однако в древнерусском языке после XIII в. оно фактически прекращается. Последнее может объясняться как побочным факультативным характером подобного значения у гипокористик, тогда как основной причиной их употребления была нейтрализация иноязычного именослова, — так и немногочисленностью подходящих контекстов, где именованный священник являлся должником или жертвой. Тем не менее, учитывая малое количество подобных примеров в целом, строго однозначного вывода о хронологии развития прагматически сниженных значений в русском языке до XV в. сделать нельзя.

3. Данные XV–XVII вв.

3.1. Христианские имена с гипокористическими суффиксами

По прошествии приблизительно полутора столетий, во время которых некалендарные дохристианские имена и гипокористические формы христианских имен в отношении священников фактически вышли из употребления, в XV в. в духовной среде постепенно появляются самоуничижительные эпистолярные формы христианского имени на *-ище*. Первое обнаруженное вхождение такого рода принадлежит игумену Кириллу Белозерскому (29), причем, помимо собственно имени, данный суффикс также фигурирует в нарицательной форме *чернечище* (30):

- (29) *Господину благовьѣрному князю Георгию Дмитреевичю — Кирилице, чернечище грѣшный, со своею братицею* (Три послания Кирилла Белозерского (1399–1422))
- (30) *Господину благовьѣрному и боголюбивому великому князю Василию Дмитреевичю — Кирило, чернечище многогрѣшный, съ всею братицею* (Три послания Кирилла Белозерского (1399–1422))

Впоследствии⁷ подобные образования используются исключительно при именовании духовных лиц — как монахов, так и белого духовенства [Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017: 154–155]. Пик их употребления приходится на XVI–XVII вв.:

- (31) *К сему снимку с сотные грамоты Никольскои попъ Иванищо Варзусские волости руку приложил* (Сотная из писцовых книг Василия Агалина и подьячего Степана Федорова на Варзужскую волость (1575.05.06))
- (32) *Государю старцу Гурию чернец Геннадища бога молю, челом бию* (Отпись старца Геннадия старцу Гурию о посевах жита и овса в монастырском с. Ангелове и об отсутствии там кольев и хвороста (1602–1603))
- (33) *Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, бьютъ челомъ и являютъ Шуйского уѣзду погосту Окима и Анны царьскіе твои государевы богомолцы, попъ Андрей да попъ Васильище* (Акты о разбоях, убийствах, грабежах, кражах и др. преступлениях, совершенных в Шуйском и Суздальском уездах. Челобитная священников на губного старосту в причинении им по его приказанию побоев и в грабеже (1640.07.25))

Подобные формы имен не являются полностью новыми, однако в более ранний период они крайне редки. Так, в памятниках до XIV в.

⁷ О единственном обнаруженном мирянине — носителе имени на *-ище*, киевлянине Кузьмище, см. далее.

обнаруживается лишь одно вхождение такой формы, относящееся к Кузьмищу Киевлянину — преданному слуге князя Андрея Боголюбского:

(34) *и почаша прошати Кузьмище кдѣ есть оубитъ г(с)нѣ. и рекоша лежить ти выволоченъ в огородъ. но не мози имати его. тако ти молвѣть вси хочемы и выверечи псомъ. вже ся кто прииметь. по нь тотъ нашъ есть. ворожьбитъ есть а и того оубьѣмъ и нача плакати над нимъ Кузьмище* (КЛ по Ипат., л. 208об. за 1175 г.)

До этого момента суффикс *-ищ-* у одушевленных существительных встречается в корпусе только у нарицательных дериватов *детище* и *отрочище*. Ю. С. Азарх указывает на вторичность экспрессивной функции для этого суффикса, развившуюся сильно позднее первичного пространственного значения [Азарх 1984: 84]. Можно предположить, что изначально неэкспрессивный суффикс, употребляющийся с лексемами, обозначающими младшего в близкой семейной и/или социальной иерархии, был переосмыслен как непосредственный носитель соответствующего значения и в силу этого был выбран для Кузьмы в (29), который очевидно был близким слугой князя Андрея, единственным, кто, судя по сообщению летописи, оплакивал его и непосредственно отнес его тело в церковь.

Следующее вхождение суффикса *-ищ-* с именем собственным, встретившееся в корпусе, принадлежит уже должнику конца XIV в., по прозвищу *Конь* (35). Данный факт косвенно согласуется с гипотезой о постепенном развитии уменьшительного значения у деривата *-ище*, которое далее с помощью метафорического переноса приобрело прагматически сниженную семантику, связанную с более низким социальным положением:

(35) *се азъ рабъ бѣ · афанась пишу рукописаниѣ при своѣмъ животъ · приказываю животъ свои · снѣ · своѣму · ондрѣю · взати ми ... оу конища полъ четверти кобыи ржи да 5 · ѡвса* (Берестяная грамота 1077 (1380–1400))

Тем не менее массового употребления до XVI–XVII вв. суффикс *-ищ-* не получает, оставаясь крайне редким экспрессивным средством. Его последующее широкое распространение в XVI–XVII вв. связывается с развитием эпистолярного этикета челобитных, предполагающего самоуничижительную форму адресанта перед адресатом — так называемое полуимя [Волков 2006: 40; Полонский 2012: 83]. В этот период в письменной деловой среде полуимена духовных лиц-адресантов (как священников, так и монахов) начинают маркироваться с помощью форманта *-ище*, который, по сути, становится отличительным признаком духовенства [Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017: 154–155]: светские лица в аналогичных контекстах используют другие формы, преимущественно

с суффиксом *-к-* (*Ивашка, Гришка, Федотка* и др.) [Полонский 2012: 96]. Здесь можно проследить связь с предыдущим периодом: поскольку ранее суффикс *-ище* употреблялся с лексемами, обозначающими младшего в семейной или социальной иерархии, можно полагать, что адресант челобитных, выступая просителем и добавляя этот суффикс к своему имени, тем самым обозначал более низкое место в социальной иерархии. Кроме того, дополнительным фактором в пользу выбора суффикса *-ище* в качестве маркера лиц духовного сословия, могла стать распространенность слов с омонимичным суффиксом со значением места в текстах церковного содержания (*сокровище, прибежище, покоище, пристанище* и др.). Данные исторического подкорпуса НКРЯ, при поиске слов на *-ище* и исключении четырех частотных вхождений, получивших распространение в различных жанрах, — *ловище* ‘место для ловли рыб’, *дворище, городище* и *стылище*, — также указывают на доминирование подобных вхождений в церковнославянских текстах (см. Таблицу 2). Подобное функциональное распределение могло дополнительно послужить причиной последующего выбора омонимичного социально-маркирующего суффикса *-ище* в качестве маркера полуимен у духовных лиц.

Таблица 2. Распространение единиц на *-ище* (за исключением *ловище, дворище, городище, стылище*) в различных древнерусских текстах до XV в., данные исторического подкорпуса НКРЯ

Table 2. Distribution of units ending in *-išče* (excluding *lovišče, dvorišče, gorodišče, sel*) in various Old Russian texts up to the 15th century, based on data from the historical subcorpus of the RNC

№	Язык текста	Тексты	Вхождения	IPM
1	Церковнославянский	35	356 (66,17%)	735,49
2	Гибридный	11	117 (21,75%)	362,68
3	Деловой	37	65 (12,08%)	865,81

Примечательно, что корпусные данные содержат вхождения имен духовных лиц на *-ище* не только в челобитных, но и в данных, меновных, духовных грамотах и порядных записях в устойчивых заключительных формулах вида *Х руку приложил* и, реже, *Х писал*, где священники выступают в качестве свидетелей и заверителей конкретной сделки (36–37). В этом контексте вхождения на *-ище* встречаются только у белого духовенства, ср. (40):

(36) *К сему снимку с сотные грамоты Никольскои поп Иванищо Варзуские волости руку приложил* (Сотная из писцовых книг Василия Агалина и подьячего Степана Федорова на Варзужскую волость (1575.05.06))

- (37) *Къ сей порядной записи **Троицкой попъ Евѡимище** Ануѡріевъ, вмѣсто волного челоуѣка Федора Яковлева, по его вельнью, руку приложилъ* (Порядная крестьянская запись, данная вольным человеком Федором Яковлевым в том, чтоб жить ему в крестьянах за Иверским монастырем, в селе Чавницах (1656.07.18))

Вместе с тем имена непосредственных участников сделок и авторов завещаний в теле соответствующей грамоты не имеют никаких гипокористических суффиксов, ср., с одной стороны, имена завещателя Феодосия, его душеприказчиков Ивана и Михаила и, с другой стороны, заверителя попа Богданища в (39); участников меновой сделки Григория и Офимьи и ее заверителя попа Трофимища в (40):

- (38) *Се аз, раб божий, **Феодосей** {л. 254} Тимофеев сын Бибилов, пишу сию духовную своим целым умом и разумом, и приказываю душу свою прикащиком **Ивану Семеновичу Толбузину** да дяде **своему Михаилу Тимофеевичу Бибилову** душа моя поминати и на ком мне что взяти и кому мне что дати. <...> А духовную писал николской **судниковской поп Богданище** Дмитреев лета 7120-го году (Духовная Феодосия Тимофеева с. Бибилова (1611–1612))*
- (39) *Се яз, **Григорей** Елизарьев сын Качалов, променил есми государева жалованья, а своего поместья **Офимье** Ратаевские жены Качалова деревню Сысоевскую да у тое ж деревни на заполке деревню Ереминскую... <...> К сей меновой записи николской **поп** Пашеозерского погоста **Петрищо** Федоров сын в Григорьево место Качалова руку приложил* (Меновая Григория Елизарьева сына Качалова Офимье, вдове Ратае Качалова, на поместные дд. Сысоевское и Ереминское за дд. Мартеевское (Калининское) и Телегинское в Никольском на Паше-озере погосте Обонежской пятины (1599.03.13))

Можно полагать, что данная особенность была обусловлена коммуникативной ситуацией: непосредственные участники сделки содержательно воспринимались как более важные лица в данном контексте, нежели ее заверители. Для последних как лиц более низкого коммуникативного статуса применялись гипокористические суффиксы (в случае священников таковым выступал *-ищ-*). В этом плане показательна договорная запись (40), где священник Иван Борисов выступает в двух разных ролях — как непосредственный участник сделки и как ее заверитель. В соответствии с этим он обозначен двумя формами имени — непосредственно полным как участник договора и формой на *-ище* как заверитель документа; при этом в отношении монаха, старца Иосифа, данное разграничение не проводится.

- (40) *И того ж 169 году декабря в 31 день Кирилова монастыря Вологодской службы **чернец Иосиф Василев с попом Иваном Борисовым** договорились на год давати денгами за ружную ряду за горох, за дрова за пять сажень, за капусту, за сено за восемь возов, да в шубу, да в сермягу и за сапоги по пяти рублей. <...> А позади договорные пишут: чернец Иосиф Василев руку приложил. **Поп Иванище** руку приложил (Договорная запись старца Вологодской службы Кириллова монастыря Иосифа Василева со священником Иваном Борисовым о размерах денежной руги (1660.12.31))*

Наряду с гипокористическими формами на *-ище*, в аналогичных формульных контекстах священники изредка фигурируют и под прозвищами⁸ (1, 41–42). Все подобные вхождения встретились исключительно в памятниках XVI в.:

- (41) *Лета 7097-го, Покровского девича монастыря государыне игуменее Венедихте да келарю и всему святому собору бият челом...ильинской **поп Пятой** да того ж села целовалник Никита Серков, да Троецково Сергеева монастыря вотчины села Микулсково николской поп Яков да Спаского Еуфимьева монастыря вотчины села Костянтинова царя-костянтиновской поп Харитон да села Ивановсково николской поп Василей... (Явочная челобитная (на имя иг. Покров. монастыря Венедикты) суздальских сельских попов и целовальников на подьячего Ивана Константинова сына Протопопова в казнокрадстве (1588.12.14))*
- (42) *К сей купчей отец душевный **поп Замятне Копытов** руку приложил (Купчая (продажная) Анны Алексеевой дочери Шахматова с детьми Семеном и Тимофеем Степановыми детьми Щетева Ахмету и Лишнему Ерофеевым детям Денисьева на д. Любаново в Логинове ст. Костромского у (1590.07.05))*

Таким образом, способ маркирования священников в качестве участников сделки, равно как и их самоуничижительная презентация в челобитных, в XVI–XVII вв. не сводился исключительно к формам на *-ище*: в XVI в. в аналогичной функции могли также выступать и прозвища. Однако какое-либо маркирование не было абсолютным правилом: в ряде случаев в контекстах заключительных заверительных формул, равно как

⁸ С постепенным непрерывным распространением христианских имен и утратой русско-христианской двуименности, свойственной домонгольской Руси (подробнее об этом процессе и пришедшей ему на смену христианской двуименности см. [Литвина, Успенский 2018а, Литвина, Успенский 2018б]), говорить о том, что данные формы могут представлять собой не прозвища, а непосредственно некалендарные имена, представляется неправомерным.

и в челобитных, священники могли упоминаться и под полными именами, ср. начальную адресную формулу в (42), где наряду с попом Пятым также фигурируют попы Яков и Харитон. По-видимому, выбор конкретной маркированной формы дополнительно определялся личной волей конкретного лица, а также морфологическими особенностями самого имени. Так, все обнаруженные формы на *-ище* образованы либо от односложных (*Петр*) и двусложных имен на согласный с ударением на последнем слоге (*Иван, Яким, Трофим, Богдан*)⁹, либо от трех- и четырехсложных имен на *-ий/-ей* (*Еремей, Василий, Григорий, Евфимий, Феодосий*), при этом наиболее распространена форма *Иванище*, см. Таблицу 3. Большинство же трехсложных имен на *-ий/-ей* встретились в гипокористической форме на *-ище* не более двух раз, и нередко в близких формульных контекстах они фигурируют как в канонической, так и в гипокористической форме (ср. форму *Василей* в имени священника в (41) и *Василище* в (33)).

Таблица 3. Статистика самых частотных имен на *-ище* в старорусском подкорпусе НКРЯ

Table 3. Distribution of the most frequent names ending in *-iŝče* in the Old Russian subcorpus of the RNC

Лемма	Вхождения	Доля	<i>ipm</i>
<i>иванище</i>	10	14,49%	1,08
<i>петрище</i>	4	5,8%	0,43
<i>федорище</i>	4	5,8%	0,43
<i>еремеище</i>	3	4,35%	0,32
<i>арсенище</i>	2	2,9%	0,22
<i>василище</i>	2	2,9%	0,22
<i>григорьище</i>	2	2,9%	0,22
<i>евфимище</i>	2	2,9%	0,22
<i>феодосьище</i>	2	2,9%	0,22
<i>якимище</i>	2	2,9%	0,22
<i>еремеище</i>	2	2,9%	0,22

В отличие от более ранних данных, где первые гипокористики от священнических имен встречались, главным образом, в литературных текстах, в XVI–XVII вв. в литературном регистре форм на *-ище* не встретилось. Можно констатировать, что развитие гипокористических форм от христианских имен священников в истории русского языка пережило

⁹ В форме *Федорище*, по всей видимости, имел место переход ударения на второй слог.

два витка — ранний (до XIV в.), связанный как с адаптацией иноязычного именослова, так и с развитием прагматически сниженного значения у гипокористических суффиксов в разных типах текстов, и поздний (XVI–XVII вв.), связанный уже исключительно с деловым регистром, развитием формульного этикета и с сужением инвентаря гипокористик до одного маркера (*-ище*). При этом в поздних данных прозвища использовались в функции, близкой гипокористике, и маркировали более низкий иерархический статус лица, по сравнению с непосредственными контрагентами сделок, тогда как в более ранних данных в подобных целях прозвища не использовались.

4. Заключение

Сопоставительный анализ неканонических имен белого духовенства выявил два хронологически удаленных периода возникновения христианских имен со славянскими гипокористическими суффиксами — XI–XIV вв. (пик в XII в.) и XVI–XVII вв. Первый период сопряжен с общим процессом адаптации иноязычных имен, в котором славянские гипокористические суффиксы выполняли нейтрализующую функцию. Это сближает белое духовенство со светскими лицами, но отличает от монахов, чьи имена с гипокористическими суффиксами не употреблялись вообще. Однако и со светскими лицами наблюдается ряд отличий: если у последних процесс адаптации иноязычных имен с помощью гипокористик равномерно шел вплоть до XIV в., то у белого духовенства он завершился уже в начале XIII в. Кроме того, в раннедревнерусский период гипокористические христианские имена священников (*Петрило*, *Иванко*, *Микулица*) указывали на их более низкий статус: все священники, именованные подобным образом в летописи, являлись должниками, жертвами или «изгоями» — что совершенно не было свойственно гипокористическим княжеским именам.

Второй период развития гипокористических форм у белого духовенства связан с деловым стилем и эпистолярным этикетом, требовавшими употребления уменьшительного «полуимени» в самоуничижительных формулах челобитных и в записях об имущественных сделках (*X писал* и *X руку приложил*). В отличие от редкого и нерегулярного употребления в домонгольский период, в деловых документах XVI–XVII вв. формы с суффиксом *-ище* (Иванище, Петрище) становятся регулярными. Они использовались не только авторами челобитных, но и священниками — свидетелями сделок, чей ситуативный статус также считался более низким по сравнению с контрагентами сделки. Для черного же духовенства такие формы не были свойственны. Таким образом, у белого духовенства

фиксируется широкий спектр прагматически сниженных употреблений гипокористик, а к XVI–XVII вв. в аналогичных контекстах начинают использоваться и прозвища.

Данное исследование уточняет развитие русской антропонимики в разных сословиях и иллюстрирует типологический процесс приобретения гипокористическими суффиксами социально-маркирующих и прагматически сниженных значений на древнерусском материале.

Источники

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908.

КирТур — Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. № 6. Проложное Житие Кирилла, епископа Туровского // Сборник Отделения русского языка и словесности. 1907. Т. 82. С. 62–64.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1926–1928.

Милят. — Милятино евангелие: рукопись РНБ, Ф.п.1.7. Лингвистическое издание. Указатели. Исследование / описание языка, подготовка текста, комментарии, словоуказатели Г. А. Молькова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. 728 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.05.2026).

НПЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.

НЧЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись / с предисловиями А. Г. Боброва и Б. М. Клосса. М.: Языки русской культуры, 2000.

Литература

Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984. 247 с.

Бобрик М. А. Лих ли поп Упырь? // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 265–272.

Буденная Е. В. Гипокористические формы христианских имен в древнерусском языке // Вопросы языкознания. 2021. № 3. С. 26–46.

- Волков С. С. Стилиевые средства деловой письменности XVII в.: на материале челобитных. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 340 с.
- Гиппиус А. А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника / Отв. ред. О. Е. Этингф. М.: Индрик, 2005. С. 99–114.
- Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 89–219.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
- Кюрушнова И. А. Календарные имена средневековой Карелии в когнитивном аспекте // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15). С. 108–127.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 904 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь. 2018а. Т. 13. С. 191–224.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русская христианская двуименность в филологической перспективе — из ономастического комментария к «Временнику» Ивана Тимофеева // Slavistica Revija. 2018б. Т. 66. № 3. С. 333–354.
- Михеев С. М. Минеи двух Домок: еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // Slověne. 2019. Т. 8. № 2. С. 7–56.
- Печников М. В. Лука Жидята // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. 2-е изд. М.: Ладомир, 2017. С. 587–592. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2110778.html> (дата обращения: 07.05.2026).
- Полонский Д. Г. Самоуничтожительная модификация имен «иноземцев» под пером русских приказных конца XVI–XVII вв. // Именослов. История языка. История культуры / Под ред. Ф. Б. Успенского. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 81–112.
- Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ // Селищев А. М. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / Сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 632 с.
- Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М.: Наука, 2000. 544 с.
- Тагунова В. И. Из истории суффикса -ище в личных собственных именах // Ученые записки Муромского государственного педагогического института. 1963. Вып. 6. С. 159–167.
- Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Под ред. Ф. Б. Успенского. М.: Языки русской культуры, 2005 (1903). 1032 с.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена русских князей. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2017. 344 с.
- Фуфаева И. В. Метафора малого. Русские диминутивы. М.: РГГУ, 2020. 270 с.
- Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М.: Учпедгиз, 1959. 128 с.

- Шеберг А. Эпир — рунорезец Уппланда и придворный проповедник Новгорода // Чело. 1996. № 2. С. 7–11.
- Jurafsky D. Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive // Language. 1996. Vol. 72, no. 3. P. 533–578.

References

- Azarkh Yu. S. *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nykh v istorii russkogo yazyka* [Word formation and inflection of nouns in the history of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 247 p.
- Bobrik M. A. [Likh li pop Upr'?). *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, no. 1 (27), pp. 265–272. (In Russ.)
- Budennaya E. V. [Hypocoristic forms of Christian names in Old Russian]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2021, no. 3, pp. 26–46. (In Russ.)
- Chichagov V. K. *Iz istorii russkikh imen, otchestv i familii (voprosy russkoi istoricheskoi onomastiki XV–XVII vv.)* [From the history of Russian names, patronymics and surnames (Questions of Russian historical onomastics of the 15th – 17th centuries)]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. 128 p.
- Fufaeva I. V. *Metafora malogo. Russkie diminutivy* [The Metaphor of the Small Russian Diminutives]. Moscow, RSUH Publ., 2020. 270 p.
- Gippius A. A. [To the biography of Olisei Grechin]. *Tserkov' Spasa na Nereditse: ot Vizantii k Rusi. K 800-letiyu pamyatnika* [Church of the Savior on Nereditsa: from Byzantium to Rus'. To the 800th anniversary of the monument]. Resp. ed. O. E. Etingof. Moscow, Indrik Publ., 2005, pp. 99–114. (In Russ.)
- Jurafsky D. Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive. *Language*, 1996, vol. 72, no. 3, pp. 533–578. (In Eng.)
- Kyurshunova I. A. [Calendar names of Medieval Karelia in the cognitive aspect]. *Voprosy onomastiki*, 2013, no. 2 (15), pp. 108–127. (In Russ.)
- Litvina A. F., Uspenskii F. B. *Vybor imeni u russkikh kniazei: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [The choice of name among Russian princes: Dynastic history through the prism of anthroponymics]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 904 p.
- Litvina A. F., Uspenskii F. B. [Choosing a name for Russian Princes: Dynastic history through the prism of anthroponymy]. *Srednevekovaya Rus'*, 2018a, vol. 13, pp. 191–224. (In Russ.)
- Litvina A. F., Uspenskii F. B. [The monastic name and the phenomenon of secular Christian dual names in Pre-Petrine Russia]. *Slavisticna Revija*, 2018b, vol. 66, no. 3, pp. 333–354. (In Russ.)
- Mikheev S. M. [The Menaia of the two Domoks: Once again on the scribes of the Menaia from the Novgorod Lazarev monastery]. *Slověne*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 7–56. (In Russ.)
- Pechnikov M. V. [Luka Zhidyata]. *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediya* [Ancient Rus' in the Medieval world: Encyclopedia]. Ed. by E. A. Melnikova, V. Ya. Petrukhin.

- 2nd ed. Moscow, Ladomir Publ., 2017, pp. 587–592. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/2110778.html> (accessed 07.05.2026) (In Russ.)
- Polonskii D. G. [Self-deprecating modification of the names of “foreigners” by Russian officials in the late 16th and 17th centuries]. *Imenoslov. Istoriya yazyka. Istoriya kul'tury* [Nomenclator. History of language. History of culture]. Ed. by F. B. Uspenskii. Moscow, Dmitrii Pozharskii Univ. Publ., 2012, pp. 81–112. (In Russ.)
- Selishchev A. M. [Origin of Russian surnames, names, and nicknames]. Selishchev A. M. *Trudy po russkomu yazyku. Vol. 1. Yazyk i obshchestvo* [Works on the Russian language. Vol. 1. Language and society]. Comp. by B. A. Uspenskii, O. V. Nikitin. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2003. 632 p.
- Sjöberg A. [Epir is a rune-carver from Uppland and a court preacher in Novgorod]. *Chelo*, 1996, no. 2, pp. 7–11. (In Russ.)
- Stoliarova L. V. *Svod zapisei pistsov, khudozhnikov i perepetchikov drevnerusskikh pergamen-nykh kodeksov XI–XIV vekov* [Compendium of scribes', artists' and bookbinders' notes in Old Russian parchment codices of the 11th–14th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 544 p. (In Russ.)
- Tagunova V. I. [From the history of the suffix -ishche in personal names]. *Uchenye zapiski Muromskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 1963, iss. 6, pp. 159–167. (In Russ.)
- Tupikov N. M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old Russian personal proper names]. Ed. by F. B. Uspenskii. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 2005 (1903). 1032 p. (In Russ.)
- Uspenskii B. A., Uspenskii F. B. *Inocheskie imena russkikh kniazei* [Monastic names of Russian Princes]. Moscow, Institut Slavianovedeniia RAN Publ.; St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017. 344 p. (In Russ.)
- Volkov S. S. *Stilevye sredstva delovoi pis'mennosti XVII v.: na materiale chelobitnykh* [Stylistic means of 17th-century business writing: Based on the material of petitions]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2006. 340 p. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [The Old Novgorod dialect]. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2004. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. [Novgorod birch bark letters from a linguistic perspective]. Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1977–1983)]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 89–219. (In Russ.)

История слов *субтильный*, *деликатный*, *политичный*, *дипломатичный*, *тактичный* как выражение концептов «ТОНКОСТЬ» И «ВЕЖЛИВОСТЬ»

Сергей Васильевич Власов¹, Дмитрий Григорьевич Демидов²,
Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)^{1,2}, s.vlasov@spbu.ru¹,
demidoffs@rambler.ru²

DOI: 10.7868/S3034592826040065

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена проблеме обогащения концептов «тонкость» и «вежливость» на материале истории усвоения русским языком прилагательных, заимствованных из западноевропейских языков. Помимо семантического развития прилагательных *тонкий* и *вежливый*, эти концепты с XVIII в. насыщались заимствованными синонимами. *Субтильный* заимствовано из польского в середине XVI в., в XVIII — начале XIX вв. по латинскому образцу утверждается вариант *субтильный*. В начале XVIII в. из польского заимствуется также прилагательное *деликатный*, вытеснившее в XIX в. в этической сфере прилагательные *субтильный* и *политичный* — еще один полонизм, известный с конца XVII в. Связь последнего с *вежливый* ослабевает. *Дипломатичный* заимствовано из французского в конце XIX в. сразу в качественном значении. В 1870-е годы на русской почве возникает прилагательное *такт-ичн-ый* с суффиксом *-ичн-*, образованное непосредственно от существительного *такт*. Этимологической связи с *тактический* нет. По французскому образцу прилагательное *тонкий* расширяет сочетаемость со второй половины XVIII до начала XX в. в следующем порядке: *вкус*, *обоняние*, *умъ*, *рассуждение*, *улыбка*, *чутье*, *намеки*, *ценитель*, *запах*, *работа*, *вопрос*,

механизм, обхождение. Приводится статистическая и хронологическая таблица сочетаемости всех перечисленных прилагательных друг с другом в одном ряду однородных определений. Наиболее частотные: *тонкий и деликатный, тонкий и вежливый, вежливый и деликатный, вежливый и тактичный, тактичный и деликатный, тонкий и тактичный.* Новейшими заимствованиями являются прилагательные *галантный, корректный, куртуазный и политкорректный.* Концепт «тонкость» показывает совершенствование всех пяти чувств, оба концепта усиливают семантический признак тонкости ума — «шестого» чувства, умение различать и воспринимать нюансы, подробности, детали («мелочи») объектов и их различных свойств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: иноязычное заимствование, польский язык, французский язык, сочетаемость, переразложение, паронимия, семантическая калька
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Власов С. В., Демидов Д. Г. История слов *субтильный, деликатный, политичный, дипломатичный, тактичный* как выражение концептов «тонкость» и «вежливость» // Русская речь. 2026. № 4. С. 79–92. DOI: 10.7868/S3034592826040065.

From the History of the Russian Language

The History of the Words *Subtil'nyj, Delikatnyj, Politichnyj,* *Diplomaticchnyj, Taktichnyj* as Expressions of the Concepts of “Subtlety” and “Politeness”

Sergei V. Vlasov¹, Dmitrii G. Demidov², Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)^{1,2}, s.vlasov@spbu.ru¹, demidoffs@rambler.ru²

ABSTRACT: The article is devoted to the concepts of “subtlety” and “politeness” based on the history of the assimilation of adjectives borrowed from Western European languages by the Russian language. In addition to the semantic

development of the adjectives *tonkij* and *vezhlivyj*, these concepts have been saturated with borrowed synonyms since the 18th century. *Subtel'nyj* was borrowed from Polish in the mid-16th century, and in the 18th — early 19th centuries, the variant *subtil'nyj* was established according to the Latin model. At the beginning of the 18th century, the adjective *delikatnyj* was also borrowed from Polish, which in the 19th century replaced the adjectives *subtil'nyj* and *politichnyj* in the ethical sphere — another Polonism known since the end of the 17th century. The connection of the latter with *vezhlivyj* weakens. *Diplomatchnyj* was borrowed from French at the end of the 19th century immediately in a qualitative sense.

In the 1870s, the adjective *takt-ichn-yj* with the suffix *-ichn-*, formed directly from the noun *takt*, emerged in the Russian language. There is no etymological connection with *takticheskij*. Following the French model, the adjective *tonkij* expands its compatibility from the second half of the 18th to the beginning of the 20th century in the following order: *vkus, obonjanie, um, rassuzhdenie, ulybka, chut'e, namek, cenitel', zapah, rabota, vopros, mehanizm, obhozhenie*. A statistical and chronological table of compatibility of all the listed adjectives with each other in one row of homogeneous epithets is given. The most frequent combinations are: *tonkij i delikatnyj, tonkij i vezhlivyj, vezhlivyj i delikatnyj, vezhlivyj i taktichnyj, taktichnyj i delikatnyj, tonkij i taktichnyj*. The newest borrowings are *galantnyj, korrektnyj, kurtuaznyj* and *politkorrektnyj*. The concept of “subtlety” shows the improvement of all five senses, both concepts enhance the semantic feature of subtlety of mind — the “sixth” sense, the ability to distinguish and perceive nuances and details (“trifles”) of objects and their various properties.

KEYWORDS: foreign language borrowing, Polish language, French language, collocation, re-decomposition, paronymy, semantic calque

FOR CITATION: Vlasov S. V., Demidov D. G. The History of the Words *Subtil'nyj, Delikatnyj, Politichnyj, Diplomatchnyj, Taktichnyj* as Expressions of the Concepts of “Subtlety” and “Politeness”. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2026. No. 4. Pp. 79–92. DOI: 10.7868/S3034592826040065.

Словарный состав языка подвижен. Он изменяется не хаотично, а в пределах развивающихся вместе со словами концептов. Заимствование, словообразование, калькирование, а также семантические сдвиги и синонимические связи определяются концептами, в нашем случае —

ТОНКОСТЬ и ВЕЖЛИВОСТЬ. Концепт понимается по В. В. Колесову как основная единица ментальности, имеющая образную, символическую и понятийную содержательные формы [Колесов, Колесова, Харитонов 2014б: 534–542]¹. Имена прилагательные обогащают образную содержательную форму. Концепты, будучи внутренне присущими языку, обуславливают семантическое развитие слов в том смысле, что придают этим процессам определенные цели обогащения внутреннего содержания концепта.

Задача статьи заключается в том, чтобы проследить историю прилагательных, заимствованных из западноевропейских языков и вошедших в обиход большей частью в XVIII–XIX вв. (а иногда и раньше), а также историю насыщения калькированными значениями исконных прилагательных в процессе обогащения семантического содержания названных концептов. Используются методы этимологического, словообразовательного, историко-лексикологического и дискурсивного анализа, а также приемы корпусной лингвистики.

Концепт ТОНКОСТЬ характеризуется как «проницательное **умение** ухватить *тонкие* оттенки, **подробности** и детали **событий**, фактов и **дел**, связанное с **изяществом** в обращении с ними и **изысканностью** в изложении полученных результатов (*до тонкости*). **Свойство** и **качество** *тонкого ума, вкуса* или *работы*» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014б: 388]. Жирным выделены имена других концептов, которые пересекаются с концептом ТОНКОСТЬ (то же сделано в дефиниции концепта ВЕЖЛИВОСТЬ).

История социума неразрывно связана с развитием чувств и мыслей людей. В когнитивном плане отметим принципиальную для концепта ТОНКОСТЬ изначальную синестезию ума и пяти чувств, направленных на «тонкие» объекты (предметы, факты или ситуации). Развивается и «шестое чувство» — *тонкость ума*, умение различать и воспринимать нюансы, подробности, детали («мелочи») объектов и их различных свойств.

В течение XVIII–XIX вв. в прилагательном *тонкий* происходило интенсивное семантическое калькирование, хотя предпосылки для этого имелись давно благодаря переводам с греч. прилагательного λεπτός². Ср.: «Аналогии и двери церковныя имут *тонкое художество* и дивное» [Комнин 1883: 34]. Несомненно, развитие концепта ТОНКОСТЬ, реализующееся также в новых качественных прилагательных, происходило в условиях новых светских функций русского литературного языка эпохи

¹ О конструктивных, ментальных и содержательных концептах см. в кн. [Колесов 2021].

² См. ст. «Тонкий» в [Кривко (гл. ред.) 2015: 28–31].

Просвещения, хотя имя концепта *тонкость* вошло в активный обиход уже в XVI в.

Если производящее находится в иностранном языке, то русское производное либо соответствует иностранному производному прилагательному, либо создает совсем новое слово на русской почве, к каковым относятся *тактичный* и его антоним *бестактный*. Так проявляется развитие концепта, для которого уже недостаточно исконных ресурсов языка, чтобы насытить его необходимыми смыслами.

Самым продуктивным суффиксом прилагательного является *-ьн-*. Он представляет собой результат переразложения: *свободь* > *свободь-н-ъ* > *свобод-ьн-ъ* > *свобод-ьн-ый*. Этот суффикс «разрастался» далее путем вторичных переразложений, откуда такие более новые форманты, как *-тельн-*, *-ьственн-*, *-ованьн-*, *-шьн'-*, *-(е)нный* и, наконец, *-ичн-*.

Развитие концепта ТОНКОСТЬ повлекло за собой отпочкование концепта ВЕЖЛИВОСТЬ³, в котором объединяется энергия всех пяти чувств и обостряется «шестое» чувство в отношении *этики*. Происходит это благодаря переходу семантики прилагательного *деликатный* из сферы эстетики в сферу этики. В русской ментальности этот концепт раскрывается как «внешнее учтивое **отношение** к окружающим, принимающее форму **изысканности** и намеренной утонченности. Проявление **приличия в поведении** и воспитанности в **речах**, умение себя вести согласно принятой норме, противопоставленные русской **простоте** и **сердечности** в обращении» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014а: 81]. Первое употребление имени концепта *вежливость*, по НКРЯ, отмечено в 1742 г. у В. Н. Татищева, прил. *въжливый* встречается уже с XVI в. («Домострой»).

Прилагательное *субтильный* (первоначально *субтельный*) заимствовано из польского *subtelny*, в котором восходит к лат. *subtilis*, в двух значениях:

- 1) с сер. XVI в. 'тонкий, изысканный': *субтельный разумъ* (у Курбского, в противопоставлении *грубому* и *упрямому*) [Крысько (гл. ред.) 2008: 237], *работа во всем зело субтелная и изрядная* (у П. А. Толстого, о колокольне, 1699 г.);
- 2) 'мелкий, небольшой': *про снасти напиши, чтобъ были суптелни* (у Петра I, 1695 г.)⁴.

³ Следует различать концепт ВЕЖЛИВОСТЬ, включающий средства языка (см. [Зацепина 2007]), и прагматическую категорию, изучаемую с точки зрения теории речевых актов (см. работы А. Вежбицкой, Б. Каспера, Т. В. Лариной, Р. Ратмайр, Б. Фразера, Чжао Цзэхун и др.). В статье прагматический аспект не рассматривается.

⁴ Приводятся примеры из НКРЯ. Этого ресурса вполне достаточно, чтобы проследить основные особенности семантических изменений. В случае лакун в НКРЯ мы также даем наиболее ранние примеры употребления изучаемых заимствований из специальной и художественной литературы.

Прил. *субтильный* в своем Словаре новых западноевропейских заимствований Петровской эпохи приводит Н. А. Смирнов [Смирнов 1910: 284].

Прил. и нареч. *субтельный*, -о в интеллектуальном значении признака «тонкого ума» употребляет в 1711 г. дипломат князь Б. И. Куракин: «Сие надобно *субтельно* рассуждать, что отъ сей шквандры весьма можетъ съ шведомъ неприятельство быть» [Куракин 1894: 98]. У него же оно встречается и в значении 'тонкий, затруднительный': «Сие *субтельное дѣло* ежели откроется какимъ образомъ» [Куракин 1894: 23].

Современная форма *субтильный*, как бы «исправленная» по исходному латинскому образцу, появляется в письме Я. Брюса Петру I от 2 ноября 1716 г. по поводу перевода книги Э. Брауна об артиллерии, в которой научные рассуждения называются *субтильнейшими частями ума человеческого* [Пекарский 1862: 300]. У А. Кантемира в одном из его переводов 1726 г.: «Искуснейшее упражнение есть здесь [...] неких мошенников, *filous*, филу называемых, мастерство их *субтильнее*, нежели *Геберра*⁵, ибо той показал образ, как переделывать олово в золото, сии же из ничего делают золото» [Кантемир 1867: 373].

Форма *субтильный* попадает также в словари: «**Rein** [...] (arz) *tenuis*, *subtilis*, нѣжныи, тонкїи (субтильныи)» [Вейсман 1731: 500–501].

Несколько позже и вплоть до наших дней утверждается физическое значение 'тончайший, мельчайший': «[...] огонь или *субтельная матерія* сквозь пары или сквозь невидимыя скважины дна котла проходятъ» [Шлаттер 1760: 168]; у него же: *субтельные блесочки* [Шлаттер 1760: 191], *субтельно распынное самородное серебро въ шпаты* [Шлаттер 1760: 191], *субтельные шлихи* [Шлаттер 1760: 212].

В XVIII в. прил. *субтильный* могло также характеризовать и тонкий запах: «Такой *субтильной* сим гадинам <хлебным червьякам> противной запахъ есть тому причиную» [Труды Вольного экономического общества 1766: 176].

Н. М. Яновский добавляет переносное значение 'хитрый, лукавый, искусный', ср. фр. *subtil*: «**Субтильный** или *Субтельный*, *Лат.* Тонкій, нѣжный, мѣлкїй, жидкїй: такъ же хитрый, лукавый, искусный» [Яновский 1806: стб. 767]. Ср. у С. С. Волчкова, словарь которого использовал Н. М. Яновский: «*Subtil*. Scharfsinnig, lustig. *Subtilis*, *callidus*, *versipellis*. Остроумень, хитръ. *Subtil*, *menu*, *mince*. *Dünn*, *klein*. *Exilis*, *tenuis*. Тонокъ, малъ, узокъ» [Волчков 1764: 1007]. Те же значения отмечены Н. М. Яновским и у сущ. *субтильность*. У С. С. Волчкова такого заимствования еще не было. Вовсе нет слов с основой *субтильн-* в «Российском Целлариусе» (1771).

⁵ Имеется в виду арабо-персидский алхимик Гебер (Джабир ибн Хайян) или средневековый алхимик Псевдо-Гебер.

Будучи связанным с семантикой фр. прилагательного, с конца XIX в. *субтильность* начинает оцениваться в русском обществе как отрицательный признак:

Сгинет с лица земли накрахмаленный немец; до срока исчезнет *субтильный француз*; прахом пропадет поганая туретчина; но ты, святая Русь, превечна пребудешь!.. [А. И. Эртель. Записки Степняка (1883)]

Разговорное значение хрупкого телосложения прил. *субтильный* начинает преобладать, а значение 'деликатный, обходительный, мягкий' устаревает [Чернышев (гл. ред.) 1963: 1137]. В сущ. *субтильность* «только мн. Поступки, слова и т. п., выражающие деликатность, обходительность, мягкость. *Горами вертеть он не прочь, а до субтильностей, до деликатного обхождения он не охотник*. Вяз. Стар. зап. книжка, 30» [Чернышев (гл. ред.) 1963: 1137].

В [Чернышев (гл. ред.) 1963] не учитывается встречающееся еще в XX в. сущ. *субтильности* во мн. ч. в значении '(излишние) тонкости': «Книгу Hjelmslev'a о падежах не могу решиться начать читать: вероятно, никчемные *субтильности*» [Н. С. Трубецкой. Письма Р. О. Якобсону (1920–1938)].

Как мы покажем далее, перенос значения прилагательного *субтильный* в XIX в. и его производного *pluralia tantum субтильности* в сферу этики характерен и для прилагательного *деликатный*, вытеснившего в этом значении к XX в. своих более ранних конкурентов *субтильный* и *политичный*.

Прил. *деликатный*, заимствованное из польского *delikatny*, отмечено в письме кн. Б. И. Куракина графу Г. И. Головкину от 20 февраля 1711 г. в значении 'сложный, тонкий, затруднительный, щекотливый', восходящем к одному из значений фр. прилагательного *délicat*: «Сие дѣло, вельми *деликатное*, требует времени и добрых конъюктур. АК II 351» [Сорокин (гл. ред.) 1991: 85]. Ср. выше *субтельное дѣло* у того же Б. И. Куракина.

Значение 'тонкий, затруднительный, щекотливый' (о деле, обстоятельствах, ситуации), которое у слова *деликатный* сохраняется до сих пор, появляется в сочинениях XVIII в.:

Казус в самом деле *деликатный*... [Д. И. Фонвизин. Письма П. И. Панину (1763–1774)]

В значении хрупкого телосложения (конституции, тела) прил. *деликатный*, в свою очередь, было вытеснено своим синонимом *субтильный*: «Тѣхъ же кои *деликатнаго* тѣла и честные суть люди, легчѣе (пытать). ПСЗ, V т. № 3006» [Смирнов 1910: 101]. «Суть толико дам знатных и *деликатной* конституции здѣсь, которыя на петербургский воздух не жалуются. МАХ I 69» [Сорокин (гл. ред.) 1991: 85].

По данным НКРЯ, прил. *деликатный* встречается неоднократно в переводах С. С. Волчкова 1740-х гг. в разных значениях, в том числе и как синоним прил. *субтильный* (в сочетании с сущ. *вещь, материя и дѣло*). Среди этих значений встречается и утраченное в современном языке значение ‘тонкий, изысканный, вкусный’ применительно к еде и напиткам, сохранившееся только в другом заимствовании с той же основой (в слове *деликатесы*).

Все эти значения зафиксированы самим С. С. Волчковым при переводе фр. слова *délicat* и его производных, что также способствовало закреплению слова *деликатный*, см. [Волчков 1755: 674–675]. Этот лексико-графический материал тем более важен, что Н. Г. Курганов и М. Д. Чулков отмечают только наречие *деликатно*: «Деликатно, нѣжно, пріятно» [Курганов 1769: 391]; «Деликатно. Нѣжно, высокомѣрно» [Чулков 1769: без пагинации].

В начале XIX в. под влиянием фр. языка наблюдается перенос значения прил. *деликатный* из сферы эстетики и изящного вкуса в сферу этики:

Жить только во внѣшности души своей, удобрять одну поверхность разума, удачно изъясняться, имѣть приятный оборот воображения, свободное и *деликатное обхождение*, умѣть нравиться, не дѣлая себя почтенным [Жерар 1801: 153]⁶.

...ввести его (сына. — С. В., Д. Д.) покамест в круг благородных людей, чтоб приучить, как он (отец. — С. В., Д. Д.) изъяснялся, к *деликатному обхождению* и употребительным поступкам [С. П. Жихарев. Записки современника (1806–1809)].

К середине XX в., согласно [Чернышев (гл. ред.) 1954: 671], ведущим становится именно значение тонкости и мягкости в обращении. В [Горбачевич (гл. ред.) 2006: 639] *деликатный* в первом значении определяется через синонимы *обходительный, предупредительный в обращении; тактичный*.

Уже во второй половине XIX в. у прил. *деликатный* появляется новый конкурент — *тактичный* (см. ниже).

Прил. *политичный* заимствовано из польского в конце XVII — начале XVIII вв. (*polityczny*), его пароним *политический* известен также с Петровского времени. Оба русских слова восходят через западноевропейские языки и лат. *politicus* к греч. прил. *πολιτικός*, которое Ф. П. Поликарпов использует для перевода на греческий русского слова *въжливый* [Поликарпов 1704: 154 электронной копии].

⁶ Ср. фр. оригинал, в котором еще сохраняется связь этики и эстетики в значении *une conversation légère et délicate*: «n’habiter que les dehors de son ame, et ne cultiver que la superficie de son esprit; s’exprimer heureusement, avoir un tour d’imagination agréable, une conversation légère [sic!] et délicate, et savoir plaire sans se faire estimer <...>» [Gérard 1775: 102–103].

Слово *политичный* появляется сначала в языке русских дипломатов (П. А. Толстого, Б. И. Куракина):

И народ женской в Венецы зело благообразен, и строен, и *политичен*, высок, тонок и во всем изряден, а к ручному делу не очень охоч, болши заживают в прохладах [Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 (1699)].

Вместе с тем развивалось значение ‘цивилизованный, просвещенный, образованный’ [Смирнов 1910: 231].

Правда, и ныне еще в самых *политичных* народах знатные деяния прославившихся монархов и полководцев описывают стихами... [В. К. Тредиаковский. Письмо к приятелю о нынешней пользе гражданству от поэзии (1735)]

В этом же значении в XVIII в. употреблялось и прил. *вежливый*:

«Люди очень мало знающіе экономическое правленіе Государства, дабы учинить его ... просвѣщенѣйшим, *въжливѣйшим* и больше населенным» [Muratori 1780: 49]. Ср. во фр. источнике русского перевода: «Des hommes trop peu instruits du gouvernement économique d'un Etat pour le rendre [...] plus policé, plus *civilisé*, plus peuplé» [Muratori 1772: 300].

В языке собаководов и охотников XVIII–XIX вв. было известно сочетание *вежливая собака*, но современный язык знач. ‘сведущий’ прилагательного *вежливый* утрачивает, ослабевает и семантическая связь с вышедшим из употребления прил. *политичный* во втором и особенно в первом значениях.

Первая словарная фиксация: «Politisch, politicus, гражданскіи, политическiи, *политичнии*, обученнии, лицемѣрнии» [Вейсманн 1731: л. 474]. Это прил. отсутствует в небольших словарях иностранных слов Н. Г. Курганова 1769 г. и М. Д. Чулкова 1769 г. Последний приводит только слово *политика* в значении «Свѣтское обхожденіе, учтивость» [Чулков 1769: без пагинации]. Слова *политичный* нет и у Н. М. Яновского (есть только слово *политический*) [Яновский 1806: стб. 383], но в значении ‘вежливый, учтивый, обходительный’ оно отмечено в «Российском Целлариусе» (1771) — hoefflich [Гельтергоф 1771: 627], а в Словаре Нордстета (1782) дается 4 немецких и 2 французских эквивалента: hoefflich, artig, gesittet, civilisieret, poli, civilisé [Нордстет 1782: 590]. В 1-м издании «Словаря Академии Российской» (ч. 4, 1793 г.) нет прилагательного, но отмечено только наречие *политично* [Словарь Академии Российской 1793: 966], зато во 2-м издании этого словаря (ч. IV, 1822 г.) есть и прил., и нар., причем с пометой «*простонар.*» [Словарь Академии Российской 1822: стб. 1431].

По данным [Чернышев (гл. ред.) 1960: 1003], в XIX в. прил. *политичный* в значении ‘обходительный, тактичный’ также относится к разговорному и просторечному употреблению.

Для синонимического толкования слова *политичный* в этом Словаре используется прил. *дипломатичный*. Но его первые употребления, причем сразу в качественном значении, появляются только в конце XIX в.:

Чем далее мы подвигались вглубь Дагестана, тем джамааты являлись многолюднее, речистее, представительнее и *дипломатичнее* [Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану (1870)].

Я всегда ведь говорил, что женщины *дипломатичнее* нашего брата [В. П. Авенариус. Школа жизни великого юмориста (1899)].

Как показывает НКРЯ, *дипломатичным* бывает человек, разговор, выступление, заявление, комментарий, решение, отказ, ответ, уход от ответа, отступление (перен.), компромисс, посредничество, вмешательство, понятие, слово, молчание, выражение, формулировка, намек, наконец, в последние годы нередко особо отделяют *дипломатичную форму, манеру, способ*.

Можно предположить, что новое слово *дипломатичный* вместе с калькированными значениями прилагательного *тонкий* вытесняет старое определение *политичный*, создавая новую конфигурацию концепта ВЕЖЛИВОСТЬ эпохи модерна.

Прил. *тактичный*, активно участвующее в развитии обоих названных концептов, не вступает в паронимические отношения с термином *тактический* в составе концепта ВОЙНА. *Тактичный* восходит к лат. *tāctus* ‘прикосновение, осязание’, ср. *тактильный*, а *тактический* — к греч. слову *такτικός*, -η (*τέχνη*), сюда же *τάξις* ‘строй’, ср. *синтаксис*.

Уникальность качественного прил. *тактичный* в том, что оно образовалось на русской почве в 1870-е годы (ср. фр. *de tact*) после переразложения по типу *дипломатич-н-ый* > *дипломат-ичн-ый* в словах *гармоничный, политичный, дипломатичный* и под.: *такт* > *тактичный*.

Вторичная соотнесенность непосредственно с наименованием лица *дипломат* прослеживается для прил. *дипломатичный* особенно в поздних контекстах с 1990-х гг.

Обогатившись греческой символической семантикой (см. выше), прил. *тонкий* легко насыщается и новыми французскими значениями. Судя по НКРЯ, со словом *вкус* оно начинает сочетаться с конца 1760-х гг., со сл. *обоняние, умъ, рассуждение* — с конца XVIII в., со сл. *улыбка* — с начала 1810-х гг., со сл. *чутье* — с середины 1820-х гг., со сл. *намек* — с конца 1820-х гг., со сл. *ценитель* — с начала 1830-х гг., со сл. *запах, работа* — с конца 1830-х гг., со сл. *вопрос* — с середины XIX в., со сл. *механизм* —

с 1880 г., со сл. *обхождение* — с самого начала XX в., «собирая» все новые и новые семантические кальки с французского, совершенно естественным образом впитываемые сначала дворянской, а затем и широкой народной средой, вытесняя прямые заимствования вроде *деликатное (обхождение)*. Таким образом языковые средства выражения новых признаков понятий русифицируются.

Сочетаемость рассмотренных прилагательных друг с другом в одном ряду однородных определений по панхроническому корпусу НКРЯ на расстоянии от 1 до 5 слов (в обеих последовательностях, напр. *тактичный и вежливый, вежливый и тактичный*) дает следующие результаты: *тонкий и деликатный* (74 вхождения), с большим отрывом, *тонкий и вежливый* (14 вх.), *вежливый и деликатный* (12 вх.), *тактичный и вежливый* (11 вх.), *тактичный и деликатный* (10 вх.), *деликатный и субтильный* (2 вх.), *деликатный и политичный, деликатный и дипломатичный, политичный и тактичный, дипломатичный и тактичный* (по 1 вх.). Оба рассмотренных концепта скрепляют прил. *политичный, дипломатичный и деликатный*.

Проведенное нами исследование показывает, что семантика русских слов *тонкий и вежливый* развивается под влиянием как прямых иноязычных заимствований, так и процессов семантического калькирования. При этом следует учитывать сложное перекрестное семантическое влияние, как внутри-, так и межъязыковое. История заимствований, развивающих концепты ТОНКОСТЬ и ВЕЖЛИВОСТЬ, продолжается: с 1856 г. известно прил. *галантный*, с 1886 г. — *корректный*, с 1917 г. — *куртуазный*, а с 1996 г. — *политкорректный, политкорректность* (из англ. *politically correct, political correctness*, ср. *политпросвещение, политинформация*). По иронии историко-лингвистической судьбы последнее прилагательное вновь сближается с прежними заимствованными прилагательными — *политичный и корректный*. Все возвращается на круги своя. Таким образом, наши наблюдения вносят свою лепту в еще недостаточно исследованную область исторической концептологии русского языка, обязательной основой которой является традиционная историческая лексикология.

Источники

Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русаго языка к общей пользе при Имп. Академии наук печатию издан / [Перевели на русский язык И. И. Ильинский, И. П. Сатаров и И. С. Горлицкий]. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1731. 788 с.

Волчков С. С. Новой лексиконъ на французскомъ, нѣмецкомъ, латинском и российском языках. Часть первая съ литеры А по литеру Г. СПб.: При Императорской Академии наук, 1755. 1062 с.

Волчков С. С. Нового вояжирова лексикона на французскомъ, нѣмецкомъ, латинском и российском языках. Часть вторая съ литеры Г, до конца Алфавита. СПб.: При Императорской Академии наук, 1764. 1282 с.

Гельтергоф Ф. Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон. Изданный м[агистром] Франциском Гелтергофом. М.: Печатан при Императорском Московском университете, 1771. 656 с.

Жерар Ф. Л. Граф Вальмонт, или Заблуждения разсудка / Письма, собранныя и выданныя в свет господином Ж. Перевод с новейшаго издания исправленнаго и дополненнаго Д. И. Дмитриевского; С гравированными картинами. Ч. 3. Отд-ние 1. М., 1801. 272, [2] с.

Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. 1. СПб.: И. И. Глазунов, 1867. 462 с.

Комнин И. Описание горы Афона. [Перев. Дамаскина, не позднее 1706 г.] // Афонская гора и Соловецкий монастырь. Труды чудовского иеродиакона Дамаскина. (1701–1706). Сообщил архим. Леонид. СПб.: ОЛДП [Общество любителей древней письменности], 1883. С. 2–63.

Куракин Б. И. Архив кн. Ф. А. Куракина. [1661–1727]. Книга пятая. Саратов: Печатня С. И. Яковлева, 1894. XXXIII, 474 с.

Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб.: Тип. Морск. кад. корпуса, 1769. 424 с.

Муратори Л. А. Рассуждение о благоденствии общенародном. Часть 1. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1780. 270 с.

Нордстет И. И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь. Т. 2. СПб.: И. К. Шнор, 1782. 452 с.

Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1862. 579 с.

Переписка Екатерины II с кн. Г. А. Потемкиным (1782–1791) // Русская старина. 1876. Т. 16. С. 33–58, 239.

Петров П. Н. (ред.). Сборник материалов для истории имп. Санкт-петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Ч. 1: 1758–1811. СПб.: Типография Гогенфельдена и Ко, 1864. 782 с.

Словарь Академии Российской. Часть IV: от М до Р. СПб.: При Императорской Академии наук, 1793. 639 с. ([III] с., 1272 стб.).

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 4. СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 1822. 1536 стб.

Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. 398 с.

Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. 4. СПб.: Тип. Акад. наук, 1766. [8], 204 с.

Чулков М. Д. «И то и сь». Санкт-Петербург, 1769. Недели 26–27. Двадесятьшестая недѣля – двадесятьсѣдмая недѣля. 1769. Без нумерации страниц.

Шлаттер И. А. Обстоятельное наставление рудному дѣлу. СПб.: Печатано при Императорской Академіи Наукъ, 1760. 274 с.

Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные въ російскомъ языкѣ встречающіяся иностранныя реченія и техническіе термины. Ч. 3. СПб: Тип. Акад. наук, 1806. [4] с., 1322 стб., III с.

Gérard L. Ph. Le Comte de Valmont, ou les Égaréments de la raison. Т. 3. Paris: Moutard, 1775. 408 p.

Muratori L.-A. Traité sur le bonheur public [...] Le tout extrait et traduit aussi de l'italien sur l'édition de Venise, 1756, par L. P. D. L. B. [le P. de Livoy, Barnabite]. Tome I. Lyon: Chez V-e Reguilliat, 1772. 420 p.

Литература

Горбачевич К. С. (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 4. Г – День. М.–СПб.: Наука, 2006. 677 с.

Зацепина Е. А. Вежливость // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 5. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 160–177.

Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 612 с.

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. Т. 1. СПб.: Златоуст, 2014а. 591 с.; Т. 2. СПб.: Златоуст, 2014б. 592 с.

Кривко Р. Н. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 30 (Томь – Уберечися). М.: Наука; Азбуковник, 2015. 320 с.

Крысько В. Б. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28 (Старичекъ – Сулебный). М.: Наука; Азбуковник, 2008. 303 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.05.2025).

Поликарпов Ф. П. Лексикон трехязычный. М., 1704. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrshpl.ru/ru/nodes/88128> (дата обращения: 09.05.2025).

Сорокин Ю. С. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6 (Грызться – Древный). Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. 256 с.

Чернышев В. И. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 17 томах. Т. 3. Г–Е. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. VIII, 1340 с.; Т. 10. По–Поясочек. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. IV, 1774 стб.; Т. 14. Со–Сям. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 1390 стб.

References

- Chernyshev V. I. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 tomakh* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 volumes]. Vol. 3. G–E. Moscow–Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1954. VIII, 1340 col.; T. 10. Po–poya-sochek. Moscow–Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1960. IV, 1774 col.; Vol. 14. So–Syam. Moscow–Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 1390 col.
- Gorbachevich K. S. (ch. ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 677 p.
- Kolesov V. V. *Konceptual'noe pole russkogo soznaniya* [Conceptual field of Russian consciousness]. St. Petersburg, Publishing house of the Herzen State Pedagogical University, 2021. 612 p.
- Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. *Slovar' russkoi mental'nosti* [Dictionary of Russian mentality]. Vol. 1. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2014a. 591 p.; Vol. 2. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2014b. 592 p.
- Krivko R. N. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Vol. 30. Moscow, Nauka; Azbukovnik Publ., 2015. 320 p.
- Krys'ko V. B. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Vol. 28. (Starichekь–Sulebnyi). Moscow, Nauka Publ.; Azbukovnik Publ., 2008. 303 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 25.05.2025).
- Polikarpov F. P. *Leksikon treyazychnyi* [Trilingual Lexicon]. Moscow, 1704. Available at: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/88128> (accessed 05.09.2025).
- Sorokin Yu. S. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 1–6.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century. Vol. 1–6.] Vol. 6. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad department, 1991. 256 p.
- Zatsepina E. A. [Politeness]. *Antologiya konceptov* [Anthology of Concepts]. Ed. by V. I. Karasik, I. A. Sternin. Vol. 5. Volgograd, Paradigma Publ., 2007, pp. 160–177. (In Russ.)

Библейские фразеологизмы в словаре И. Н. Редникова «Сборникъ замѣчательныхъ изреченій, цитатъ, поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ съ историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ» (на фоне словарей М. И. Михельсона, В. И. Даля)

Оксана Владимировна Шкуран, Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы (Россия, Москва), Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), shkuran_ov@pfur.ru

DOI: 10.7868/S3034592826040078

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу малоизученного аспекта отечественной лексикографии XIX в. — принципам отбора и лексической разработки библейских фразеологизмов в справочнике И. Н. Редникова «Сборникъ замечательных изречений, цитат, поговорок и т. п. различных времен и народов с историческим и сравнительным объяснением». Актуальность исследования обусловлена необходимостью реконструкции истории формирования русской фразеологии и выявления роли библейских цитат в становлении национального корпуса крылатых единиц. «Сборник» И. Н. Редникова, впервые изданный

в Вятке в 1883 г. и переизданный в 1890 г., рассматривается не только как перевод и адаптация известного труда немецкого филолога Г. Бюхмана, но и как самостоятельное явление, в котором заложены основы системного описания фразеологических библеизмов. Особое внимание уделяется разделу «Цитаты и изречения из Священных Писаний», который, наряду с античными, западноевропейскими и русскими источниками, формировал универсальную структуру издания. Проводится сопоставительный анализ справочника И. Н. Редникова с двумя фундаментальными лексикографическими трудами второй половины XIX — начала XX вв.: словарями М. И. Михельсона и В. И. Даля.

В работе показано, что словарь Даля ориентирован на употребление библейских выражений в живом народном языке и построен по алфавитно-гнездовому принципу. Труд Михельсона является академическим тезаурусом крылатых слов и иносказаний, сочетающим историко-этимологический комментарий с богатым иллюстративным материалом к библейским фразеологизмам. Сборник Редникова стал первым в России опытом систематизации крылатых библейских изречений с просветительно-дидактическим значением.

ключевые слова: справочник, библейская фразеология, структурно-семантический анализ, дидактическая роль, языковое наследие

для цитирования: Шкуран О. В. Библейские фразеологизмы в словаре И. Н. Редникова «Сборник замѣчательныхъ изречѣній, цитатъ, поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ съ историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ» (на фоне словарей М. И. Михельсона, В. И. Даля) // Русская речь. 2026. № 4. С. 93–103. DOI: 10.7868/S3034592826040078.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00252 «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)» в рамках программы «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами». Проект значительно расширяет масштабы изучения библейских выражений; делает его многоаспектным и системным, позволяет глубже представить механизмы адаптации библейского наследия в славянских языках и продемонстрировать механизмы их функционирования в текстах разного типа.

From the History of the Russian Language

Biblical Phraseological Units in the Dictionary of I. N. Rednikov “Collection of Remarkable Sayings, Quotations, Proverbs, etc. from Various Times and Peoples with a Historical and Comparative Explanation” (Based on the Dictionaries by M. I. Mikhelson and V. I. Dal)

Oksana V. Shkuran, RUDN University (Russia, Moscow), Saint-Petersburg State University
(Russia, Saint-Petersburg), oksana.shkuran@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the analysis of a little-studied aspect of the 19th-century Russian lexicography: the principles of selection and lexical development of biblical phraseological units in I. N. Rednikov's "Collection of Remarkable Sayings, Quotations, Proverbs, etc. from Various Times and Peoples with Historical and Comparative Explanations".

The relevance of the study lies in the need to reconstruct the history of the formation of Russian phraseography and identify the role of biblical quotes in the development of the national corpus of aphorisms. The scientific novelty of the work lies in the fact that I. N. Rednikov's "Collection", which was first published in Vyatka in 1883 and reprinted in 1890, is considered not only as a translation and adaptation of a well-known work by the German philologist G. Buchmann, but also as an independent phenomenon that

laid the foundations for a systematic description of biblical phraseological units.

The article pays special attention to the section “Quotes and Sayings from the Holy Scriptures”, which, along with ancient, Western European, and Russian sources, forms the universal structure of the publication.

The article provides a comparative analysis with two fundamental lexicographic works from the second half of the 19th century and the early 20th century. The purpose of the study is to identify the principles of selecting biblical phraseological units in I. N. Rednikov’s reference book and to compare the genre, structural, and methodological features with the dictionaries by M. I. Mikhelson and V. I. Dal.

The work shows that Dahl’s dictionary is focused on the use of biblical expressions in the living vernacular language and is organized according to the alphabetical-nesting principle. Mikhelson’s work is an academic thesaurus of catchphrases and allegories that combines historical and etymological commentary with a rich illustrative material for biblical idioms. Rednikov’s collection was the first attempt in Russia to systematize biblical phraseological units based on a thematic-historical principle and to serve an educational and didactic purpose.

KEYWORDS: reference book, biblical phraseology, structural and semantic analysis, didactic role, and linguistic heritage

FOR CITATION: Shkuran O. V. Biblical Phraseological Expressions and Their Lexicographic Development in the Dictionary by I. N. Rednikov “Collection of Remarkable Statements, Quotes, Proverbs, etc. from Various Times and Nations with Historical and Comparative Explanations” (Based on the Dictionaries by M. I. Mikhelson and V. I. Dal). *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2026. No. 4. Pp. 93–103. DOI: 10.7868/S3034592826040078.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00252 “The Biblical Heritage of the East Slavic Languages in Linguoculturological and Lexicographic Interpretation (A Comprehensive Russian-Belarusian-Ukrainian-Rusyn Dictionary of Biblical Expressions)” within the framework of the program “Conducting Fundamental Scientific Research and Exploratory Scientific Research by Individual Research Groups.” The project significantly expands the scope of the study of biblical expressions, makes it multidimensional and systematic, allows for a deeper understanding of the mechanisms of adaptation of the biblical heritage in the Slavic languages, and demonstrates the mechanisms of their functioning in texts of various types.

Конец XIX — начало XX вв. стали переломным периодом для русской лексикографии. В это время выходят словари, которые заложили фундамент для научного изучения русской лексики и фразеологии: «Толковый словарь живого великорусского языка» (с 1880 г., В. И. Даль), «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» (1890–1907 гг.), «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» (1892–1893 гг., М. И. Михельсон), «Словарь областного архангельского наречия» (1885 г., А. Подвысоцкий), «Крылатые слова по толкованию» 1890 г., С. Максимов) и др. Особое место занимают лексикографические труды, стоявшие у истоков систематизации крылатых выражений и фразеологических единиц. Одним из таких значительных, но впоследствии незаслуженно забытых изданий является «Сборник замѣчательныхъ изречений, цитатъ, поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ съ историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ» Ильи Николаевича Редникова. История создания этого справочника примечательна тем, что он появился не в столичных академических центрах, а в провинциальной Вятке, что свидетельствует о высоком уровне региональной педагогической мысли и глубокой эрудиции его составителя.

Илья Николаевич Редников, педагог и филолог, задумал свой труд как универсальное пособие для учащихся и всех интересующихся истоками мировой словесности. В основу «Сборника» был положен известный немецкий справочник Г. Бюхмана «Крылатые слова» (Georg Büchmann «Geflügelte Worte»). Однако Редников не просто перевел его, а значительно переработал и дополнил, адаптировав для русского читателя. Первое издание увидело свет в Вятке в 1883 г., а значительно расширенное второе издание вышло в 1890 г. Важно отметить, что Редников одним из первых предпринял попытку создать русский свод крылатых выражений, сочетающий академическую строгость с доступностью изложения [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008: 4].

Структура справочника заслуживает отдельного внимания, так как она отражает энциклопедичность замысла автора и непосредственный интерес к библейскому корпусу. Весь материал в «Сборнике» распределен по тематико-историческому принципу, что позволило Редникову избежать хаотичного набора цитат. Основные разделы (отдѣлы) издания включают:

- 1) «Цитаты и изреченія изъ Священнаго Писанія». В этом блоке автор систематизировал крылатые библейские фразеологизмы, указывая не только ссылки на текст, но и его богословский и исторический контекст, что было новаторским подходом для русской лексикографии XIX в.;

- 2) «Греческія цитаты и изреченія»;
- 3) «Латинскія цитаты и изреченія»;
- 4) «Немецкія цитаты и изреченія»;
- 5) «Французскія цитаты и изреченія»;
- 6) «Английскія цитаты и изреченія»;
- 7) «Итальянскія цитаты и изреченія». В этих разделах размещены крылатые цитаты западноевропейского Средневековья и деятелей европейского Просвещения;
- 8) «Русскія цитаты и изреченія». Раздел наполнен цитатами из летописей, высказываниями государственных и военных деятелей, фрагментами из произведений русских писателей, поговорками и пословицами;
- 9) «Историческія цитаты и изреченія». Внесены крылатые цитаты из всеобщей и русской истории;
- 10) Указатель собственных именъ.

Такая композиция помещала библейские фразеологизмы в один ряд с лучшими образцами античной и мировой культуры, подчеркивая их устойчивый авторитет и распространенность в живой речи. «Сборник» Редникова стремился к этимологической и сравнительной разработке каждого выражения, что делает его уникальным источником для понимания того, как библейская образность входила в русский литературный оборот XIX в.

Цель настоящей статьи — выявить принципы отбора библейских фразеологизмов в справочнике И. Н. Редникова «Сборникъ замѣчательныхъ изреченій, цитатъ, поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ съ историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ» и сопоставить жанровые, структурные и методологические особенности со словарями М. И. Михельсона и В. И. Даля.

Само выделение раздела справочника И. Н. Редникова «Цитаты и изреченія изъ Священныхъ Писаній» в отдельную структурную единицу свидетельствует о принципиальной установке составителя на признание библейского текста в качестве одного из главных источников формирования мировой и, в особенности, русской словесной культуры XIX в. В контексте общего замысла Редникова — создать универсальное собрание «крылатых слов» с историческим и сравнительным объяснением — библейский раздел играл роль фундамента, на котором, наряду с античностью, основывается европейская и русская фразеология. «Язык Библии — это язык “в себе”, своеобразный духовный код, объединяющий народы христианских культур» [Мокиенко 2018: 34].

Во-первых, историко-сравнительный принцип, декларируемый в заглавии всего сборника, последовательно проводится и в библейском

разделе. Для каждого выражения (или цитаты) Редников стремился не только указать сам библейский источник (книгу, главу, стих), но и проследить пути его проникновения в европейские языки, напр.: № 2. *Аще добро твориши, разумѣй, кому твориши* (Прем. I, Сир. XII, 1), пер. лат. Si benefeceris, scito, cui feceris. Русск. пословица «знай, кому добро творить и кого за что дарить»; № 3. *Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася жиждущіе его* (Пс. CXXVI, 1), пер. лат. nisi Dominus aedificaverit domum, in vanum laboraverunt qui aedificant tam = ἐκτός αν ο κύριος χτίσει ένα σπίτι, ἐργάστηκε μάταια για να χτίσει ένα τέτοιο; № 68. *До сего дойдеши и не преидеши* (Иов. XXXVIII, 11). Ср. нем. Bis hierher und nicht weiter (до сих поръ, но не дальше); № 63. *Да имать та* (Быт. I, 38, 23) = русск. *пусть себѣ имѣетъ* и др.

Такой подход перекликается с принципом расположения языковых единиц в словаре М. И. Михельсона (1892–1893 гг.), где также проводится сравнительный анализ библеизмов в русском, латинском, французском, немецком, итальянском языках, фиксируя такие устойчивые обороты, как № 446 *Всякое даяніе благо*. Ср. Alles Gute kommt von oben; De Dien tounts le bien vient; *Всякое даяніе благое и всякій даръ совершенный нисходитъ свыше* (Іак. 1, 17) [Михельсон 1994: т. 1, 139]; № 460 *Бѣденъ какъ Іовъ*; Ср. Arm wie Hiob. Plus pauvre que Job. Ср. Иов, 17, 1–16 [Михельсон 1994: т. 1, 86] и др.

И. Н. Редников во многом опередил этот компаративистский вектор на несколько лет, показывая, как ветхозаветные и новозаветные образы обретают вторичную жизнь в пословицах и поговорках разных народов: № 68. *До сего дойдеши и не преидеши* (Иов. XXXVIII, 11). Ср. нем. Bis hierher und nicht weiter (до сих поръ, и не дальше); № 63. *Да имать та* (Быт. I, 38, 23) = русск. *пусть себѣ имѣетъ*. Во-вторых, Редников делает акцент на живом, «крылатом» бытовании библейских слов. Отбирая для включения в сборник те или иные фрагменты Священного Писания, он ориентируется не столько на их догматическую значимость, сколько на степень распространённости в литературном и разговорном языке своего времени. По сути, его работа является одним из первых опытов выявления активного фразеологического фонда, восходящего к Библии. В этом смысле показательны выбранные им единицы: многие из тех выражений, которые анализирует Редников — № 25. *Вавилонское столпотвореніе, смѣшеніе* (Быт. XI, 1–9); № 32. *Волкъ в овечьей одеждѣ* (Ев. Мат. VII); № 66. *День и ночь не имѣть (не знать) покоя* (Апок. IV, 8 — XIV, 11); № 71. *Египетская тьма* (Исх. X, 22); № 83. *Зеница ока* (Пс. XVI, 8); № 95. *Излить душу свою* (1Цар. 1, 15); № 102. *Испить полную чашу до конца* (Пс. LXXIV, 9); № 105. *Какъ волъ работающій* (Втор. XXV, 4); № 142. *Невѣрующій Ѳома* (Ев. Іоан. XX, 24) — остаются востребованными и сегодня, что подтверждается их фиксацией в современных лингвистических словарях ([Дубровина 2010], [Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010] и др.).

Наконец, важной составляющей метода И. Н. Редникова является лексическая разработка библеизмов. Составитель не ограничивается простой отсылкой к источнику, но часто поясняет устаревшие слова или образы, делает исторический контекст понятным для своей целевой аудитории: № 23. *Бедный как Лазарь* (Ев. Л. XVI, 20). Имя «лазарь» входит въ образование многихъ словъ и выражений, н. п. *Лазаретъ* (домъ для бѣдныхъ, больныхъ), *Лазарони* (Lazzaroni — лѣнныя бѣдняки въ Неаполѣ, живущіе подаяніемъ), отсюда — *нѣтъ Лазаря* и т. п. [Редников 1890: 2]; № 75. *Еже ненавидиши, да никому же твориши* (Тов. IV, 15). Лат. *quod ab alio oderis fieri tibi, vide ne tu aliquando alteri facias*. Императоръ Римскій Александръ Северъ (въ 235 г. по Р. Х.) часто повторялъ слова в значеніи «чего себя не желаешь, того и другому не дѣлай». Св. Колумбанъ выражался так: «*Quod tibi vis fieri, hoc alii praestare memento; Quod tibi non optas, alii ne feceris ulii*» [Редников 1890: 2]. Эта педагогическая направленность отличает его труд от сугубо академических изданий. Он стремится не просто зафиксировать факт языка, но и сделать библейскую фразеологию инструментом обогащения речи читателя.

Через два года после выхода «Сборника» появляется однотомное издание М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний», которое по «богатству охвата русской лексики, отражения живой речи и народной жизни, уступает только четырехтомной лексикографической энциклопедии В. И. Даля» [Предисловие к «Русской мысли и речи» 1994: 3]. Однако принципы отбора материала, структура, методология описания и целевая аудитория справочника И. Н. Редникова и М. И. Михельсона существенно отличаются. Прежде всего различны истоки и замыслы составителей. Редников предпринял попытку перевода и адаптации для русского читателя справочника Г. Бюхмана. Его сборник был изначально ориентирован на западноевропейскую традицию составления подобных изданий. Автор справочника ставил перед собой прежде всего просветительские и педагогические цели: *Всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ* (Посл. Ефес. IV, 29); *Всяко древо отъ плода своего познается* (Ев. Л. VI, 44); *Да не хвалится мудрый мудростію своею, а богатый богатствомъ своимъ* (Пр. Иерем. Гл. IX, 23); *Еже бо аже съетъ чловѣкъ, тожде и пожнетъ* (Посл. Гал. VI, 7); *Зло побѣждай добромъ* (Посл. Рим. XII, 20) и др.

М. И. Михельсон создал лексикографический труд принципиально другого масштаба. Он рассчитан на филологов, писателей, преподавателей, всех, кто работает со словом. Это не переводной справочник, а оригинальный словарь с исчерпывающим описанием русской фразеологии, с исконными и заимствованными устойчивыми выражениями. А название «Свое и чужое» подчеркивает особенность собранного материала:

словарь фиксирует как самобытные русские выражения, так и иноязычные, вошедшие в обиход живой русской речи. И библейские выражения органично вплетаются в словарные статьи, но отдельно не иллюстрируются так, как это сделано в разделе справочника И. Н. Редникова.

Структурная организация двух изданий обнаруживает значимые различия: сборник Редникова построен по тематико-историческому принципу, словарь М. И. Михельсона имеет алфавитно-гнездовую структуру. Методология объяснения материала у двух составителей также различается: Редников указывает первоисточник библейской цитаты, приводит параллели в других языках, поясняет исторический контекст. Такой подход подтверждает традиции Бюхмана и делает сборник ценным для сравнительного анализа библеизмов в разных языках. Михельсон приводит контексты употребления, чем демонстрирует использование устойчивых выражений в национальном и др. языках. Ну и, несомненно, важным отличием является полнота охвата: словарь М. И. Михельсона — 1046 страниц с 697 словарными статьями к библейским выражениям, справочник И. Н. Редникова — 218 страниц с 232 библейскими цитатами.

Судьба этих двух изданий в истории отечественной филологии сложилась по-разному: справочник И. Н. Редникова стал библиографической редкостью, словарь Михельсона остается востребованным источником для изучения русской фразеологии, несмотря на то что посмертное издание 1912 г. было переиздано через восемьдесят два года (в 1994 г.). Тем не менее именно И. Н. Редникову принадлежит заслуга создания первого в России словаря крылатых слов с разделом библейских выражений, что также стало значимым событием в истории отечественной фразеологии.

Сходная ситуация наблюдается при сопоставлении справочника Редникова со «Словарем живого великорусского языка» В. И. Даля. И. Н. Редников стремился проиллюстрировать замечательные изречения, которые содержат глубокую мысль, либо отличаются художественной выразительностью, либо имеют важное историческое или культурное значение. Лексический состав живого великорусского языка в словаре В. И. Даля — универсальный, от книжных слов до диалектизмов, от профессиональных терминов до просторечий, охватывает иллюстрации живой народной речи во всем его многообразии. Как указывал сам Даль в «Напутном слове», словарь создан, чтобы «пересмотреть язык наш с ног до головы» и дать возможность русским людям «ознакомиться с духом и складом речи народной» [Даль 2003: 4]. Поэтому два несравнимых словаря имеют разные критерии отбора языковых единиц: у В. И. Даля — репрезентативность, у И. Н. Редникова — ценностная селекция крылатых выражений. Такой подход в создании небольшого справочника — иллюстрация фрагмента мирового культурного контекста, в котором рождались крылатые выражения. Следует отметить

и различие в источниках материала. Даль черпал свои лексические сокровища непосредственно собирая слова и выражения в поездках по России, записывал пословицы и поговорки от крестьян, ремесленников, торговцев, ямщиков, то есть опирался на устную народную традицию. Поэтому пословицы, поговорки, которые относятся к предикативным библейским фразеологизмам, в народной речи приобрели обобщенно-переносный смысл (более 700 единиц), напр.: библейский фразеологизм *Аредское дело* следующим образом: ‘самое злое, ехидное, сатанинское дело’ [Даль 2003: т. 1, 21]. Такое толкование может быть понятно только при знании дополнительных ассоциаций, связанных с образом Ареда. «Аред (Иаред? Ирод?) — дряхлый старичишка, выживший из лет, заедающий чужой век; старый брюзгач, кашей, скряга; старый ведун, колдун; злой знахарь» [Даль 2003: т. 1, 21] и др. [Субочева 2007: 99].

«Сборникъ замѣчательныхъ изреченій, цитатъ, поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ съ историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ» И. Н. Редникова занимает место исторического первопроходца. Он не обладает ни академической глубиной издания М. И. Михельсона, ни полнотой словаря В. И. Даля, но его значение в том, что он открыл жанр словаря крылатых слов в России, задал вектор на историко-сравнительное объяснение материала (в отличие от простого цитирования), внедрил в оборот западноевропейскую традицию систематизации фразеологии. Раздел «Цитаты и изречения изъ Священныхъ Писаний» в сборнике И. Н. Редникова представляет собой не механическую выборку из Библии, а продуманную лексикографическую концепцию. Составитель, работая на стыке филологии, истории и педагогики, заложил основы системного описания русских библейских фразеологизмов как органичной части общенационального культурного и языкового наследия. Его труд стал важным этапом на пути от простого цитирования священных текстов к научной фразеографии. Мы видим эволюцию фразеографического жанра в России — от переработанной адаптации Редниковым немецкого образца к оригинальному, фундаментальному академическому труду Михельсона, от скромного просветительского сборника к грандиозному тезаурусу, охватывающему русскую образную речь, В. И. Даля.

Источники

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с параллельными местами и приложениями. М.: Российское библейское общество, 2010. 1346 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык Медиа, 2003. Т. 1. 699 с.; Т. 2. 779 с.

Михельсон М. И. Русская мысль. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. М.: Русские словари, 1994. Т. 1. 819 с., Т. 2. 936 с.

Редников И. (сост.). Сборник замѣчательныхъ изречений, цитатъ, поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ съ историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Вятка: Типографія Маишеева, 1890. 218 с.

Литература

- Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений в русском языке: ок. 5000 ед.: в 2-х т. / Под ред. С. Г. Шулежковой. 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. Т. I. 658 с.
- Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта; Наука, 2010. 805 с.
- Мокиенко В. М. Русские библеизмы в европейском контексте // *Językoznawstwo*. 2018. № 12. С. 33–45.
- Мокиенко В. М., Лилич Г. А., Трофимкина О. И. Толковый словарь библейских выражений и слов. М.: АСТ: Астрель, 2010. 639 с.
- Субочева А. Н. Системный анализ библейских фразеологизмов из лексикографических трудов В. И. Даля: 10.02.01. дис. ... канд. филол. наук / Российский университет дружбы народов. М., 2007. 307 с.

References

- Berkov V. P., Mokienko V. M., Shulezhkova S. G. *Bol'shoi slovar' krylatykh slov i vyrazhenii v russkom yazyke: v 2-kh t.* [Large dictionary of popular words and expressions in Russian: in 2 vols.]. Ed. by S. G. Shulezhkova. 2nd ed. Vol. I. Magnitogorsk, Magnitogorsk St. Univ Publ.; Greifswald, Ernst-Moritz-Arndt-Universität Publ., 2008. 658 p.
- Dubrovina K. N. *Ehntsiklopedicheskii slovar' bibleiskikh frazeologizmov* [Encyclopedic dictionary of Biblical phraseological units]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2010. 805 p.
- Mokienko V. M. [Russian biblicalisms in European context]. *Językoznawstwo*, 2018, no. 12, pp. 33–45. (In Russ.).
- Mokienko V. M., Lilich G. A., Trofimkina O. I. *Tolkovyj slovar' bibleiskikh vyrazhenii i slov* [Explanatory dictionary of Biblical expressions and words]. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2010. 639 p.
- Subocheva A. N. *Sistemnyi analiz bibleiskikh frazeologizmov iz leksikograficheskikh trudov V. I. Dalia* [System analysis of biblical phraseological units from V. I. Dal's lexicographical works: Dr. philol. scie. diss.]. Moscow, 2007. 307 p.

Акустическая образность в художественном мире М. М. Пришвина: орнитологические звуковые модели и их текстообразующие функции

Галина Николаевна Абреимова, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
(Россия, Елец), abreimova.g.n@yandex.ru

DOI: 10.7868/S3034592826040089

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу акустической образности птичьих вокализаций в художественной прозе и дневниках М. Пришвина как семиотически организованной системы, выходящей за рамки простой фиксации звуковой среды. Семиотическая система трактуется как упорядоченный комплекс знаков и кодов, где птичьи голоса действуют как устойчивые смысловые единицы, связывающие акустическую форму с образно-концептуальным содержанием и композиционной ролью. Они организуют хронотоп, формируют тематические центры и задают способы восприятия текста. Для анализа отобраны 22 наиболее репрезентативных наименования птиц. Обработка материала проведена в программе AntConc. Корректность результатов проверялась сопоставлением с данными Национального корпуса русского языка и материалами словарей. Выделена трехуровневая типология: 1) образная модель орнитологических вокализаций (метафоры, сравнения, эпитеты); 2) полиимитационная модель орнитологических вокализаций; 3) полифоническая (ансамблевая) модель орнитологических вокализаций. В статье показано, что птичьи голоса последовательно

сопоставляются со звучанием музыкальных инструментов и разворачиваются в сцены «птичьего хора», создающие ощущение согласованного многоголосия. Выявлено соотношение типичных и индивидуально-авторских приемов, благодаря которым «птичий голос» выступает символическим кодом природной гармонии, цикличности и единства человека с природой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: акустическая образность, орнитонимы, семиотическая система текста, полисенсорность, корпусный анализ

для цитирования: Абреимова Г. Н. Акустическая образность в художественном мире М. М. Пришвина: орнитологические звуковые модели и их текстообразующие функции // Русская речь. 2026. № 4. С. 104–115. DOI: 10.7868/S3034592826040089.

The Language of Fiction

Acoustic Imagery in the Artistic World of M. Prishvin: Ornithological Sound Models and Their Text-Structuring Functions

Galina N. Abreimova, Bunin Yelets State University (Russia, Yelets), abreimova.g.n@yandex.ru

ABSTRACT: The article offers an analysis of the acoustic imagery of avian vocalizations in M. Prishvin's fiction and diaries as a semiotically organized system that exceeds the mere recording of the soundscape. The semiotic system is construed as an ordered complex of signs and codes in which birds' voices function as stable semantic units linking acoustic form to imagistic-conceptual content and to compositional roles. These units organize the chronotope, establish thematic centers, and shape modes of textual perception. The analysis draws on the 22 of the most representative bird names.

The correctness of the results was verified by comparing them with the data from the Russian National Corpus and dictionary materials. A three-tier typology is proposed: (1) a figurative model of avian vocalizations (metaphor, simile, epithet); (2) a polyimitative (multi-imitative) model of avian vocalizations; and (3) a polyphonic (ensemble) model of avian vocalizations. The study shows that birds' voices are consistently correlated with the timbres of musical instruments and unfold into "bird-chorus" scenes that produce an effect of coordinated polyphony. It also identifies the interplay of conventional and author-specific devices through which the "bird's voice" operates as a symbolic code of natural harmony, cyclicity, and the unity of humanity and nature.

KEYWORDS: acoustic imagery, ornithonyms, the text's semiotic system, polysensoriality, corpus analysis

FOR CITATION: Abreimova G. N. Acoustic Imagery in the Artistic World of M. Prishvin: Ornithological Sound Models and Their Text-Structuring Functions. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2026. No. 4. Pp. 104–115. DOI: 10.7868/S3034592826040089.

Описание птичьих голосов в творчестве М. Пришвина выходит за пределы фиксации звуковой среды и моделирует представления о природной гармонии, цикличности и внутреннем устройстве мира. Пение птиц в его текстах функционирует как символический код и художественный прием, служащий средством философского осмысления идеи единства человека и природы. Настоящая статья концептуально связана с ранее опубликованной работой, в которой был выполнен структурно-семантический анализ глагольной и именной лексики, репрезентирующей вокализации птиц в художественном и дневниковом наследии М. Пришвина [Абреимова, Бородина, Бурцев 2024]. Обе работы объединяет единый корпус источников и общая исследовательская установка на выявление особенностей языкового воплощения орнитологических звуковых образов в текстах писателя. Вместе с тем исследовательские ракурсы различаются. В данной работе акцент смещен от «словарного» к «модельному» и текстообразующему уровню: предлагается трехуровневая типология орнитологических звуковых образов (образная модель — метафора, сравнение, эпитет; полиимитационная модель; полифоническая/ансамблевая модель), показана их семиотическая и композиционная

функциональность (музыкально-инструментальные аналогии, хоровые сцены, хронотопическая маркировка в дневниках), а также демонстрируется полисенсорная интеграция звука с визуальными и философскими смыслами текста.

Материалом исследования является полный корпус творчества писателя, представленный в «Электронной библиотеке М. М. Пришвина», опубликованный на сайте ЕГУ им. И. А. Бунина (далее — ЭБП), — от дневниковых записей 1905–1954 гг. до всего доступного массива художественной прозы. Такой охват обеспечивает диахронную и жанровую репрезентативность наблюдений, позволяет рассматривать орнитологические вокализации в целостной системе авторского письма и сравнивать их функции в дневниках и художественных текстах. Исходный перечень орнитонимов был сформирован по материалам Русского семантического словаря [Шведова 2002] и насчитывал 255 лексем, номинирующих птиц, из которых были выделены 22 наиболее репрезентативных орнитонима (*бекас, белая куропатка, воробей, ворон, глухарь, голубь (лесной), дрозд, дятел, журавль, зяблик, иволга, кроншнеп, овсянка, подкравивник, скворец, снегирь, сова, соловей, сойка, тетерев, чибис, щегол*). Компьютерная обработка материала осуществлялась с помощью программы AntConc, позволившей проверить коллокационную сочетаемость ключевых лексем, репрезентирующих звуковые образы птиц в текстах М. Пришвина. Разграничение общеязыковых устойчивых сочетаний и индивидуально-авторских моделей осуществлялось путем сопоставления с данными Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) и издания «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» (далее — МСМиСРЛ) [Кожевникова, Петрова 2000]. Отбор окончательного корпуса примеров осуществлялся не по количественным показателям, а по их диагностической репрезентативности в рамках предлагаемой типологии. Частотность употребления и устойчивость коллокаций/n-грамм учитывались как вспомогательные критерии проверки, тогда как решающими были образно-семантическая продуктивность и способность примера демонстрировать типовую модель (как традиционную, так и индивидуально-авторскую). Ср.: биграмма (*ворон лает*), триграмма (*барабанная дробь дятла*), перечислительная серия (*поет и скворцом, и соловьем, и зябликом...*). Статус коллокаций верифицировался адресными запросами по релевантным леммам (*крик, голос, карканье, гульканье* и др.) с заданным контекстным окном и фильтром по орнитонимам, а также сопоставлением с профильными лексикографическими источниками.

В современном пришивноведении звук последовательно трактуется как структурообразующий компонент художественной системы автора. Во-первых, интеграция звуковых и зрительных образов моделирует

первозданную природу и спектр эмоциональных состояний [Абдокова 2020]. Во-вторых, звуковая метафорика выступает посредником между внутренним миром человека и природной средой [Тагильцева 2019]. В-третьих, сопряжение звука и цвета формирует полисенсорную символику единства человека и природы [Сотникова, Бородина 2023]. Звуковое многообразие птичьих голосов не только подтверждает географическую достоверность наблюдаемого, но и переводит пейзаж в символическо-образный регистр «просторной, сильной» природы [Качалова 2008: 32]. Вместе с тем звуковая среда выполняет культурно-памятную и психологическую функции, фиксируя социокультурные маркеры и переосмысливая природу как среду человеческого бытования [Носуленко, Харитонов 2018: 15–16]. В этой перспективе акустическая образность у М. Пришвина предстает не фоном, а семиотически организующей системой. Соответственно, анализ орнитологических звуковых образов требует комплексного подхода: звук рассматривается одновременно как выразительное средство и как структурный принцип организации художественного пространства. Предлагаемая типология опирается на 3 уровня: 1) образная модель орнитологических вокализаций; 2) полиимитационная модель орнитологических вокализаций; 3) полифоническая (ансамблевая) модель орнитологических вокализаций.

1. Образная модель орнитологических вокализаций

Формирование звуковых образов птиц в текстах М. Пришвина осуществляется посредством широкого спектра художественно-речевых приемов. Среди них особое место занимают метафора, сравнение и эпитет, которые не ограничиваются исключительно изобразительной функцией, но выполняют также символическо-эмоциональную и концептуальную роли.

Метафора в текстах М. Пришвина представляет собой не просто троп, передающий акустические характеристики голосов птиц, но и важнейшее средство концептуализации природных явлений. Ее функция заключается в расширении воспринимаемого диапазона звука за счет ассоциативных и символических аналогий, что сближает художественное восприятие с философским постижением природного звучания. Так, например, при характеристике голоса снегиря используется метафора «*токовать густым баском*» [ЭБП. Дневник 1931: 213], позволяющая отразить насыщенность и глубину звука, который, будучи соотнесен с человеческим вокальным регистром, приобретает не только физиологическую, но и эмоционально-смысловую окраску. Примечательно, что в материалах НКРЯ отсутствуют примеры аналогичного метафорического описания

птиц, что свидетельствует о высокой степени своеобразия художественной интерпретации акустических образов в текстах М. Пришвина.

В звуковом образе бекаса используется разветвленная система метафор, которая создает яркое слуховое представление — словно звуковые волны разлетаются в разные стороны, передавая необычную, мелодичную и насыщенную окраску птичьего голоса: *«блеять божьим баранчиком»*, *«прокричать барашком»*, *«раскатываться диким барашком»*, *«рассыпаться барашками»*. Сопоставление с материалами НКРЯ показывает, что из всего метафорического ряда, созданного М. Пришвиным для характеристики голоса бекаса, лишь образ «дикого барашка» имеет подтверждение в тексте В. П. Правдухина: *«Вверху стонет диким барашком острокрылый бекас, со свистом разрезая воздух...»* [НКРЯ. Правдухин. Годы, тропы, ружье].

Метафора *«раскатилась своим диким хохотом белая куропатка»* [ЭБП. Берендеева чаша: 616] наделяет голос птицы экспрессивной силой, близкой к проявлению эмоциональной неуправляемости и иррациональности. В материалах НКРЯ аналогичных примеров не зафиксировано. Вместе с тем в МСМиСРЛ приводятся близкие образы, связанные с хохотом, которые относятся к таким птицам, как филин (Лесков 1864; Хлыстов 1915), сова (Чехов 1888), чайка (Вяч. Иванов 1903), кукушка (Бунин 1909). В отличие от этих случаев, пришвинское описание куропатки предстает как авторская модель, в котором метафора *«раскатилась... диким хохотом»* усиливает драматизм акустического образа и обогащает традиционный ряд «смеховых» характеристик птичьего голоса.

М. Пришвин, обладая тонким слухом и наблюдательностью, точно воспроизводит звуки окружающего мира, опираясь как на объективные акустические признаки, так и на субъективные ассоциативно-образные корреляты, формирующие звуковое пространство произведения. Особую художественную выразительность приобретают случаи, когда М. Пришвин использует метафорические переносы, приписывая птичьим голосам свойства, нехарактерные для их реальной акустической природы. Подобные описания следует рассматривать как авторские метафоры, направленные на усиление образности и эмоциональной насыщенности текста. Так, ворон, по описанию автора, *«лает»*, что вызывает представление о грубом, пронзительном, резко вторгающемся в звуковую среду сигнале. Метафорический перенос фиксируется и у И. Бунина: в рассказе «Последняя весна» филин *«залаял»*, что отмечено в МСМиСРЛ [Кожевникова, Петрова 2000: 353]. Модель «птичий голос — собачий лай» демонстрирует устойчивость в литературной традиции и служит средством передачи экспрессивной силы и тревожного звучания птичьего крика. Глухарь — крупная лесная птица — способен *«хрюкать»*, что придает его голосу

низкую, тяжеловесную, «земную» окраску. Дятел, в свою очередь, может «рычать», что позволяет интерпретировать его голос как обладающий агрессивными и хищными коннотациями. Эти метафорические номинации выходят за пределы орнитологических описаний и существенно расширяют семантический потенциал текстов: звук предстает не только как акустический феномен, но и как носитель эмоционально-символических значений, усиливающих художественную структуру произведения. При этом в МСМиСРЛ подобные метафорические варианты не зафиксированы, что позволяет рассматривать их как индивидуально-авторские.

Сравнение в творчестве М. Пришвина — не просто стилистический прием, направленный на конкретизацию звука, но способ художественного моделирования мира, где человек и природа находятся в органичном взаимодействии. Через систему сравнений звуковые образы птиц получают эстетическую и культурную осмысленность, укрепляя их связь с универсалиями природного и социокультурного опыта. Наиболее продуктивным оказывается сопоставление птичьего пения с музыкой, что особенно ярко проявляется во фрагментах, где звучание птиц уподобляется игре на музыкальных инструментах. Передавая барабанную дробь дятла, писатель сравнивает птицу с музыкантом, а ее окружение — с музыкальными инструментами: *«дятел из дерева извлекает свою брачную песню: он только искусник, музыкант, поет у него дерево, как поет дерево у скрипача»* [ЭБП. Дневник 1937: 629]. Дятел благодаря ритмичным ударам клюва о дерево напоминает скрипача, исполняющего виртуозные музыкальные пассажи. Древесина, подвергаемая такому «музыкальному» воздействию, становится своего рода скрипкой, из которой извлекаются удивительные звуки. Описанный образ соотносится с широкой поэтической традицией музыкального моделирования птичьих голосов, зафиксированной в МСМиСРЛ: от метафоры «скрипичного ключа» как «лебединого вида» (М. Цветаева, 1935) до прямых инструментальных корреляций — «*Не соловей — то скрипка пела*» (А. Блок, 1914); «*скрипки яростный соловей*» (Б. Корнилов, 1934) — и сцен «птичьего музицирования»: «*птицы... на скрипках... заиграли утреннюю песню*» (Н. Заболоцкий, 1932). У М. Пришвина данная модель подучает дальнейшее развитие: музыкантом оказывается не только птица, но и дерево, наделяемое статусом активного «инструмента».

Сравнения в прозе М. Пришвина часто сопряжены с музыкальной образностью, передающей многоголосие природы. Эта тенденция прослеживается, например, в описании песни зяблика, где аналогия с разбегающимися ручьями формирует образ плавного, живого движения: «*...зяблик поет, когда ранней весной в лесу разбегаются ручейки и звучат в разных сторонах по-разному. Песенка зяблика рассыпается тоже, как*

ручьи разбегаются» [ЭБП. Друг человека: 377]. Природное и музыкальное, визуальное и слуховое здесь сливаются в единую метафорическую конструкцию, создавая эффект полисенсорного восприятия. При сопоставлении с НКРЯ и МСМиСРЛ аналогов не обнаружено, следовательно, перед нами индивидуально-авторская модель, которая объединяет образ разбегающихся ручьев (пространственное рассеивание) и «рассыпающуюся» песню (дробление звучания), создавая эффект единого источника, звучащего в нескольких точках. Пара глаголов «разбегаются — рассыпается» не только изображает звук, но и организует перцептивное поле текста, подчеркивая мотив природного многоголосия. Уникальное метафорическое сравнение «*вскирики иволги, как зеленые волны*» [ЭБП. Дневник 1946: 243] не только передает звуковую экспрессию крика птицы, но и вызывает визуальные ассоциации с ярким природным явлением, усиливая образ за счет зрительного восприятия.

В текстах М. Пришвина эпитеты выступают значимым средством акустической индивидуализации, обеспечивая не только фиксацию тембровых и интонационных характеристик, но и наделение звука устойчивым эмоционально-образным содержанием, превращающим голос каждой птицы в легко узнаваемый художественный знак, закреплённый в системе авторских образов. Писатель тонко дифференцирует характеристики птичьих голосов, формируя для каждого вида свою темброво-оценочную характеристику. Сопоставительный анализ выявляет широкий спектр — от узуальных моделей до индивидуально-авторских вариантов. Так, *тревожный крик* (о дрозде, дятле, кроншнепе) — общепотребительное оценочное клише. Эпитеты *радостный* и *победный*, регулярно сочетающиеся со словом *крик* вне орнитосферы, закономерно переносятся на птичью вокализацию, тогда как комбинация *радостно-победный крик* (об иволге, чибице) маркирует авторскую модификацию. Аналогично *дружный / торжествующий крик* (о журавле) типологически мотивирован коллективной вокализацией стаи и «высокой» экспрессией. Ряд эпитетов не имеет устойчивых корпусных аналогов и свидетельствует о высокой степени авторской изобретательности. Так, *сказочно-волнующее гульканье* (о сове) совмещает мифопоэтическую окраску с нарастающей эмоциональной напряженностью звука; *особый струнный крик* (о вороне) переводит восприятие в инструментально-музыкальную плоскость (регистры «струнных» / «скрипки»), непривычную для традиционного описания этого голоса; *вызывающий крик* (о бекасе) подчеркивает экспрессивную манеру птичьей вокализации. Эти лексемы не просто детализируют акустические свойства, но активизируют культурно значимые ассоциации, способствуя формированию глубокой эмоциональной связи между читателем и художественным миром писателя. При этом каждое из этих сочетаний

органично встраивается в известные семантические поля (музыкально-инструментальные метафоры, «смеховые» / эмоциональные переносы, оценочные эпитеты), но одновременно образует собственные авторские «кристаллы» образности, повышающие выразительную плотность текста.

Представляет определенный интерес эпитет «ведьмин», характеризующийся особой экспрессивной нагрузкой: он актуализирует мифопоэтические представления о колдовстве и неведомых силах природы, наделяя крик белой куропатки аурой потустороннего и зловещего предзнаменования: *«Ему уверенно ответила ведьминым хохотом белая куропатка»* [ЭБП. Кашеева цепь: 441]. Для данной единицы параллели в НКРЯ и МСМиСРЛ не обнаружены, что позволяет рассматривать ее как авторский эпитет.

2) Полиимитационная модель орнитологических вокализаций

Полиимитационное моделирование выделяется как особый вид репрезентации птичьего вокала, при котором «многоголосие» трактуется как интеграция тембров, интонаций и «чужих» голосов в одном источнике. Такая особенность раскрывается, в частности, в образах сойки и подкрапивника. Первая, по наблюдению писателя, может *«петь всеми голосами»* [ЭБП. Дневник 1946: 610], что свидетельствует о ее исключительной способности к звуковой имитации и многообразию вокальных проявлений. Подкрапивник, в свою очередь, исполняя свою *«яркую летнюю песенку»*, соединяет в себе голоса всех птиц, звучавших весной, что символизирует стремление природы к гармонии и единству: *«слышна яркая летняя песенка подкрапивника: поет голосом всех птиц, певших весной, как будто хочет соединить все голоса природы в один, как делает это человек»* [ЭБП. Лесная капель: 205]. Более детальное описание пения подкрапивника выявляет в нем сочетание интонаций соловья, зяблика, овсянки, щегла и ряда других птиц. В результате звуковая панорама природы предстает как своеобразный символический оркестр, где каждая «партия» принадлежит определенному виду, а сам подкрапивник выполняет роль интегративного голоса, объединяющего и обобщающего это многообразие: *«поет и скворцом, и соловьем, и зябликом, и овсянкой, и щеглом»* [ЭБП. Дневник 1943: 367].

3) Полифоническая модель орнитологических вокализаций

Полифоническая модель орнитологических вокализаций на уровне композиционной организации текста устойчиво воплощается в мотиве «птичьего хора/концерта», который репрезентирует внутренне

упорядоченную звуковую модель мира, где индивидуальные голоса интегрированы в единый ансамбль. По оценочным корпусным подсчетам (биграммы «птичий хор/концерт»; «хор/концерт» в окне ± 2) мотив встречается $\approx 3,1$ на 5 тыс. слов в дневниках и $\approx 5,7$ — в художественной прозе. Повышенная частота в прозе подтверждает жанровую специализацию мотива как модели согласованности природных ритмов и композиционного ядра сцены. Текстовая организация поддерживается устойчивыми лексическими формулами (*птичий концерт*, *великолепие птичьего концерта*, *утренний концерт болотных птиц*), которые структурируют звуковое пространство сцены и фиксируют тематическое ядро. Так, в одной из дневниковых записей М. Пришвин подчеркивает не только численность птиц, но и согласованность их звуковой активности: «к вечеру воробы огромным табуном давали у нас в палисаднике свой осенний концерт» [ЭБП. Дневник 1928: 205]. Звуковое единство, создаваемое птицами, может восприниматься не просто как природное явление, а как форма акустической гармонии, способная вызывать у человека глубокие размышления и внутреннее сосредоточение: «бормотание тетеревей, уркование лесных голубей, кликом журавлей, сливалось в один великолепный, такой мирный концерт, вызывающий наверх самые глубокие залежалые мысли» [ЭБП. Дневник 1926: 41].

Выводы

Проведенный анализ полного корпуса дневников и произведений М. Пришвина показывает, что орнитологические вокализации систематически функционируют в тексте как многоплановые семиотические конструкции. На уровне образной репрезентации (метафора, сравнение, эпитет) они задают темброво-интонационную дифференциацию и запуская культурные ассоциации. На уровне полиимитационной модели интегрируют «чужие голоса» и тембровые регистры в одном источнике, конструируя образ природной целостности. На уровне полифонической (ансамблевой) модели организуют композицию «хоровых» сцен и выступают маркерами согласованности природных ритмов. Лексико-стилистический анализ выявляет как узуальные, так и индивидуально-авторские модели, которые расширяют семантический потенциал звука и усиливают экспрессивную насыщенность текста. Тем самым «птичий голос» в текстах М. Пришвина выходит за пределы простой фиксации акустической среды и становится структурным принципом художественного пространства и символическим кодом, через который артикулируются представления о природной гармонии, цикличности и единстве человека с природой.

Литература

- Абдокова М. Б. Необычная звуковая гамма жизни в поэтической прозе Михаила Пришвина // Русский язык и литература в полилингвальном мире: вопросы изучения и преподавания (XVI кирилло-мефодиевские чтения). Карачаевск: КЧГУ, 2020. С. 9–18.
- Абреимова Г. Н., Бородина Н. А., Бурцев В. А. Структурно-семантический анализ глаголов и имен существительных, репрезентирующих вокализации птиц в художественном и дневниковом наследии М. Пришвина // Русская речь. 2024. № 6. С. 86–98.
- Качалова М. П. «Дневники» М. М. Пришвина: от географического прототипа к художественному образу // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. С. 30–37.
- Коженикова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1: Птицы. М.: Языки русской культуры, 2000. 478 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 27.07.2025).
- Носуленко В. Н., Харитонов А. Н. Жизнь среди звуков: психологические реконструкции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 422 с.
- Сотникова Е. А., Бородина Н. А. Звук и цвет в поэме М. М. Пришвина «Фацелия» // М. М. Пришвин в контексте современного гуманитарного знания. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2023. С. 138–143.
- Тагильцева Л. Е. Звук в художественном мире М. Пришвина // 80-летие елецкой филологии. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2019. С. 324–330.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. I: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). М.: Азбуковник, 2002. 807 с.
- Электронная библиотека М. М. Пришвина [Электронный ресурс] URL: <https://elsu.ru/prishvin.html> (дата обращения 27.07.2025).

References

- Abdokova M. B. [An unusual sound palette of life in M. Prishvin's poetic prose]. *Russkii yazyk i literatura v polilingval'nom mire: voprosy izucheniya i prepodavaniya (XVI Kirillo-Mefodievskie chteniya)* [Russian Language and Literature in a Multilingual World: Issues of Study and Teaching (XVI Cyril and Methodius Readings)]. Karachaevsk, Karachay-Cherkess State Univ. Publ., 2020, pp. 9–18. (In Russ.)
- Abreimova G. N., Borodina N. A., Burtsev V. A. [Strukturno-semanticheskii analiz glagolov i imen sushchestvitel'nykh, reprezentiruyushchikh vokalizatsii ptits v khudozhestvennom i dnevnikovom nasledii M. Prishvina]. *Russkaia rech'*, 2024, no. 6, pp. 86–98. (In Russ.)

- Ehlektronnaya biblioteka M. M. Prishvina* [M. M. Prishvin's electronic library]. Available at: <https://elsu.ru/prishvin.html> (accessed 27.07.2025).
- Kachalova M. P. ["Diaries" of M. M. Prishvin: from geographical prototype to artistic image]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2008, pp. 30–37. (In Russ.)
- Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Yu. *Materialy k slovaryu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XX vv. T. 1. Ptitsy* [Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the XIX–XX centuries. Vol. 1: Birds]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000, 478 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 27.07.2025).
- Nosulenko V. N., Kharitonov A. N. *Zhizn' sredi zvukov: psikhologicheskie rekonstruktsii* [Life among sounds: psychological reconstructions]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2018. 422 p.
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovy slovar', sistematizirovannyy po klassam slov i znachenii. T. I: Slova ukazuyushchie (mestoimeniya). Slova imenuyushchie: imena sushchestvitel'nye (Vse zhivoe. Zemlya. Kosmos)* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and reviews. Vol. I: Indicative words (pronouns). Name words: nouns (All living things. Earth. Space)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002. 807 p.
- Sotnikova E. A., Borodina N. A. [Sound and color in M. M. Prishvin's poem "Phacelia"]. *M. M. Prishvin v kontekste sovremennogo gumanitarnogo znaniya* [M. M. Prishvin in the context of modern humanitarian knowledge]. Elets, Elets State Univ. Publ., 2023, pp. 138–143. (In Russ.)
- Tagiltseva L. E. [Sound in M. Prishvin's artistic world]. *80-letie eletskoi filologii* [80th anniversary of Yelets Philology]. Elets, Elets State Univ. Publ., 2019, pp. 324–330. (In Russ.)

Речевой портрет главного героя цикла рассказов М. А. Булгакова «Записки юного врача»

Ольга Ивановна Зворыгина, Тюменский государственный медицинский университет
(Россия, Тюмень), zvori@mail.ru

DOI: 10.7868/S3034592826040091

АННОТАЦИЯ: В статье представлено описание речевого портрета главного героя цикла рассказов М. А. Булгакова «Записки юного врача». Указаны основные характеристики понятия, из которых складывается основа для системного описания обобщенного представителя той или иной лингвокультуры. В процессе исследования выявлена структура речевого портрета ключевого персонажа, которая сводится к текстообразующему, социально-психологическому, разноуровневому языковому компонентам. Поскольку герой в силу жанровых установок наделен функцией повествователя, с помощью его речи формируются текстообразующие категории хронотопа, адресата и субъекта повествования, вводится система персонажей. Описаны основные языковые и индивидуально-авторские художественные приемы реализации данных категорий в тексте. Представлены социально-психологические особенности образа ведущего персонажа в их языковом и речевом воплощении. Обозначены разные планы речи, являющиеся приемами раскрытия тех или иных аспектов личности героя. Отдельное внимание уделено исследованию речи с позиции поуровневого языкового анализа, каждый из компонентов которого — лексический, морфологический, синтаксический, стилистический — способствует раскрытию деталей образа в контексте восприятия категориального, идейно-художественного, идиостилистического фона произведения. Сделаны выводы об основных функциях речевого портрета главного героя произведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевой портрет, М. А. Булгаков, жанр записок, персонаж художественного произведения, речевая структура персонажа

для цитирования: Зворыгина О. И. Речевой портрет главного героя цикла рассказов М. А. Булгакова «Записки юного врача» // Русская речь. 2026. № 4. С. 116–127. DOI: 10.7868/S3034592826040091.

The Language of Fiction

Linguistic Portrait of the Protagonist in M. A. Bulgakov's Cycle "A Young Doctor's Notebook"

Olga I. Zvorygina, Tyumen State Medical University (Russia, Tyumen), zvor@mail.ru

ABSTRACT: This article presents a description of the linguistic portrait of the main character in Mikhail Bulgakov's cycle of short stories, "A Young Doctor's Notebook". It outlines the main characteristics of the concept, which form the basis for a systematic description of a generalized representative of a particular linguistic culture. The study identifies the structure of the linguistic portrait of the key character in the mentioned work, which is reduced to text-forming, socio-psychological, and multi-level linguistic components. Since the protagonist, due to genre conventions, is endowed with the function of narrator, his speech shapes the text-forming categories of chronotope, addressee, and subject of narration, and introduces the system of characters. The main linguistic and individual author's artistic devices for realizing these categories in the text are described. The socio-psychological features of the main character's image are presented in their linguistic and speech embodiment. Different levels of speech, acting as techniques for revealing various aspects of the hero's personality, are identified. Particular attention is paid to the investigation of speech from the perspective of a layered linguistic analysis, where each component — lexical, morphological, syntactic, and stylistic — contributes to revealing the details of the image within the context of the categorical, ideological-artistic, and idiostylistic

background of the work. Conclusions are drawn regarding the main functions of the main character's linguistic portrait in the work.

KEYWORDS: Linguistic Portrait, Mikhail Bulgakov, Diary Genre, Fictional Character, Character Speech Structure

FOR CITATION: Zvorygina O. I. Linguistic Portrait of the Protagonist in M. A. Bulgakov's Cycle "A Young Doctor's Notebook". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 4. Pp. 116–127. DOI: 10.7868/S3034592826040091.

Речевой портрет персонажа литературного произведения имеет давнюю традицию изучения. Ее истоки — в плоскости литературоведения, где выявление ключевых характеристик речевой партии героя способствует более глубокому пониманию его образа. В лингвистических исследованиях последних десятилетий также наблюдается повышенный интерес к речевому портрету, что находит отражение в работах по лингвокультурологии и лингвоперсонологии. Различные аспекты этой темы затрагиваются в трудах В. И. Карасика, О. А. Дмитриевой, И. В. Гуляевой, С. В. Поповой, Т. В. Старцевой и других исследователей [Карасик 2005; Дмитриева 2009; Гуляева 2009; Попова 2010; Старцева 2012]. Наряду с активным изучением речевого портрета, в научной среде ведется обсуждение необходимости четкого определения границ этого понятия и его отличий от смежных терминов, таких как лингвокультурный типаж, языковой портрет, коммуникативный портрет, речевое поведение и речевая характеристика [Макеева 2014]. Кроме того, исследователи, в частности Е. Д. Павлычева, предлагают различные параметры для классификации и типологизации речевых портретов [Павлычева 2016]. Отдельное внимание привлекают работы, посвященные методологии моделирования речевого портрета, методике анализа данного явления [Гордеева 2008; Шмелёва 2010]. Общие для разных исследований характеристики понятия сведены, как нам представляется, в определении, которое дает Е. Д. Павлычева: «Речевой портрет — это совокупность личностнокоммуникативных языковых черт индивида, представленных в виде открытой модели, отражающей как индивидуальное восприятие, так и коллективное описание представителя какой-либо конкретной культуры» [Павлычева 2016: 148].

Модель субъектно-речевого плана героя художественного произведения структурирована с опорой на сведения о его половозрастной характеристике, социальном статусе, характере, эмоциональном фоне, картине

мира. Очевидно, что объем и способ представления речи персонажа в тексте обусловлен установками жанра. Форма записок дает возможность как увидеть жизнеописание человека общественного (традиция жанра эпохи XVIII столетия), так и соприкоснуться с тайнами человеческой души (психологизм жанра получил развитие в XIX в.). Автобиографический цикл рассказов М. А. Булгакова «Записки юного врача» (1925–1926 гг.) продолжает жанровые традиции.

Согласно одной из них автор перепоручает изложение главному действующему лицу. Наделенный функцией повествователя, герой посредством своей речи создает очертания хронотопа, знакомит читателя с другими участниками повествования, разворачивает сюжет, формирует тональность произведения, раскрывает адресата повествования, передает авторскую оценку.

Главный герой «Записок...» — молодой интеллигент, одержимый медициной. Получив образование в Москве, он приезжает на службу в земскую больницу. В его высказываниях обнаруживается противопоставление столицы и провинции. С одной стороны, «золото-красный Большой театр, Москва, витрины», с другой — «уездный город Грачёвка», «Грабиловка», «Мурьинская глушь», куда ни кинь взор — «горбатое обглоданное поле», «чахлый перелесок», «драные избы»¹. Оценочность — характерная черта речи персонажа — проявляется в использовании лексем с положительной и отрицательной коннотацией по отношению к «большому городу» и «тихому Мурью» соответственно. Восприятие юным врачом нового места его пребывания проявляется также через иронию, функционально-стилистически маркированную лексику, выразительные средства. Впрочем, место проживания и место службы доктора выше всяких похвал: чистота, порядок, инструменты и лекарственные средства в достатке. Вероятно, поэтому в соответствующих речевых контекстах преобладают нейтральные лексемы со значением места: «фельдшерский домик», «кухня», «аптека», «больница», «операционная», «кабинет». Но и тут не обходится без иронии: «чистенький дом с гробовыми загадочными окнами», «моя резиденция». Так, топонимы в сочетании с апеллятивной лексикой с пространственным значением показывают, что жизнь героя поделилась на «до» и «после». Но позже, по прошествии многих дней, проведенных на первом месте своей службы, где, падая от усталости, доктор принимает до сотни больных в день, оперирует, преодолевая собственный страх и сомнения, недоверие пациентов, ездит принимать роды, о своей больнице он скажет, что она «куда красивее дворца», а фонарь, освещающий дорогу к ней, — «очаровательнейший глаз», который узнаешь из тысячи.

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по [Булгаков 1989].

Читатель увидит не только внутреннее примирение, принятие новой жизни, но и полнейшее погружение в стихию медицины, служение ей, что сдвигает фокус внимания героя: не важно, где ты, — важно, кто ты, какова твоя миссия здесь. Прием растворяющейся антитезы, когда заявленное противопоставление в процессе повествования снимается, встретится в тексте не раз. Он помогает увидеть эволюцию персонажа и раскрыть авторскую точку зрения на разные ключевые вопросы произведения.

Итак, заявлена временная граница в судьбе героя. Она находит отражение и в зеркале эпохи: события укладываются в рамки «17-го незабываемого года». Функция датированной, темпорально детализирующей лексикой — указание на исторический период, в который разворачиваются действия: «в два часа дня 16 сентября 1917 года мы были у последнего лабаза». Насколько наполнено оценочностью пространство, настолько минимизирована характеристика исторического времени. Есть лишь пара упоминаний: герой рассказа «Пропавший глаз» — солдат, «вернувшийся в числе прочих с развалившегося фронта после революции», в мыслях юного врача этот солдат «ходит, рассказывает про Керенского и фронт»; в «Звёздной сыпи» герой говорит о себе, что он прямо «с университетской скамеечки» брошен «в деревенскую даль в начале революции».

Особенностью произведения является то, что в нем не обостряется историческое начало, не поднимаются проблемы общества той эпохи (ср. В. В. Вересаев «Записки врача», 1901 г.). Внимание героя и, следовательно, внимание читателя сосредоточено на важном деле: на спасении человеческих жизней. Здесь, в глуши, начинающий доктор ведет альтернативную войну с темнотой и невежеством («Звёздная сыпь», «Тьма Египетская»), благородную войну за жизни доверившихся медицине и сомневающихся: «Шел бой. Каждый день он начинался утром при бледном свете снега, а кончался при желтом мигании пылкой лампы-молнии». Темноте, страху, неверию противопоставлен свет знания: «Останавливаясь у постели, на которой, тая в жару и жалобно дыша, болел человек, я выжимал из своего мозга все, что в нем было». Данный фрагмент текста, по сути, является отражением главной идеи цикла — художественного осмысления системы координат «врач — пациент», где проявляются причинно-следственные отношения состояний двух людей. Используя тьму и свет как основу интерьерных и пейзажных описаний в художественном образе мира [Дождикова 2021], в данном цикле Булгаков проводит их через свой излюбленный инструмент создания образности, метафоризацию, и выводит на уровень общетекстовой антитезы. Так, керосиновая лампа-молния в комнате или во врачебном кабинете, больничный фонарь — это свет знания и поддержка миссии спасителя, что противостоит «мгле» невежества, «тьме отцов». Читатель предвкушает

итоги этой борьбы, тем более что автор использует прием называния прямого адресата произведения. По сути, цикл «Записок...» — обращение к юным коллегам-врачам всех времен: «Привет вам, мой товарищ!». А за обращением стоит непосредственный посыл: получится и у вас! Перед нами врач-победитель, образ культурного героя, реформирующего ментальное пространство.

Посредством речи главного героя последовательно вводится система персонажей цикла. Персонажи-пациенты могут не носить личных имен или иметь их. Коллеги же главного героя неизменно обозначены антропонимами: «Я со всеми перезнакомился. Фельдшера звали Демьян Лукич, акушерок — Пелагея Ивановна и Анна Николаевна». В этом факте — признание и уважение. Они слышатся в словах врача и в рамках внешней, диалоговой, речи, и в контексте внутренних монологов: «“Прямо гениальный человек был этот Леопольд”, — подумал я и проникся уважением к таинственному, покинувшему тихое Мурье Леопольду». Вероятно, это не только вопрос профессиональной этики. Перед читателем возникает портретный ряд представителей одной из самых сложных и самых гуманных профессий. Вновь звучит идея избранности пути. Помощники врача, фельдшер и две акушерки, — это его маленькое войско, его воины света.

Что касается главного героя цикла, он не имеет личного имени — именуется через название по профессии: «доктор», «товарищ доктор», «господин доктор», «гражданин доктор». Конкретизаторы обращения «господин», «гражданин», «товарищ» словно примета того самого «до и после». Когда герой говорит о своей работе, обнажаются ключевые слова: «доктор такой-то» («Полотенце с петухом»), «лекарь такой-то» («Пропавший глаз»), «врач N-ской больницы» («Вьюга»). Иные социальные маркеры не важны.

При рассмотрении речевого портрета главного героя «Записок» в плоскости языкового воплощения наиболее яркая и репрезентативная картина выявляется на уровне лексики, остальные языковые уровни становятся поддерживающими в системе речевого плана повествователя.

Социальный аспект речевого портрета персонажа представлен специальной лексикой. Как известно, терминологический словарь врача составляют три кластера слов и выражений греко-латинского происхождения: анатомический, клинический, фармацевтический. Наименьшей численностью в рассказах цикла характеризуется анатомическая терминология, к тому же она в абсолютном большинстве функционирует в русском варианте: «сосуды», «кость», «кожа», «зуб» и др. Изобилие анатомических подробностей, да еще на латыни, вряд ли способствовало бы воплощению художественного замысла, в незначительном же количестве данные термины оправданно вплетены в повествование; они используются для

описания различных медицинских манипуляций: «Пальцы мои шарили по сухой, пылающей коже, я смотрел на зрачки, постукивал по ребрам, слушал, как таинственно бьет в глубине сердце...». Терминология на латинском представлена лишь фрагментарно, как отсылка к университетским знаниям: «Arteria... arteria... как, черт, ее?..»; «“Парализис”, — отчаянно мысленно и черт знает зачем сказал я себе». Широко в речи врача представлена клиническая терминология, поскольку она участвует во внутренних монологах героя и его диалогах с коллегами в эпизодах, связанных с операциями и консервативной терапией, что и составляет основу сюжета цикла: «аппендицит», «дифтерийный круп», «трахеотомия», «ампутация», «протез», «культия», «роды», «ларингиты» и др. Если от анатомических подробностей повествователь уходит, то, к примеру, операцию в рассказе «Стальное горло» рисует с поразительной натуралистичностью. Это имеет объяснение: для врача (а в случае с Булгаковым это автобиографическая история) особый интерес представляет сам клинический случай. Лингвостилистическую картину дополняют цитаты из книг по медицине: «Главная опасность заключается в возможности самопроизвольного разрыва матки». Замыкает триаду фармацевтическая лексика, сопровождаемая фрагментами рецептурных строк («инсипин», «камфара», «кофеин», «натри салицилицы 0,5»; «ипекуанка <...> инфузум ... на 180» и др.), а также полный текст рецепта, отражающий информацию о выписанном лекарственном средстве. Активно используются слова и выражения других тематических групп специальной лексики — названия медицинских должностей, функционала, инструментов: «фельдшер», «фельдшерица», «сиделки», «обход», «ампула», «торзионные пинцеты», «марлевый тампон» и др. Таким образом, профессиональный врачебный лексикон представлен обширно и отражает реальную речевую практику врача.

С такой лексикой во внутренних монологах героя уживаются многочисленные приемы выразительности: «Стало быть, исчезла мраморная сыпь, как потухают звезды на заре, подсохли кондиломы». Термины сосуществуют с разговорными словами и выражениями: «Спи... Брось атлас... Все равно ни пса сейчас не разберешь. Грыжевое кольцо...». Так внутренняя речь героя отражает его профессиональное мышление, пронизанное субъективно-эмоциональной оценочностью.

На морфологическом уровне социальную характеристику персонажа помогают создать глаголы в повелительном наклонении. Это связано со спецификой деятельности врача, дающего указания коллегам и руководящего деятельностью пациентов: «Пелагея Ивановна! Примите во 2-ю палату мельника»; «Дядя, а ну-ка подвиньтесь ближе к свету!»; «Часа три не ешь ничего, — дрожащим голосом сказал я своему пациенту».

Реплики, обращенные к коллегам и пациентам, отличаются лаконичностью, характеризуются преобладанием простых, часто нераспространенных предложений: «Демьян Лукич, вы поместите их во флигеле»; «Полощи»; «Хорошо»; «Итак, они остаются». Мы видим, что высказывания доктора сухие, безэмоциональные, по существу. Но порой в диалогах с пациентами он переходит на их язык, и тогда в оборот идет разговорная, эмоционально окрашенная лексика: «Ты дура!».

Внутренняя речь персонажа развернутая, наполненная деталями и подробностями, эмоциональная. В описаниях природы, интерьера, человека, в повествовательных фрагментах, при погружении героя в рассуждения синтаксис становится более сложным и экспрессивным: «Все светлело в мозгу, и вдруг без всяких учебников, без советов, без помощи я сообразил — уверенность, что сообразил, была железной, — что сейчас мне придется в первый раз в жизни на угасающем человеке делать ампутацию»; «И этого — спасти. И этого! Всех!»

Оценочность и экспрессивность речи героя — в наложении на внутренний и внешний ее планы — раскрывают двойственность натуры персонажа. Так, внутренние монологи, беседы «с голосом в мозгу» показывают его сомнения и страхи: «Ложись ты спать, злосчастный эскулап. Выспишься, а утром будет видно. Успокойся, юный неврастеник». В деле же врач смел, решителен и хладнокровен. Это передают зафиксированные им реплики коллег: «А вы, доктор, хорошо сделали поворот, уверенно так»; «Ну и блестяще же вы сделали, доктор, операцию». Кажется, что неведомые силы помогают герою в его благородном деле.

Речь главного героя изобилует выразительными средствами. Эпитеты, олицетворения, лексические повторы, градация, риторические вопросы и восклицания, психологический параллелизм и другие приемы делают высказывания персонажа яркими, образными, презентуют богатый спектр переживаний: от волнения, страха, грусти, злости до удивления, неудержимой радости. Средоточием же экспрессивного плана речи персонажа становятся метафора и сравнение. Они преобладают в системе тропов произведения.

Метафорическое и сравнительно-сопоставительное моделирование действительности Булгаковым, выраженное через речь его героя, преимущественно направлено на создание природного и «производственного» пейзажей, на фоне которых разворачивается сюжет. Читатель живо представляет описываемые картины. Например, сравнение снега с раздавленной ватой помогает ощутить его тяжесть. Сумерки, которые «приползли», передают ощущение, знакомое каждому: не заметили, как стемнело. Вьюга, названная «взбесившимся океаном», воспринимается как неуправляемая стихия, вызывая аллюзии к пушкинской «Метели»,

блоковским «Двенадцати». В эти часы человек бессилен: «Несет меня вьюга, как листок». А вот «свет лампочки заходил и закачался вниз», оповещая, что приехал больной и нужно оказать помощь.

Метафора и сравнение активно используются при портретизации. Так, неоднократно встречается сравнение главного действующего лица со студентом как подчеркивание молодости героя, незамутненности его сознания. Со всей горячностью юности он отдается служению делу. Но зачастую врача посещает чувство внутренней беспомощности, когда, например, он видит «зияющее окно» в голени ампутированной ноги или «безжизненно, словно на ниточке» болтающуюся голову новорожденного. Страх преодолевается, когда нужно помочь больному, внушить надежду, поддержать: «Где-то в глубине моей души, еще не притупившейся к человеческому страданию, я разыскал теплые слова». Сравнительно-сопоставительная основа в приемах выразительности используется для детализации в описании внешности, движений, психологического состояния героев.

Главный герой «Записок юного врача» М. А. Булгакова — рассказчик в форме «Я». Погружаясь в воспоминания о начале своего пути в профессии, он повествует о реалиях медицинской практики в российской глубинке в начале XX столетия, персонифицируя тему через систему образов, центральным из которых является он сам. Речевая структура рассказчика, находясь в системных отношениях с речевыми структурами других персонажей, становится основой повествования в произведении и — шире — способом представления изображаемого мира. Совокупность характеристик компонентов речевой структуры персонажа и формирует его речевой портрет.

Речевой портрет главного героя цикла выполняет в произведении ряд функций. Ключевой из них является функция создания целостного образа персонажа, когда через речь раскрываются его индивидуально-личностные особенности, профессиональные намерения, демонстрируется система ценностей — в соотнесенности с идейными установками автора. Перед читателем предстает молодой интеллигент, образованный человек, который использует разные языковые регистры в зависимости от речевой ситуации: в деле умеет быть собранным и немногословным, во внутренних же диалогах много рефлексии, проникается чужой бедой, испытывает страх провала, страстно желает спасения для каждого пациента. Другая, не менее важная, функция речевого портрета героя связана с категорией хронотопа текста. В речи доктора представлено описание атмосферы места его пребывания — провинции с ее особенностями жизни, темнотой и суевериями. Дано указание на время начала событий — 1917 год. При этом отсутствие углубления в социальные проблемы эпохи

побуждает читателя концентрироваться на основном авторском послании — о миссии врача, врача-победителя, несущего свет, меняющего маленький мир вокруг себя, что неизбежно повлечет за собой и изменения в мире большом. Выявляются также связанные друг с другом функции раскрытия категории адресата текста (юные коллеги, новые поколения врачей) и темы становления личности, профессионального роста и преодоления внутренних конфликтов.

Таким образом, речевой портрет главного героя цикла рассказов «Записки юного врача» — это художественно осмысленный лингвокультурный типаж представителя названной профессии определенной эпохи, не лишенный индивидуализации и являющийся одним из инструментов воплощения идейно-художественного замысла произведения. М. А. Булгаков был одним из писателей, стоящих у истоков речевого портретирования профессиональной личности. Учитывая то, что образ врача получил дальнейшее развитие в литературном процессе, можно утверждать, что его речевой портрет является открытой моделью и дает возможности для новых синхронических и диахронических исследований.

Источник

Булгаков М. А. Записки юного врача // Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 1 / Редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др. М.: Худож. лит., 1989. 623 с.

Литература

- Гордеева Н. М. Речевой портрет и способы его описания // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. 2008. № 6. С. 89–101.
- Гуляева Е. В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат»: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 176 с.
- Дмитриева О. А. Речевой портрет: современные подходы к исследованию // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы III Международной научной конференции, посвященной 80-летию Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. С. 139–142.
- Дождикова Н. А. Свет и тьма в художественном мире М. Булгакова // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1 (34). С. 33–37.
- Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.

- Макеева С. О. Речевой портрет в круге смежных понятий // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы и тезисы докладов ежегодной международной конференции, 7 февраля 2014 г., Екатеринбург / Урал. гос. пед. ун-т; под ред. Н. Н. Сергеевой; науч. ред. Е. Е. Горшкова. Екатеринбург, 2014. Ч. 3. С. 79–85.
- Павлычева Е. Д. К вопросу о типологической классификации видов понятия «речевой портрет» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 144–150.
- Попова С. В. Речевой портрет автора как отражение коммуникативных стратегий в текстах СМИ (на материале газетных интервью) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 16 (197). С. 112–116.
- Попова С. В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 21 с.
- Старцева Т. В. Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа EMIGRANT: на материале ирландской литературы XX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 21 с.
- Шмелева Т. В. Портретирование как стратегия лингвистического исследования // Записки филиала РГГУ в г. Великий Новгород. Вып. 8. Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность: матер. междунар. науч.-практ. конф. Великий Новгород, 2010. С. 193–197.

References

- Dmitrieva O. A. [Linguistic Portrait: Modern Approaches to Research]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: Materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo* [Language. Culture. Communication: Materials of the III International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky]. Saratov, Saratov Univ. Publ., 2009, pp. 139–142. (In Russ.)
- Dozhdikova N. A. [Light and Darkness in the Artistic World of M. Bulgakov]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 1 (34), pp. 33–37. (In Russ.)
- Gordeeva N. M. [Linguistic Portrait and Methods of its Description]. *Lingvostilisticheskie i lingvodidakticheskie problemy kommunikatsii* [Linguistic-Stylistic and Linguistic-Didactic Problems of Communication], 2008, no. 6, pp. 89–101. (In Russ.)
- Gulyaeva E. V. *Lingvokul'turnyi tipazh "amerikanskii advokat"*. Diss. ... kand. filol. nauk [Linguocultural Type "American Lawyer". Cand. phil. sci. diss.]. Volgograd, 2009. 176 p.
- Karasik V. I., Dmitrieva O. A. [Linguocultural Type: Towards a Definition of the Concept]. *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: sb. nauch. tr.* [Axiological Linguistics: Lingvo-Cultural Types: A Collection of Scientific Papers]. Edited by V. I. Karasik. Volgograd, Paradigma, 2005, pp. 5–25. (In Russ.)

- Makeeva S. O. [Linguistic Portrait in the Circle of Related Concepts]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki: materialy i tezisy dokladov ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii, 7 fevralya 2014 g., Ekaterinburg* [Current Issues in German Studies, Romance Studies, and Russian Studies: Proceedings and Abstracts of the Annual International Conference, February 7, 2014, Ekaterinburg]. Ural State Pedagogical University; Edited by N. N. Sergeeva; Scientific Editor E. E. Gorshkova. Ekaterinburg 2014, part 3, pp. 79–85. (In Russ.)
- Pavlycheva E. D. [On the Issue of Typological Classification of Types of the Concept "Speech Portrait"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2016, no. 1, pp. 144–150. (In Russ.)
- Popova S. V. [Linguistic Portrait of the Author as a Reflection of Communicative Strategies in Media Texts (Based on Newspaper Interviews)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 16 (197), pp. 112–116. (In Russ.)
- Popova S. V. *Lingvokul'turnyi tipazh "shkol'naya uchitel'nitsa": sub'ektnoe pozitsionirovanie*. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Linguocultural Type "School Teacher": Subject Positioning. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Volgograd, 2012. 21 p.
- Shmeleva T. V. [Portraiture as a Strategy for Linguistic Research]. *Zapiski filiala RGGU v g. Velikii Novgorod. Vyp. 8. Istoriko-kul'turnyi i ekonomicheskii potentsial Rossii: nasledie i sovremennost': mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Notes from the Veliky Novgorod Branch of the Russian State University for the Humanities. Vol. 8. The Historical, Cultural, and Economic Potential of Russia: Heritage and Modernity. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Veliky Novgorod, 2010, pp. 193–197. (In Russ.)
- Startseva T. V. *Kognitivnoe modelirovanie lingvokul'turnogo tipazha EMIGRANT: na materiale irlandskoi literatury XX–XXI vv.* Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Cognitive Modeling of the Linguocultural Type EMIGRANT: Based on the Material of Irish Literature of the 20th–21st Centuries. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Kemerovo, 2012. 21 p.

Русская речь / Russian Speech

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Заведующая редакцией *М. А. Пузина*
Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*
Корректор *Н. Н. Занегина*
Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://slavras.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-82889 от 14 марта 2022 г., выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано к печати .
Дата выхода в свет .
Формат 60×88 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. . Тираж экз.
Зак. .
Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук
119071, Москва, Ленинский пр.-кт, д. 14
Исполнитель:
ФГБУ «Издательство «Наука» 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука» 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+